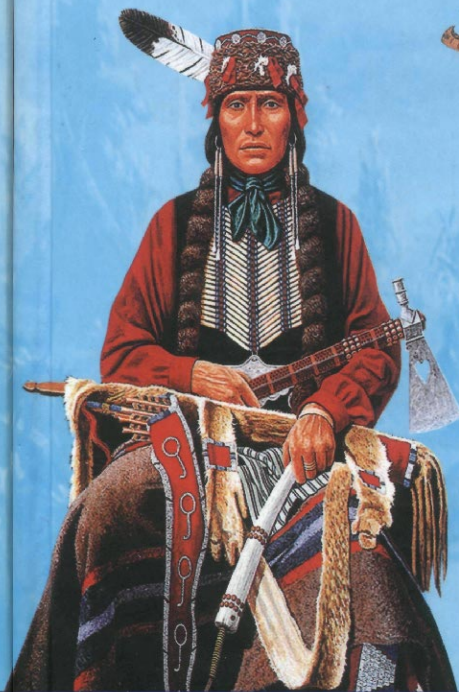


ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Джон Мэнчип Уайт

Дж. М. Уайт ■ ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ



БЫТ



РЕЛИГИЯ



КУЛЬТУРА



ИНДЕЙЦЫ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ



Jon Manchip White

**EVERYDAY LIFE
OF THE NORTH
AMERICAN INDIANS**

Джон Мэнчип Уайт

ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

БЫТ



РЕЛИГИЯ



КУЛЬТУРА



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

ББК 63.5
У12

Оформление художника И.А. Озерова

Уайт Дж.М.
У12 **Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / Пер. с англ. С.К. Меркулова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 251 с.**

ISBN 5-9524-2347-7

Джон Мэнчип Уайт, известный историк, подробно описывает быт и обычаи племен североамериканских индейцев. Вы проследите нелегкий путь их кочевья, узнаете о том, как они охотились и возделывали землю, обучали и воспитывали детей, навсегда прощались с сородичами. Книга Уайта — неисчерпаемый источник для изучения культурного наследия народа, который, несмотря на все трудности, сумел сохранить свое национальное своеобразие.

ББК 63.5

ISBN 5-9524-2347-7

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

БЫТ



РЕЛИГИЯ



КУЛЬТУРА



Глава 1

ДУХ ПРЕДКОВ

«Караван крытых повозок и фургонов растянулся по прерии. Скрипящие и громыхающие повозки напоминают флотилию мелких суденышек на бескрайних океанских просторах. Солнце в самом зените, и оно безжалостно обжигает путников своими палящими лучами. Начальник каравана и его помощники подгоняют измученных мулов и их погонщиков: к ночи они должны успеть достичь водоема, помеченного на импровизированной карте.

Вдруг начальник каравана замирает в седле. Подняв ладонь к покрытому пылью лицу, он внимательно вглядывается в линию горизонта. Там, где прерия сливается с небом, возникает огромное коричневое пятно, напоминающее своими очертаниями клубок развевающихся перьев. Может, это песчаная буря? Нет, это индейцы — караван движется по их территории. Спустя мгновение до слуха доносятся топот копыт и воинственные крики боевого клича. Начальник приказывает ставить повозки тесным кругом. Мужчины быстро достают тюки, сундуки, дорожные чемоданы и бочонки, закрывая ими проемы между повозками. Соорудив эти хрупкие импровизированные баррикады, они расчехляют кольты и винчестеры, открывают коробки с патронами. Женщины, двигаясь на четвереньках, заряжают свободное оружие и собирают вокруг себя детей, закрывая их собой. Первая яростная волна атакующих налетает на караван. Мужчины залегли у перевернутых кресел, коробок из-под посуды и бочонков для воды. Они встречают плотным огнем накатывающийся вал раскрашенных полуобнаженных тел. Воздух наполняется дикими криками, грохотом стрельбы и смрадом от пота, пороха и крови. Волны атакующих снова и снова накатываются на караван, оставляя тела убитых между оглоблями распряженных повозок.

В конце концов индейцы прибегают к своей излюбленной тактике: они кружат вокруг каравана, осыпая защитников стрелами и ловко перебрасываясь с одного бока лошади на другой, чтобы избежать пуль. Из-под крупов своих ярко разукрашенных боевых коней, удерживаясь ногами, они стреляют по защитникам каравана из ружей, которые либо достались им в виде трофеев от предыдущих нападений, либо были куплены у белых торговцев, которых меньше всего заботит, против кого эти ружья будут использованы. Защитники каравана яростно стреляют в толпы обезумевших дикарей, заплетенные косы и перьевые головные уборы которых сливаются с гривами и хвостами коней. Пули с глухим звуком впиваются в тела. Сраженные краснокожие падают на землю, сородичи топчут их тела копытами коней, яростно кружась в клубах пыли вокруг каравана. Сражен и его начальник. Помощник подхватывает ружье павшего и берет командование на себя. Сдаваться нельзя — белый человек знает, что ему не будет пощады.

Мужчин убьют и скальпируют, жен и дочерей сделают рабынями и наложницами, детей отберут и воспитают на индейский манер. Индейцы начинают стрелять зажженными стрелами, и яркие языки пламени охватывают повозки, покрытые легковоспламеняющимся брезентом. Остается лишь сражаться до последнего и попытаться отдать свою жизнь подороже...»

Перед нами типичная картина нападения американских индейцев, столь хорошо знакомая по тысячам фильмов. Выглядит захватывающе. Но в какой степени это описание соответствует действительности и историческим фактам?

Могут ответить — лишь в очень незначительной степени. Однако этот стереотип, растиражированный Голливудом, которого интересует лишь занимательность сюжета, принес много вреда. Десятки миллионов людей во всем мире, в том числе в США и Канаде, не знают абсолютно ничего об американских индейцах помимо того, что они регулярно видят на экранах кино и телевизоров. Изобилие примитивных или попросту дешевых фильмов «про ковбоев и индейцев» не позволяет зрителю понять ни кто

такие американские индейцы, ни кто такие американские ковбои.

Следует признать, что американские индейцы и сами внесли свой вклад в создание этого вводящего в заблуждение и далекого от реальности стереотипа. На них произвели большое впечатление театрализованные представления «На Диком Западе», которые были организованы в XIX веке антрепренерами У. Коуди (его представление называлось «Баффало Билл») и У. Лилли («Пауни Билл»)¹.

Эти представления начались в 1837 г., после того как Дж. Кэтлин организовал выставку картин «Индийская галерея»².

На сцене одно за другим шло до 50 представлений. Индейцы не могли удержаться от искушения подражать красочному, но далекому от реальности образу сценического индейца. К своей одежде индейцы стали добавлять множество ярких и пестрых украшений из перьев и блесток, делая ее яркой и эффектной, но неестественной. Таким образом индейцы и сами внесли вклад в свою «голивудизацию».

ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ИНДЕЙЦЕВ

Рассмотрим вкратце некоторые ошибки и заблуждения относительно индейцев, один из примеров которых мы привели в самом начале этой главы.

Во-первых, само употребление слов *индейцы* и *краснокожие* применительно к коренному населению Америки является неправильным — в этом, правда, нельзя винить ни режиссеров, ни сценаристов. Американские индейцы,

¹ «Баффало» — по-англ. «бизон»; пауни — название одного из индейских племен. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. пер.*)

² Кэтлин Джордж — известный исследователь, писатель и художник, создавший много картин о жизни индейцев, включая множество их портретов. В 1837—1838 гг. он организовал в восточных штатах упомянутую автором выставку, на которой было представлено около 600 картин. В отличие от всякого рода «представлений» в его картинах реально и одновременно доброжелательно изображалась жизнь американских индейцев.

как мы увидим, являются выходцами из Азии и происходят от монголоидной расы, но не имеют ничего общего с жителями, населявшими Древнюю Индию¹.

Эта ошибка произошла из-за того, что, когда Колумб достиг Нового Света в октябре 1492 г. и увидел о. Сан-Сальвадор², он решил, что достиг «Индиз» — так тогда называли всю нынешнюю Восточную Азию; то есть он думал, что достиг побережья сегодняшней Японии. Существование целого континента, отделявшего Европу от Азии, было полной неожиданностью для исследователей того времени. Что же касается термина *краснокожий*, то так называли коренных жителей французы, появившиеся в Америке в середине XVI в. Хотя французы любят подчеркивать точность даваемых ими определений и используемых терминов, в данном случае они совершили явную ошибку, поскольку цвет кожи американских индейцев — либо светло- или темно-коричневый, либо такой же, как и у самих французов³.

В описанной в начале главы сцене присутствуют два основных заблуждения относительно индейцев: во-первых, что они по натуре жестоки и кровожадны и, во-вторых, что они все сплошь лихие наездники и всю жизнь проводят в седле. В голливудских фильмах показывают в основном индейцев юго-западных районов Америки, иногда — северной части районов Великих Равнин, хотя большинство индейских племен занимают как раз другие три четверти американской территории. Юго-западные области, охватывающие западную часть Техаса, всю территорию штатов Нью-Мексико и Аризоны, а также южную часть Юты и Колорадо, известны своими живописными пейзажами, что естественно привлекает кинорежиссеров; к тому же здесь обитают три из пяти самых знаменитых индейских племен: навахо, апачи и команчи. Конечно, это были верховые племена, однако только лишь команчи более или менее соответствуют тому образу, который был создан кинематографом. Апачи были бедными пле-

¹ В английском языке и те и другие (т. е. индейцы и индийцы) обозначаются словом *Indians*.

² Сан-Сальвадор — один из островов группы современных Багамских островов.

³ У индейцев был обычай натирать по праздникам кожу красной охрой, что, вероятно, и ввело французов в заблуждение.

менами и использовали лошадей в пищу ничуть не в меньшей степени, нежели в качестве средства передвижения; воевали же они в основном в пешем строю. Навахо вообще отличались миролюбием, особенно по сравнению с апачами и команчами; они были мирными пастухами и скотоводами и использовали своих косматых пони больше для того, чтобы охранять стада овец и крупного рогатого скота. В любом случае навахо, апачи и команчи — это лишь три племени из более чем шестисот, населявших Северную Америку в те времена, поэтому приходится сожалеть, что создатели фильмов показывают только эти три племени, создавая таким образом у зрителя крайне искаженную и однобокую картину. Как увидим ниже, большинство индейских племен не жило в районах пустынь и не относилось к верховым: лошадь не играла определяющую роль в их жизни, а некоторые племена не знали ее вообще. В действительности важную роль в жизни индейцев лошадь стала играть лишь за два столетия до того, как те были согнаны со своих земель белыми людьми, а 20 000 лет до этого, включая период своего культурного расцвета, индейцы прекрасно обходились без лошадей.

Перед нашествием европейцев индейцы занимались охотой, сельским хозяйством, собирательством и рыбной ловлей, вели скромный, миролюбивый и совершенно неагрессивный образ жизни. Они уже не были кочевниками, а вели оседлый образ жизни на своей довольно четко очерченной территории; многие были оседлыми земледельцами или рыбаками. Некоторые племена действительно были воинственными, но, во-первых, такие племена были весьма малочисленны, да к тому же разделялись на множество мелких отрядов — главной их задачей была охрана продовольственных запасов; имели место не крупные войны, а небольшие стычки. Именно европейцы со своими регулярными армиями и современным оружием навязали индейцам безжалостную войну без правил, заставив их принять и вести неравную, обреченную на неудачу борьбу в защиту своего достоинства и образа жизни. Именно белые, а не индейцы демонстрировали настоящую агрессивность, тесня коренных жителей Америки все дальше с востока на запад, пока их не поглотило всходящее над океаном солнце... Именно белые, а

не индейцы совершали настоящие зверства; история того, как индейцев обманывали, сгоняли с родных земель и просто истребляли, носит поистине шокирующий характер.

О том, как воевали индейцы, мы расскажем в отдельной главе; здесь лишь отметим, что из фильмов у людей сложилось о них впечатление как о воинственных верховых племенах, обитающих в основном на равнинах Запада и в засушливых районах юго-запада. Ответственность за это лежит в основном на создателях голливудских фильмов. Индейцы все более и более воспринимаются зрительской аудиторией как обитатели какой-то неведомой фантастической страны, где вместе с ними живут аналогичным образом воспринимаемые ковбой, первые поселенцы и солдаты американской кавалерии.

Почти всегда индеец показан как враждебно настроенный по отношению к белому человеку. Однако так было далеко не всегда. События, описываемые в начале этой главы, могли развиваться совершенно по-иному: вполне вероятно, что индейцы не атаковали караван, а, наоборот, показывали ему дорогу и охраняли в пути. Индейцы помогли многим тысячам белых путешественников и переселенцев, предоставляя им жилье, снабжая пищей и водой. Первоначальный прием, оказываемый индейцами белому человеку, почти всегда был дружелюбным. Индейцы проявляли интерес к пришельцам: к их обычаям, вере, одежде, орудиям и техническим новшествам. Индейцам казалось, что на этих бескрайних просторах хватит места для всех. Они не могли предположить, что переселенцы будут прибывать на Восточное побережье и двигаться внутрь страны, разрастаясь как опухоль такими темпами, что это станет представлять для них серьезную угрозу. Прошло немало времени, пока индейцы поняли, что бесконечные караваны из повозок и дилижансов, многочисленные сети железных дорог, покрывшие континент, суть кандалы, в которые их заковали, лишив свободы. Пассажирами этих караванов и поездов были не дружески и доброжелательно настроенные люди, а старатели, солдаты, торговцы и просто всякий сброд, который пришел, чтобы уничтожить коренных жителей и погубить холмы, реки, луга и леса, которые с незапамятных времен были индейским домом...

Беда была в том, что компромисс между белыми и индейцами был невозможен. Конец этой неравной борьбы был предрешен: образ жизни индейцев должен был быть окончательно разрушен, ибо был прямой противоположностью образу жизни и представлениям белого человека, для которого индеец был абсолютно непонятен и пугающе непредсказуем, а страх, как известно, рождает ненависть. К тому же, к несчастью для американских индейцев, как и их южных мексиканских соседей, столкнувшихся с Кортесом и Писарро, их контакт с европейцами произошел тогда, когда те проходили агрессивную, захватническую фазу в своем историческом развитии, а нарождающееся молодое американское государство шло железной безжалостной поступью промышленной революции. После того как Техас провозгласил создание республики в 1836 г., а Мексика была разгромлена и лишилась части своей территории в 1846 г.; после гражданской войны и официального объявления президентом Мак-Кинли теории «предопределенной судьбы» как основы американской политики стало ясно, что индейцам нет места в Америке¹.

«Дикий», «нецивилизованный», «безнадежно отсталый» туземец должен был «уступить место» — что и произошло.

Индейцев сгоняли с земель все более и более активно. Конец индейского сопротивления ознаменовали события в Вундед-Ни в Южной Дакоте, произошедшие 29 декабря 1890 г., когда солдаты 7-го кавалерийского полка армии США уничтожили более 300 индейцев сиу, включая женщин и детей. К этому времени численность американских индейцев, которая и так никогда не была внушительной, сократилась вдвое в результате прямого уничтожения, постоянного насильственного сгона с насиженных

¹ Теория «предопределенной судьбы» была сформулирована в первой половине XIX в.; она провозглашала «естественное» превосходство американских порядков и самих американцев над другими странами и людьми, что давало США, по мнению разработчиков этой теории, право не считаться с интересами «отсталых» народов как внутри страны, так и за рубежом. В конце XIX столетия «предопределенной судьбы» теория стала официальной доктриной республиканской партии, от которой У. Мак-Кинли баллотировался на пост президента в 1896 г. и одержал победу.

земель, гибели в заточении, болезней и умышленно вызванного голода¹.

Позднее множество индейцев погибло от алкоголизма и потери всякого интереса к жизни.

В конце XIX столетия было в пору говорить не о «последнем из могикан», а о «последнем из индейцев». Под натиском навязанной и возобладавшей культуры вторгнувшегося белого человека множество знаменитых в свое время племен исчезли навсегда. Из 600 индейских племен, известных в 1800 г., сегодня сохранилось лишь 250, причем многие из них являются весьма малочисленными.

Если сегодня множество людей не знает, что американские индейцы по-прежнему существуют, то еще большее число их вообще не имеет никакого представления об их жизни до появления в Америке европейцев. Но за последние 50 лет индейцы постепенно, но неуклонно возрождаются; прирост населения среди них является сегодня самым высоким по сравнению с другими группами населения США. Несмотря на бедность, болезни и безработицу, индейцы достигли первоначально существовавшей численности примерно в 1 миллион человек. И можно смело сказать, что у этих сильных, мужественных и стойких людей не только есть прошлое, но и будущее. Богатая история американских индейцев опровергает лживые измышления о том, что они примитивные и грубые дикари. Их история насчитывает не столетия, а двадцать—тридцать тысяч лет, как и у европейцев, и история эта, исключительно яркая и самобытная, сложилась и существовала задолго до появления Колумба.

ОТКУДА ОНИ ПРИШЛИ

Каково происхождение американских индейцев и как их предки попали на американский континент? Ответ на эти вопросы очень важен для понимания жизни американских индейцев в период культурного расцвета их цивилизации.

¹ Для этого, в частности, были специально истреблены бизоны, служившие основным источником пропитания многим индейским племенам.

Для того чтобы понять сегодняшнее состояние современного государства, следует четко представлять себе, какие факторы и тенденции оказали влияние на его формирование. Сообщества людей, как и отдельные люди, являются продуктом своего прошлого, даже если они пытаются игнорировать или преуменьшить эту взаимосвязь. Проблема в том, что многие американцы, а также (хотя и в меньшей степени) канадцы проявляют крайне мало интереса к своему далекому прошлому. Средний американец убежден, что история его страны берет начало с 1776 г.; что же касается предшествовавшего периода европейской колонизации, то к нему относятся как к чему-то туманному, неясному и незначительному, а то, что происходило за столетия до этого, в представлении подавляющего большинства американцев вообще окутано мраком. Тем не менее раннеиндейский период является такой же составной частью американской истории, как и период появления европейцев. И безусловно, американцы почувствовали бы себя уютнее и комфортнее, если бы осознали эту связь и научились извлекать пользу из понимания единства и целостности своей истории, стали бы воспринимать раннеиндейский период как важнейшую составную часть своей истории, своего рода якорь, который придает устойчивость и надежность всей исторической конструкции. Это избавило бы их от ощущения себя «зеленым новичком» на мировой арене: ведь тридцать тысяч лет — срок немалый.

Если европейцы попали на американский континент через Восточное побережье, то коренные жители Америки пришли сюда с северо-запада. Тридцать тысяч лет тому назад Северная Америка выглядела совсем по-другому, нежели сейчас. Вся ее северная часть была скована ледником. Это была заключительная фаза ледникового периода, которая называется висконсинским оледенением (последнее из имевших место четырех оледенений), совпадавшим по времени с вюрмским оледенением в Европе. Мощная ледяная «шапка» накрыла северную часть континента до района Великих озер включительно¹.

¹ Район озер Верхнее, Гурон, Онтарио, Мичиган и Эри; захватывает юго-восточные районы Канады, а на юге выходит на американские штаты Иллинойс, Индиана и Огайо.

Под ледяным напором природа отступала на юг — там находились районы с теплым и влажным климатом, покрытые пышной и сочной растительностью; они охватывали всю свободную от ледника территорию нынешних Соединенных Штатов. Почвы подпитывались обильными дождями, вызванными близостью ледника; растительный и животный мир был чрезвычайно обилен и разнообразен. Среди животных были как встречающиеся и поныне — в частности, марал, лось, канадский олень (карибу), пекари (разновидность американской дикой свиньи), так и вымершие — мамонт, мастодонт, американский верблюд, тапир, неуклюжий и причудливо выглядевший гигантский ленивец, который передвигался на тыльной стороне лап из-за очень длинных когтей, мускусный бык и огромный круглорогий бизон. Также встречались некоторые породы диких лошадей — которые позднее либо были истреблены, либо вымерли; во всяком случае, лошадь в Америке была известна задолго до того, как она была завезена сюда испанцами.

Древние гигантские животные были важным источником мяса, шкур, жил и сухожилий, столь необходимых древнему человеку для пропитания, одежды, обустройства жилищ и множества других целей — для обеспечения нормальной жизнедеятельности. Неудивительно, что охотники, преследовавшие животных на бескрайних сибирских просторах, продвигались за своей столь ценной добычей и далее, в сторону американского континента. Но как они сумели преодолеть столь плотный ледяной барьер и проникнуть внутрь Северной Америки?

Первая часть их пути не была слишком сложной. От азиатского побережья до Аляски тянулся своего рода перешеек, представлявший собой свободную ото льда полосу тундры, проходил он через нынешний Берингов пролив. И сейчас эту водную преграду шириной 96 км эскимосы легко преодолевают на своих покрытых кожей лодках; а в то время, из-за того что Северный Ледовитый океан был покрыт льдом, уровень моря в районе Берингова пролива был на 61 м ниже, и преодолеть это расстояние посуху для привыкших к невзгодам и испытаниям охотников было чем-то вроде легкой прогулки.

Настоящие трудности ожидали их по прибытии на Аляску. На пути к манящему зеленому раю лежал цель-

ный ледник. Лишь три или четыре раза во время висконсинского оледенения в нем появлялись на короткое время проходы, открывавшие дорогу на юг. По ним-то и двигались навстречу неизвестности сильные духом и смелые сердцем люди.

Стиснутые с двух сторон льдами, они продвигались вниз по линии нынешней реки Мак-Кензи, держась восточных склонов Скалистых гор, которые уже тогда были становым хребтом Америки. В конце концов они достигали покрытой пышной растительностью территории нынешней Монтаны.

Здесь, вырвавшись из мрачных ледниковых объятий, люди могли определиться, куда двигаться дальше. Одни направлялись в покрытые лесами восточные районы, другие — на запад, к тихоокеанскому побережью, ну а остальные двигались далее к югу и, пройдя Вайоминг и Колорадо, достигали территории, ныне занимаемой Нью-Мексико и Аризоной.

Вероятно, наиболее смелые охотники пробились еще далее на юг и, пройдя Мексику и Центральную Америку, достигли Южной Америки, а столетия спустя — ее южной оконечности — Чили и Аргентины. Здесь можно провести параллель с Африкой: местным племенам понадобились многие столетия, чтобы, двигаясь с севера, достичь мыса Доброй Надежды на юге; они появились там вскоре после того, как туда уже прибыли морем голландцы.

Как ни странно, наиболее высокоразвитые цивилизации в доколумбовой Америке мы встречаем в центральной ее части — это цивилизации ольмеков, майя, сапотеков и ацтеков¹, а также в Южной Америке — цивилизация инков².

Следует также иметь в виду, о чем мы не раз упоминаем в данной книге, что многое из происходившего в Мексике оказало самое непосредственное влияние на развитие событий в районах, расположенных на север от нее.

¹ Правильное произношение слова *aztec* — астеки, т. е. «люди из Астлана», считавшегося их родиной (по мнению некоторых специалистов, так назывался остров, расположенный на одном из мексиканских озер), но в русской традиции давно закрепилось не совсем правильное их наименование — ацтеки.

² Автор пишет «как ни странно», имея в виду, что коренное население в Центральной и Южной Америке появилось на несколько столетий позднее, чем в Северной.

Конечно, не исключена вероятность того, что часть охотников достигла Америки и Канады не только через Аляску; они, возможно, попали сюда через Алеутские острова, как, к примеру, алеуты и эскимосы. При ограниченном объеме имеющейся у нас информации в данном вопросе нельзя придерживаться категорических утверждений. Вполне вероятно, что Южной Америки достигли искусные моряки из Полинезии; также не исключено, что около 1000 лет назад небольшой отряд викингов во главе с самим Лейфом Эйрикссоном основал небольшое поселение в Ланс-о-Мидоуз на северной оконечности острова Ньюфаундленд.

Однако большинство «первооткрывателей» Америки прибыли сюда по вышеупомянутому маршруту через Аляску, двигаясь далее на юг от Юкона.

Скорее всего, были две основные группы переселенцев: первая прибыла из Сибири, обладая уже сформировавшимся языком; вторая — несколько столетий спустя. Первые поселения или стоянки датируются примерно 10 000 г. до н. э., хотя, возможно, они появились в 50 000—40 000 гг. до н. э.

Вторая и более многочисленная волна переселенцев, скорее всего, прибыла на континент до 9000—8000 гг. до н. э., поскольку в это время ввиду климатических изменений, связанных с окончанием ледникового периода, сухопутный перешеек от Сибири до Аляски ушел под воду.

Данные антропологии и результаты анализов крови явно свидетельствуют о том, что предками современных индейцев были жители Сибири и Верхней Канады, относящиеся к классической монголоидной расе. У них, как и у индейцев, карие глаза, прямые черные волосы, очень незначительный волосяной покров на лице и теле, широкий нос с низко расположенной переносицей, раскосые глаза с характерной складкой у век, а также группа крови, относящаяся к верхней части группы Б. К сожалению, практически не найдено никаких костных останков, позволяющих предположить, как выглядел человек того времени. В районе Мидленда в Техасе были обнаружены костные останки молодой женщины, умершей примерно 10 000—15 000 лет назад; они получили название останков «мидлендского человека»; в Тепешпане, Мехико, были обнаружены останки человека примерно того же возраста,

их соответственно стали называть останками «тепешпанского человека». Человеческие останки возраста 10 000—15 000 лет были найдены в разное время в Миннесоте, Миссисипи, Флориде, Колорадо, Альберте, а также не менее чем в пяти местонахождениях, обнаруженных в Калифорнии (Арлингтон-Бич, Лагуна-Бич, Лос-Анджелес, Ранчо-Лабреа и Сан-Диего). Наиболее многообещающей была находка в Мармз, штат Вашингтон, где были обнаружены останки трех человеческих черепов, датированные 11 000—8 000 г. до н. э. Были также найдены наконечник копья и костяное шило, что давало повод предположить, что обнаружена уникальная древняя культура коренных жителей Америки. К сожалению, именно в этом месте инженерными войсками США была возведена плотина, и теперь уникальные экспонаты лежат на 12-метровой глубине под водой.

Неудивительно, что в странах с такой обширной территорией и по сравнению с нею небольшим населением, какими являются США и Канада, трудно обнаружить человеческие останки; подобного археологического материала недостаточно даже в Европе. Однако если останков самих охотников обнаружено крайне мало, то фрагментов орудий, при помощи которых велась охота, в частности различных наконечников, найдено огромное множество — ведь охота являлась основным и постоянным занятием. За крупными животными охотились постоянно, чтобы обеспечить запасы мяса, поэтому охотничьи орудия изготавливались миллионами. Каменные орудия являются гораздо более твердыми по сравнению с костяными и содержат больше информации об их изготовителях, что позволило выделить три основные группы охотников на территории древней Америки; правда, на сегодняшний день не представляется возможным определить, идет ли речь о родственниках, следующих друг за другом в генетической последовательности охотничьих культурах или же о культурах и традициях, независимых друг от друга.

Самой старшей является *культура кловис*, названная так по названию города в штате Нью-Мексико, где были впервые найдены ее ярко выраженные образцы. Охотники кловис вели охоту на крупных животных на юго-западе США примерно в 10 000 г. до н. э.; они, в частности, охотились на мамонта и на вымершего позднее гигант-

ского бизона — *Bison antiquus*. Возможно, эти охотники были дальними или даже прямыми родственниками тех охотников, следы которых были обнаружены в пещере Сандиа в районе Альбукерке, штат Нью-Мексико. *Культура кловис*, а ее иногда еще называют *культура лано*, знаменита желобчатыми наконечниками метательных орудий, которые были специально так выполнены, чтобы их удобнее было насаживать на деревянное древко.

Были обнаружены орудия, родственные кловис, с тем отличием, что желобок проходил по всей длине наконечника, а не только у его основания, как у кловис. Орудия данной культуры стали встречаться вместе с орудиями кловис где-то начиная с 9000 г. до н. э., то есть тысячелетие спустя после появления орудий культуры кловис. Новые орудия стали относить к *фолсомской культуре* по названию городка американского юго-запада, где эти образцы были обнаружены.

При этом следует отметить, что, хотя охота была очень распространена на юго-западе, орудия типа кловис встречались по всей территории Северной Америки. В то же время наличие такой разновидности фолсомского наконечника, как наконечник *плейнвью* (по названию небольшого городка в шт. Техас), говорит о том, что в рамках основной культуры древних охотников начинали формироваться ее самостоятельные подвиды и разновидности. Совокупность таких разновидностей составила третий основной культурный тип рассматриваемого раннего периода и носит название *культура плано*, получившая распространение начиная примерно с 7000 г. до н. э. Это название объединило ряд разновидностей орудий, разбросанных по всей территории Северной Америки; каждый тип выделялся характерной формой наконечника, и по этому признаку были выделены такие культурные подвиды, как *скоттсблафф*, *ангостура*, *иден*, *милнсенд*, *агат-бэйсин* и др. В целом можно сказать, что охотники культуры *плано* использовали узкий длинный наконечник, который называют листовидным или ланцетовидным.

Конечно, наконечники копий были не единственным изделием, созданным трудом древних людей. Они также изготавливали чопперы, ножи, скребла и другие каменные орудия, а также иглы, шилья, сверла и костяные гребни. Им был знаком огонь, который люди научились получать

одновременно в самых разных районах планеты на позднем этапе каменного века. Найденные каменные палитры говорят о том, что люди древней Америки этого периода были знакомы с живописью и другими видами творчества, хотя таких памятников древней скульптуры и настенной живописи, как в Европе, здесь обнаружено не было. Не вызывает сомнений, что древние американцы, как и европейцы, умели искусно работать с кожей, деревом и другими недолговечными материалами; возможно, что они, как и их потомки-индейцы, жили в палатках, деревянных хижинах, пещерах и в углублениях под навесами скал. К сожалению, время не сохранило образцы творений, созданных руками людей той далекой эпохи.

Кловис — фолсом — плано; именно в такой последовательности располагаются культуры периода, который называют *палеоиндейским* (то есть раннеиндейским, «на заре жизни индейцев») или литическим (то есть периодом использования каменных орудий; от греческого «литос» — камень). Этот период был очень длительным по времени: он начался где-то 50 000 лет назад и закончился примерно в 8000—7000 г. до н. э. Хотя наконечники, типичные для всех трех культур, были обнаружены по всей территории Северной Америки, образцы, найденные в Центральной и Южной Америке, несколько отличались от североамериканских; при этом следует отметить, что охотники из Северной Америки продвигались на юг со скоростью примерно 1—2 км в год. В любом случае, как было установлено, культуры литического периода достигли южной оконечности Аргентины примерно к 8000 г. до н. э.¹

Это, в свою очередь, говорит о том, что на территории США и Канады данные культуры получили распространение за десятки тысяч лет до этого.

Стойкие и мужественные люди, пришедшие в Центральную и Южную Америку, продвигались не по труднопроходимым малярийным джунглям, а старались держаться склонов Кордильер и Анд с сухим и здоровым климатом².

¹ Расположенные на самом юге Южной Америки остров Наварино и мыс Горн входят в состав территории современной Аргентины.

² Эти горные цепи простираются с севера на юг Южной Америки вдоль тихоокеанского побережья.

Маршрут из
Сибири в Америку:
по перешейку
суши через
Берингов пролив
и далее через
проходы в ледниках

Культуры
пустынь

■ Агат-Бэйсин

■ Иден

■ Скоттсблафф

р. Републикан-Ривер

р. Дисмэл-Ривер

■ Юма

Спиро-Маунтэйн

Юго-запад
(см. карту на с. 30)

■ Фолсом

■ Калико-Маунтэйнс

■ Сандиа

■ Плейнвью

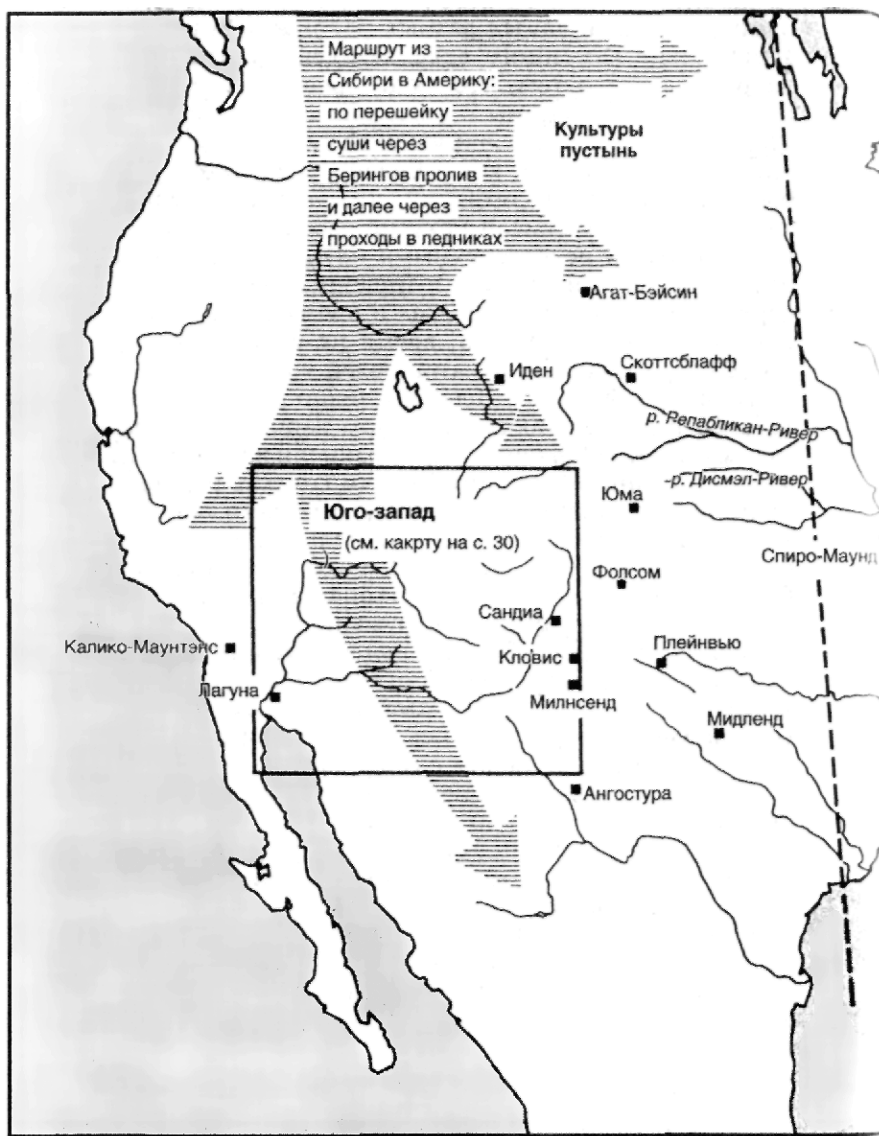
■ Лагуна

■ Кловис

■ Милнсэнд

■ Мидленд

■ Ангостура





В Северной Америке охотники, наоборот, старались селиться вблизи болот и озер, которые в те времена имелись в изобилии; многие из них впоследствии пересохли, и сейчас только специалист может определить, что они здесь когда-то существовали. Крупные животные, по следам которых охотники двигались в Америку из Сибири, приходили к болотам и озерам на водопой и отдых, чем охотники и старались воспользоваться.

О приемах охоты, которые использовали индейцы как в ранние, так и в более поздние периоды, мы подробнее поговорим позже; сейчас же отметим, что в 10 000 г. до н. э. охотники кловис использовали два основных приема охоты на крупных животных, которые применялись почти что до настоящего времени. Первый заключался в непрерывном преследовании группой охотников мамонтов, мастодонтов и других крупных животных до тех пор, пока их не загоняли в определенное место, где им наносили смертельные раны метательными орудиями — копьями и дротиками. Обычно это происходило на берегу озера или у обрыва каньона; именно в этих местах было обнаружено большое количество наконечников, застрявших между костями гигантских животных. Таким же способом, распространенным среди охотников на всей территории Северной Америки, охотились и на последних оставшихся крупных животных — бизонов¹.

Древние охотники также изобрели специальные ловушки, которые называют «бизоний трамплин». Одну и ту же ловушку старались использовать как можно чаще. Было обнаружено большое количество таких ловушек, многие из них использовались в течение нескольких столетий. Это и был второй способ охоты на крупных животных, представлявший собой несколько усовершенствованный вариант первого.

Из камней и валунов выкладывались ограждения вдоль тропы, ведущей к обрыву, упав с которого животное либо

¹ Это животное называют словами *bison* и *buffalo*, считая их синонимами. Однако это не совсем так. Правильнее использовать слово *bison*, оно по-латыни означает именно то животное, которое обитало в Северной Америке. Слово *buffalo* соответствует латинскому *bubalus* и обозначает животное, которое обитало в Африке и Древней Индии. Тем не менее в настоящей работе мы будем использовать слово *buffalo*, поскольку оно уже много лет как вошло в обиход и является привычным для читателя. (*Примеч. авт.*)

погибало, либо получало серьезные увечья и становилось легкой добычей охотников. Тропа выкладывалась таким образом, чтобы с нее нельзя было свернуть; когда ничего не подозревающее стадо животных заходило в загон, охотники выскакивали из укрытий и начинали громко кричать и размахивать оружием, чтобы вызвать панику у животных и заставить их прыгать вниз. Это было несложно: бизон представлял опасность, только если оказывался рядом с человеком, но он был достаточно несообразительным животным, к тому же имел слабое зрение и обоняние.

После того как животные падали вниз и погибали либо добивались охотниками, их туши разделялись прямо здесь же: язык и внутренности, считавшиеся деликатесами, готовили и сразу же съедали; шкуры и наиболее ценные части туш забирали с собой.

Примерно к 5000 г. до н. э. ледник на севере Америки стал активно таять, что привело к резким климатическим изменениям на континенте. Плодородные земли юго-запада все более превращались в пустыню; засушливый климат привел к резкому сокращению поголовья бизонов — последних из выживших крупных доисторических животных; их поголовье уже никогда не достигло, даже приблизительно, своего прежнего уровня. Человек уже больше не мог обеспечивать свое существование за счет лишь охоты на крупных животных, и ему приходилось искать новые формы жизнеобеспечения. Именно в это время он наглядно продемонстрировал свое уникальное умение приспособливаться к резко меняющимся условиям среды обитания.

С 8000 г. до н. э. начал формироваться новый культурный период. Он совпадал с последней фазой литического периода, постепенно приходя ему на смену. Археологи называют этот период *архаическим* и считают, что он продолжался с 1500 по 1000 г. до н. э. Вся датировка, конечно, является приблизительной и условной, ведь не могли же древние люди сказать: «Ну вот, на дворе 8000 г., па-леоиндейский период заканчивается, и мы теперь будем жить в архаическом». Некоторые сообщества так и остались на примитивном уровне развития и пользовались соответствующими орудиями, характерными для значительно более ранних периодов. Другие, наоборот, поднялись на более высокий уровень материальной культуры — в

силу ли вынудившей их к этому среды обитания или же благодаря тому, что среди них были более талантливые и способные люди, чем в других сообществах.

Некоторые сообщества, встречавшиеся по всей территории Северной Америки, в дополнение к традиционному набору орудий и предметов из камня и кости активно использовали и те, которые были характерны для индейцев в пору их культурного расцвета: керамику, корзины, меховую одежду, украшения из бисера и бусы, мокасины, сандалии, музыкальные инструменты и массу других вещей. Интересно, что примерно около 3000 г. до н. э. люди культуры архаического периода, жившие на территории нынешних Висконсина, Миннесоты и Мичигана, научились делать медные орудия. Именно в это же время с медью научились работать и в Европе, и в Азии. Плавка и другие более совершенные способы еще не были известны: медь тем не менее умели извлекать из руды, затем при помощи молота создавали листовые заготовки, из которых делали топоры, ножи, гарпуны, наконечники копий и стрел, рыболовные крючки и украшения.

Короче говоря, наблюдался переход к оседлой жизни на всей территории Северной Америки. Потребовалось 10 000—20 000 лет, чтобы население выросло от нескольких сотен пришедших из Азии кочевников до десятков тысяч коренных жителей Америки. Полная трудностей и опасностей жизнь древнего охотника не способствовала быстрому росту населения. Детская смертность была очень высока даже по стандартам того времени; продолжительность жизни также была низкой. При имевшем место образе жизни увеличение населения особо не приветствовалось: с одной стороны, если рождался мальчик, это означало, что увеличилось число воинов и охотников, а с другой стороны, любой родившийся означал появление лишнего рта. Наконец, следует иметь в виду, что охота до появления огнестрельного оружия была очень опасным занятием: на гигантских животных с мощными бивнями охотились практически голыми руками, а в погоне за антилопой или оленем приходилось с риском покрывать большие расстояния.

Очень медленно, постепенно люди усваивали и перерабатывали опыт и навыки предыдущих поколений. По мере совершенствования умения и навыков жизнь стано-

вилась легче, хотя бы отчасти. У людей появлялось больше свободного времени, которое использовали для таких занятий, как производство керамики, ткачество, танцы и музыка. Крупные животные постепенно исчезали, и люди начинали охотиться на более мелких, пополняя запасы и за счет других продуктов. Как в более многочисленных и зажиточных семьях все больше свободного времени тратили на развлечения и удовольствия, так и у более многочисленных племен вырабатывалось ощущение своей собственной земли, желание закрепить за собой определенную территорию. Конечно, в такой крупной стране, как Америка, тысячи и даже десятки тысяч человек не могли создать проблему перенаселения. Однако у людей все более вырабатывалось чувство собственной территории; они не могли себе позволить охотиться на территории, которая принадлежала не им, считая это браконьерством, равно как и не позволяли другим делать то же на их собственной территории. Конечно, индейцы никогда не относились к собственности и имуществу с таким рвением, как белые люди; большинство племен большую часть жизни передвигалось по бескрайним американским просторам, но с наступлением архаического периода все большее число индейцев ощущало необходимость освоения и какого-то обустройства среды своего обитания.

Археологи разделяют культуры, характерные для архаического периода, на две основные группы: восточную — «культуры лесной зоны», и западную — «культуры пустынь». В целом можно выделить пять основных районов распространения культур, которые тогда начинали складываться и которые определяли жизнедеятельность американских индейцев вплоть до начала XX столетия. Это следующие районы: юго-запад; лесная зона восточных районов, в которую входит район Великих озер, а также северо-восточные и юго-восточные районы; район Великих Равнин и прерии; Калифорния и прилегающий район Большого Бассейна; и наконец, северо-запад и прилегающие плоскогорья. Мы уделим специальный раздел каждому из этих районов; хотя в Северной Америке не было цивилизаций, сравнимых с центрально- и южноамериканскими, но именно архаический период был настоящим «золотым веком» древней североамериканской культуры. Когда мы сегодня говорим об индейцах Северной

Америки, то рассматриваем их жизнь в течение последних трех столетий — то есть когда они уже вступили в контакт с европейцами. Однако это уже было время их упадка и деградации. Именно в предшествующие 3000 лет индейская культура достигла вершины своего расцвета, а наиболее впечатляющих успехов — на юго-западе, с которого мы и начнем наше описание.

ЮГО-ЗАПАД

Как уже отмечалось, в те времена, когда пришельцы из Азии спускались по восточным склонам Скалистых гор, своего рода лестнице, в глубь континента, климат на юго-западе был влажным и очень благоприятным для плодородия почв. Путь пришельцев как раз пролегал через эти районы, где в изобилии водились животные, служившие главным источником пропитания. Две самые ранние американские культуры названы по имени мест, расположенных на юго-западе; когда же во время архаического периода климат изменился в неблагоприятную сторону и район превратился в засушливый, его жители проявили немалую изобретательность и сумели сохранить как свою культурную самобытность, так и лидирующее положение среди районов распространения древнеамериканских культур.

Люди культуры *кочизе*¹ жили в южной части нынешней Аризоны. Культура получила название по имени одного из вождей апачей, хотя навряд ли апачи и их вождь заслуживали подобной чести, поскольку они, во-первых, вели не оседлый образ жизни, характерный для этой культуры, а кочевой, а во-вторых, были более отсталыми по сравнению с большинством других индейских племен. Люди культуры *кочизе* имеют генетическое культурное родство с охотниками кловис; где-то около 9000—8000 гг. до н. э. они обосновались в районе современного Дугласа. На ранних фазах этой культуры, которые называют соответственно *салфер-спрингз* и *чирикауа*, ее носители вели почти такой же образ жизни, что и охотники кловис, занимаясь охотой и собирательством корнеплодов, клубней,

¹ К о ч и з е — первая земледельческая культура древней Америки.

орехов и ягод. Два важнейших события произошли на третьей фазе этой культуры, которую называют фазой *сан-недро*: ее носители стали изготавливать керамику, а также были первыми американцами, начавшими выращивать маис. Эти два упомянутых навыка они почерпнули у своих южных соседей, живших на территории современной Мексики, которая и сейчас самым тесным образом связана со своим северным соседом.

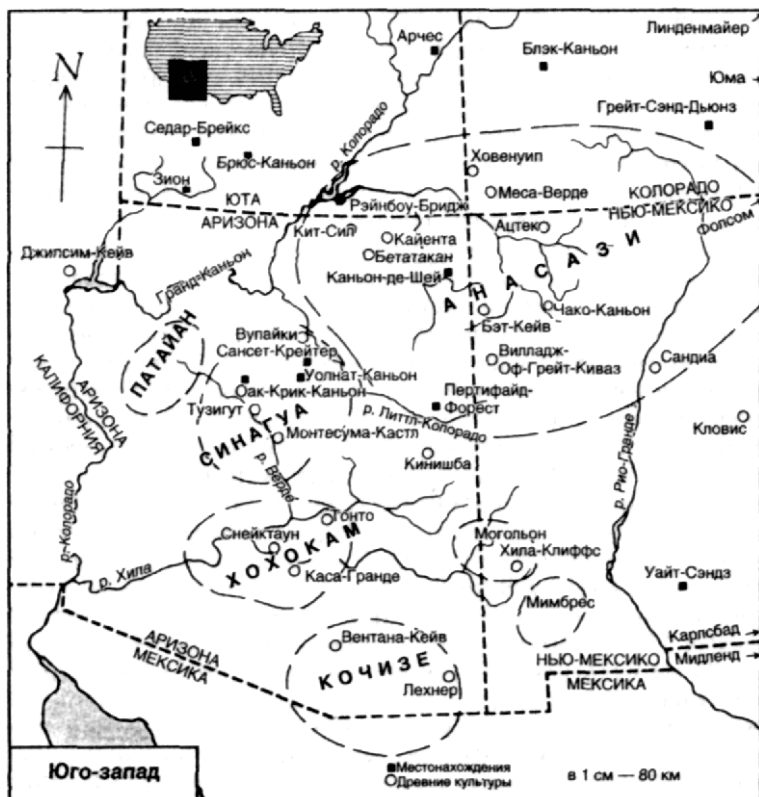
Вполне возможно, что культура кочизе была привнесена на север выходцами из Мексики; «переселения народов» часто случались в индейской истории, поэтому вполне вероятно, что именно южане привили своим северным соседям вышеупомянутые навыки. И в Южной и в Северной Америке произошло несколько поистине знаковых событий в области сельского хозяйства еще до появления европейцев. В Венесуэле научились выращивать корнеплоды и клубни; в Андах — картофель, а в тропических джунглях — корень тапиоки (маниоки). Но наиболее важные события произошли в Мексике — на юго-востоке, в долине Теуакан, а также севернее. Здесь начиная с 5000—2500 г. до н. э. выращивали несколько видов кукурузы и маиса, а также бобовые, американскую тыкву, перец, табак и другие культуры; а где-то между 2500 и 1500 г. до н. э. стали производить керамику.

Люди культуры кочизе начали применять на практике эти жизненно важные открытия начиная с 5000 г. до н. э. В известном смысле можно сказать, что они передали эти навыки людям культуры хохокам, которые, скорее всего, пришли на территорию южной части нынешней Аризоны из Мексики около 500 г. до н. э.; эта культура процветала до 1400 г. н. э. Название хохокам взято из языка индейцев пима, являющихся прямыми потомками людей этой культуры. В переводе оно означает «те, кого уже нет»¹.

Это слово может также означать уважение к достижениям тех людей, к которым оно относится. На берегу рек Хила и Солт, южнее современного Финикса, люди культуры хохокам построили целую систему каналов; некоторые из них достигали 9 м в ширину и 3 м в глубину. Общая протяженность этой системы, идущей по равнине, составила около 240 км. Здесь также были построены со-

¹ Некоторые специалисты переводят его как «исчезнувшее бесследно», а также «полностью использованное».

ДЖ.М. УАЙТ. ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ



единяющиеся друг с другом поселения. Во время расцвета этой культуры, прошедшей через четыре основные фазы: раннюю, фазу колонизации, фазу оседлости и классическую, — в некоторых поселениях насчитывалось до 5000 домов. Люди этой культуры были прилежными созидателями. Они жили в крытых прямоугольных домах, стены которых были выполнены из тростника. Пищу готовили в специальных очаговых (костровых) ямах, которые и сегодня используются в резервации индейцев пима. Помимо прекрасно выполненных и разукрашенных керамических изделий, люди этой культуры делали замечательные украшения из раковин, бирюзы и других материалов, а также зеркала, искусно инкрустированные пластинами из

железа и серного колчедана. Они также построили несколько площадок для игры в мяч, пользовавшейся огромной популярностью у их южных соседей — родственников им майя и тольтеков. К счастью, до наших дней сохранилось одно из прекрасно выполненных сооружений, напоминающих здания, которые были построены во время классической фазы культуры хохокам. Их создали люди одной из разновидностей культуры хохокам, которая называется культура *саладо*. Интересно, что представители этой культурной разновидности мирно уживались и сосуществовали с представителями основной культуры. Это сооружение, расположенное к югу от Финикса, носит название Каса-Гранде¹. Здание выполнено из адобов².

Так оно и стоит многие годы под солнцем и ветрами; тем не менее четыре этажа по-прежнему сохранились, а стены имеют 1,2 м в ширину. В древние времена это здание являлось, очевидно, своего рода «квартирным» домом. Люди культуры хохокам были не только терпимы к представителям других культур, они содействовали образованию новых культур, связанных с занятием сельским хозяйством. Поскольку, вероятно, основной центр проживания людей этой культуры, сосредоточенный на берегах Хилы и Солта, оказался перенаселен, часть людей ушла на север, где сформировались родственные культуры *патайан* и *синагуа*; другие — на восток, где возникли культуры *могольон* и *мимбрес*. И сегодня прямые потомки людей культуры хохокам — индейцы пима, папаго, ма-рикопа, йавапай и хавасупай — продолжают заниматься сельским хозяйством, как и их далекие предки.

Люди хохокам были первыми древними людьми, о которых был собран большой археологический материал, и им отводится ведущее место в учебниках по археологии. Однако всего через пять столетий — что очень немного по меркам древних времен — после того, как люди культуры хохокам начали создавать систему каналов, также на юго-западе, но в другой его части, вели свою деятельность, давшую не менее внушительные результаты, люди другой знаменитой культуры. В 560 км от людей хохокам,

¹ «Большой дом».

² А д о б ы — необожженные кирпичи из глины с добавлением тростника.

в «районе четырех углов», где сходятся в одной точке территории штатов Нью-Мексико, Колорадо, Юты и Аризоны, начали строить свои знаменитые сооружения в скалах и пещерах люди культуры *анасази*. Анасази на языке индейцев навахо означает «старики», или «древние»; правда, следует отметить, что индейцы навахо не имели никакого отношения к культуре анасази и тем более не находились в генетически культурном родстве с ее носителями. Они пришли на эту территорию, кочуя с севера, уже тогда, когда она длительное время была совершенно безлюдной, и только таинственные и внушающие трепет сооружения напоминали об их создателях, которые исчезли так же таинственно. В наши дни каждое лето тысячи туристов посещают национальные парки юго-запада, чтобы любоваться творениями, созданными руками этого удивительного народа.

С самого начала периода баскет-мейкерз, или, как его еще называют, «периода корзинщиков», который продолжался примерно с 1 до 750 г. н. э., культура анасази играла очень важную роль. Нет точных данных о происхождении людей этой культуры, хотя существует вероятность того, что, как и люди культуры хохокам, они родственны людям культур кловис и фолсомской. В отличие от людей культуры хохокам они предпочитали не селиться на открытой местности, а держались всегда гор и труднодоступных каньонов. Даже когда позднее они вышли на равнину, свои знаменитые дома они строили под навесом окаймляющих равнину скал. Будучи замкнутыми и скромными, даже чуть робкими по характеру, эти люди стремились вести уединенный образ жизни и избегать контактов с посторонними. В то же время они были очень трудолюбивы и талантливы.

Вначале они создавали жилища в скальных навесах или делали круглые отверстия в земле — вход в такое жилище осуществлялся по лестнице через крышу. Подобные сооружения были предшественниками молельно-церемониальных помещений — *кив*, о которых мы подробнее расскажем позже. О людях культуры анасази мы знаем довольно много, поскольку, в отличие от людей культуры хохокам, которые кремировали умерших и хранили их пепел в урнах, люди этой культуры хоронили умерших либо небольшими группами в пещерах, либо на кладбищах, где

находились захоронения двадцати и более человек. Благодаря сухому горному воздуху, останки умерших, как и в Древнем Египте, прекрасно сохранились и мумифицировались. Мы узнали благодаря этому, что люди в «период корзинщиков» были маленького роста, хорошо сложены, у них были густые черные волосы, карие глаза, цвет кожи с красноватым оттенком, незначительный волосяной покров на теле и лице. Мужчины заплетали волосы в три косички; волосы умерших женщин срезались и использовались при ткачестве. Судя по найденным кактусовым гребням и многочисленным украшениям из кости и раковин, женщины имели довольно изысканные и искусно выполненные прически. И мужчины и женщины носили тонкий набедренный передник из шерстяного волокна; от холода их защищали накидки из шкур медведя, зайца или оленя; иногда накидки были полностью вытканы из шерсти и волокна. Помимо накидок они также прекрасно плели сандалии и корзины; последние были сплетены настолько плотно, что в них можно было носить воду и готовить. Корзины также использовались для хранения и переноса продуктов: кукурузы, американской тыквы, фасоли и бобовых, хлопка, желудей, орехов, семян и ягод. В большей степени пропитание обеспечивалось охотой, причем охотились не только на крупных животных, но и на мелких: на зайцев, луговых собак, мешотчатых крыс и мышей. Орудиями охоты были копья и копьеметалки, луки и стрелы; ловили дичь также при помощи силков и искусно сплетенных сетей. Помимо индюка, «коренного» жителя Америки, «корзинщики» приручили собаку, которая была незаменимым помощником и на охоте, и на страже жилища. Были известны несколько пород собак; любимых животных хоронили вместе с хозяином, чтобы они служили ему и сопровождали в ином мире.

Около 750 г. н. э. «корзинщики» стали выполнять более сложные действия по усовершенствованию среды своего обитания. От скромных жилищ в горах и земляных отверстиях они стали переходить к более сложным и внушительным сооружениям. В Чако-Каньоне, в юго-западной части штата Нью-Мексико, в выходящих на реку скалах они построили цепь замечательных строений протяженностью более 14 км, в которых жили не менее 5000 человек. Крупнейшим из этих соединенных друг с другом

«скальных квартирных домов» был Пуэбло-Бонито, который занимал территорию в 1,2 га и в котором было не менее 800 «комнат», где могли проживать 1200 человек. Строение было полукруглым, его задняя часть была встроена в скалы; оно было пятиярусным, надежно защищенным от нападений; войти в здание можно было лишь по лестнице через крышу. Сооружение было выполнено из плит песчаника, аккуратно выложенных вокруг сердцевины здания, сделанной из гальки и валунов. Как и все каменные строения, выполненные людьми культуры анасази, это так же поражает и восхищает как красотой, так и точностью и аккуратностью выполнения. Вполне возможно, что первоначально каменная кладка была покрыта штукатуркой, на которую были нанесены изысканные рисунки, придававшие всему сооружению неповторимое своеобразие и очарование. Обитатели этого и других подобных сооружений в Чако-Каньоне жили в небольших прямоугольных комнатах, многие из которых выходили на залитый солнцем внутренний дворик. Мебели не было, спали на подстилках из юкки или одеялах с подбивкой. Комнатами, вероятно, пользовались лишь ночью, а весь день жители пуэбло¹ работали во двориках либо на крышах и террасах. Они изготавливали корзины, керамику, оружие и сельскохозяйственные орудия. Женщины размалывали кукурузу, которую выращивали на близлежащих полях, орошаемых при помощи специальных оросительных каналов. Зерна кукурузы клали на плиту из песчаника, а камень использовали в качестве вращаемого по кругу жернова — и сейчас в Америке кукурузную муку делают таким же способом. Но если внешние формы жизни людей культуры анасази были приятно простыми, то их духовная жизнь была весьма богатой и разнообразной, о чем свидетельствует большое количество обнаруженных молельных помещений — кив, располагавшихся под землей. Только в Пуэбло-Бонито были обнаружены 32 кивы; множество других было найдено и в соседних поселениях. Североамериканские индейцы изначально были очень набожными людьми.

Чако-Каньон был настоящим культурным центром, оказывающим влияние на окружающие районы. В пуэбло Ац-

¹ Подобные «квартирные поселения» называют пуэбло, а их жителей — индейцами пуэбло или пуэблянами.

тек, расположенном в 96 км к северу от Чако-Каньона, людьми родственной анасази культуры было построено великолепно выполненное четырехэтажное сооружение из шлифованного зеленого камня, в котором насчитывалось 350 комнат.

Люди одного из ответвлений культуры анасази, жившие севернее, в отличие от своих собратьев в Чако-Каньоне, не решились покинуть горы и спуститься в долину. Именно они создали настоящие скальные шедевры, которые называют скальными домами и которые были построены в период расцвета пуэбло, датируемого 1050—1300 гг. н. э. Эти замечательные сооружения, созданные носителями «северной культуры анасази», были обнаружены в таких местонахождениях штата Аризона, как Каньон-де-Шей, Кит-Сил, Бетатакан, Тузигут, Кайента, и Ховенуипе (штат Колорадо). Наибольшей известностью пользуется Меса-Верде в Колорадо, где в скалы соединяющихся друг с другом каньонов встроены целые поселения из искусно выполненных жилых зданий. Когда видишь такие шедевры, как Скальный дворец, Дом с балконом, Дом у сосны и другие столь же тонко и изящно выполненные работы, которые напоминают бриллианты в обрамлении горного ожерелья, то от восхищения поистине захватывает дух. Редко встретишь в истории человечества пример, когда в рамках одной культуры, как это было у людей культуры анасази, были созданы образцы двух завершенных и четко выраженных архитектурных стилей, причем каждый со своим неповторимым своеобразием, которые мы наблюдаем в Чако-Каньоне и Меса-Верде.

Увы, носителям обеих ветвей этой культуры была уготовлена печальная судьба. Между 1200 и 1350 гг. произошла какая-то катастрофа, заставившая их навсегда покинуть свои райские жилища. Мы не знаем, что конкретно произошло. Навряд ли это были какие-то серьезные разрушения, вторжение или гражданская война. Возможно, это стало следствием эпидемии, а может быть, причина была в истощении почвы, которая потеряла плодородие. Точно известно, что в 1276 г. по всему юго-западу прошла ужасная засуха, которая продолжалась 23 года и закончилась только в 1299 г. Вполне вероятно, что именно ее разрушительные последствия заставили анасази покинуть облюбованные ими места. Многие из них подались

на юго-восток и, пройдя 160—240 км, обосновались на берегах Рио-Гранде. Здесь в течение периода «угасания пуэбло», продолжавшегося с 1350 по 1700 г., они основали новые поселения; некоторые из них, в частности Куауа, рядом с Альбукерке и Туанай, на территории исторического места Бандельер в штате Нью-Мексико, производили почти такое же сильное впечатление, как и поселения их предшественников.

Древние анасази являются прямыми предками современных индейцев пуэбло, проживающих в 20 поселениях вдоль Рио-Гранде от Таоса на севере до Ислеты на юге.

Несмотря на языковые сложности, вызванные наличием шести ярко выраженных языковых групп, 27 000 жителей сегодняшних пуэбло, действуя так же скромно, но упорно и целенаправленно, опираясь на собственные силы, как и их предки, сумели сохранить свою культурную самобытность значительно в большей степени, нежели другие индейские племена Северной Америки. Возможно, у них нет той уверенности в себе и того яркого своеобразия, которые были у их предков, и они по сравнению с ними более бедны как духовно, так и материально, однако они по-прежнему сохраняют свою индивидуальность и продолжают выделяться безусловной творческой одаренностью.

ЛЕСНЫЕ РАЙОНЫ ВОСТОКА

Даже те американцы, которым не удалось побывать в Каса-Гранде и Меса-Верде, знают из книг и телевидения, что на юго-западе есть созданные индейцами замечательные сооружения, выполненные из камня. Однако вряд ли они знают, что на противоположной — восточной — стороне Соединенных Штатов есть не менее замечательные сооружения, простирающиеся от Великих озер на севере до Мексиканского залива на юге, которые столь ярко не запечатлелись в национальной памяти лишь потому, что они выполнены из земли.

Тем не менее сооружения, созданные людьми культур адена и хоупвелл, относившимися к восточным культурам лесной зоны во время архаического периода (на противоположной части Америки в это же время существовали юго-западные культуры, или «культуры пустынь»), мож-

но считать поистине феноменальными. Следует заметить, что культурное развитие в течение архаического периода шло удивительно равномерно: и на востоке и на западе начали заниматься сельским хозяйством. Правда, на востоке в этом не достигли таких успехов, как на западе; здесь в большей степени занимались охотой и позже, чем на западе, осознали преимущества выращивания кукурузы. Однако уже в 800 г. до н. э., когда культуры хохокам и анасази еще только формировались, значительная группа индейцев обосновалась в долине Огайо, где возникла поистине удивительная культура. Ее назвали адена, по имени местности рядом с Чилликоте.

Именно носители этой культуры строили дома из прочных бревен, которые могут считаться первыми настоящими домами, обнаруженными в Америке.

Еще более замечательными произведениями этой культуры можно считать так называемые погребальные маунды¹, напоминавшие пирамиды и гробницы Древнего Востока, которые можно встретить во множестве по всему востоку Америки.

В центре такого маунда, у его основания из тщательно обработанных бревен, были выложены погребальные помещения, в каждое из них можно было поместить до трех умерших вместе с большим количеством различных предметов, которые щедро клали рядом с покойным. Поверх этих гробниц насыпали и утрамбовывали сотни тысяч корзин специально отобранной земли. Естественно, это требовало большое количество времени и энергии множества людей. Поныне остается открытым вопрос, каким образом у людей культуры адена хватало на это рук, времени и сил. Причем носители этой культуры со временем не ограничились строительством маундов простой конической формы. Знаменитый Змеиный маунд, расположенный в Локуст-Гров в Огайо, простирается на 400 м в длину в форме извивающейся змеи шириной 6 м; высота «змеи»-маунда сегодня составляет 1,5 м — и это несмотря на происходившие за 2000 лет с момента его создания естественные разрушения.

¹ Маундами называют рукотворные насыпные сооружения и холмы, отчасти напоминающие знакомые нам курганы, которые возводились с теми или иными целями.

Однако если люди культуры адена просто выражали внимание и оказывали почести умершим, то у людей культуры хоупвелл существовал настоящий их культ. Вполне корректно утверждение, что культура хоупвелл, ставшая быстро распространяться примерно с 300 г. до н. э. и являвшаяся ярким и заметным фактором культурной жизни в течение нескольких столетий до того, как она неожиданно стала увядать начиная где-то с 400 г. н. э., является прямой наследницей культуры адена. Во время расцвета культуры хоупвелл ареал ее распространения охватывал территорию от Огайо и Иллинойса до Небраски и Канзаса на западе и Луизианы на юге. С ней безусловно были связаны строители уникального жилого комплекса в Поверти-Пойнт, рядом с нынешним Шривпортом в Луизиане. Деревянные дома в Поверти-Пойнт размещались на шести восьмиугольных земляных террасах концентрической формы, каждая высотой более 1,8 м, протяженностью более 800 м, причем одна терраса была встроена в другую. Общая протяженность этого «террасного комплекса» составляла более 17,5 км. Более того, рядом с этим комплексом были построены церемониальные маунды, самый большой из которых был высотой в 21 м и имел площадь основания 244 x 214 м. Было подсчитано, что для возведения этих маундов потребовалось 20 миллионов 23-килограммовых корзин земли.

В Поверти-Пойнт маунды были насыпаны поверх кремированных останков наиболее знатных и уважаемых членов охотничьего и рыболовного сообщества. Кремация занимала важное место и у людей культуры хоупвелл, которые помещали кремированные или отделенные от кожи и мяса останки в специальные погребальные ямы, а когда их собиралось достаточное количество, насыпали сверху огромные земляные холмы — маунды. До сих пор сохранились тысячи маундов культуры хоупвелл; наибольшее их скопление в одном месте можно увидеть рядом с Чилликоте — это место называется Маунд-Сити, и там не меньше 23 маундов; другая крупная группа расположена в Ньюарке — обе группы находятся в штате Огайо. В ньюаркской группе можно увидеть сооружения квадратной, восьмиугольной и круглой формы; к ним пристроены земляные сооружения четырехметровой высоты, внутри которых, подобно сотам, выстроены коридоры и прохо-

ды, напоминающие улицы на плане. В ряде мест погребальные маунды культуры хоупвелл имеют правильную геометрическую форму. Очень большой интерес вызывают «фигурные» маунды, которые можно увидеть в Маркетте, штат Айова, где 23 маунда в форме птиц и медведей разбросаны на достаточно большой территории. Они относятся к так называемой «культуре фигурных маундов», центр которой расположен в штате Висконсин.

Люди культуры хоупвелл представляли собой своего рода конфедерацию слабо связанных друг с другом племен; они были очень энергичны и агрессивны и не только содействовали созданию родственных культур на очень большой территории, но и прямо навязывали свою культуру некоторым племенам. Во главе людей этой культуры стояло, вероятнее всего, могущественное и ориентированное на подавление и подчинение других сословие представителей военной верхушки и жрецов, и именно это сословие несет ответственность за упадок этой самобытной культуры. Людям данной культуры пришлось столкнуться с экономическим крахом, произошедшим либо в результате резкого роста населения, либо изменений в среде обитания и обострившейся борьбы за землю в результате открытия маиса и кукурузы. Однако это произошло уже после того, как влияние этой культуры распространилось достаточно широко. Особенно сильно это влияние чувствовалось в лесной зоне восточных районов, расположенных вдоль всего течения Миссисипи. Здесь около 800 г. н. э. появилась культура, впитавшая в себя и традиции правящего сословия хоупвелл. Эта новая культура, объединившая в себе несколько культурных особенностей, была еще могущественнее, чем хоупвелл, и просуществовала в течение целого тысячелетия.

Творения, созданные людьми этой культуры, которую называют *культурой Миссисипи*, включают такие сооружения, как Энджел-Маундз в Индиане, Коломоки-Маундз в Джорджии, Маундз-Стейт-Парк в Алабаме, Байнам-Маундз и Эмералд-Маунд (Изумрудный маунд), расположенные уже непосредственно в штате Миссисипи, и многие другие, которые заслуживают отдельного упоминания.

На территории некоторых из упомянутых укрепленных поселений в течение столетий были возведены не менее ста так называемых «башенных маундов», большинство

которых были выполнены в виде платформы оригинальной геометрической формы с плоским верхом. Внутрь этих платформ помещали кремированные останки или размельченные кости умерших, а также оружие, сосуды и украшения, предназначенные для вечной жизни в ином мире. Существовал имевший потаенный смысл набор закодированных сокровенных символов, связанных с уходом в мир иной: человеческие черепа, пауки, крылатые воины, глаз, из которого течет слеза, а также глаз, расположенный посередине ладони руки. Современному человеку может показаться, что люди культур хоупвелл и Миссисипи были озабочены вопросами смерти до степени близкой к болезненной, чем и объясняется такая расточительность при похоронных обрядах и церемониях. В то же время и сами церемонии и погребальные сооружения внушали окружающим благоговейный страх и трепет. Иногда в местах захоронений внутри маундов находили отсеченные человеческие головы — принесение человеческих жертв было частью погребального церемониала. У людей культуры Миссисипи культ смерти был еще более усилен по сравнению с хоупвелл, что дало археологам основание говорить об особом «южном культе мертвых»¹.

Погребальные маунды выглядели внушительно и устрашающе: например, площадь основания Изумрудного маунда составляла 223 x 133 м, а все сооружение занимало территорию почти что в 3,2 га. Однако один из маундов в Поверти-Пойнт был еще больше, чем Изумрудный; ну а самый большой маунд из обнаруженных на территории США расположен в Кахокии, в районе Сент-Луиса, штат Миссури. Его называют Монашій маунд²; высота его составляет 31 м, и по размерам он практически равен знаменитой пирамиде Хеопса, расположенной в Гизе, под Каиром. Кахокия была действительно замечательным для своего времени поселением в период своего расцвета, который пришелся на период с 1000 по 1500 г. н. э. Там проживали 30 000—40 000 человек, которые не только ис-

¹ Поскольку ареал распространения культуры Миссисипи располагался южнее по сравнению с культурой хоупвелл.

² На одной из террас этого маунда монахи в свое время разводили овощи.

кусно владели навыками ведения сельского хозяйства, но и соорудили около 150 маундов, обнесли центральную часть поселения деревянной крепостной стеной, буквально усеянной бастионами и бойницами. Со временем, ввиду перенаселения, часть жителей покинула Кахокию и обосновалась в других местах. Можно предположить, что небольшое поселение Азалан, расположенное в штате Висконсин, которое было обнесено деревянной стеной со смотровыми башнями и напоминало средневековый европейский замок, было построено выходцами из Кахокии.

Главное своеобразие маундов культуры *Миссисипи* состояло в том, что они были построены таким образом, что сочетали в себе одновременно функции храма и гробницы. Погребение осуществлялось на нижних уровнях сооружения; на самом верху, на плоской платформе, было выстроено молельное помещение, куда снизу вела лестница с деревянными ступеньками. В египетских пирамидах погребальные помещения были расположены в срединной части пирамиды; фактически пирамиды представляли собой гигантские гробницы. В мексиканских пирамидах, за единственным исключением, погребальных помещений вообще не было; а в верхней части их располагались алтари; таким образом, эти пирамиды представляли собой не гробницы, а храмы. Складывается впечатление, что изначально маунды выполняли функции гробниц, но позднее, под непосредственным влиянием с территории Мексики, начиная где-то с 1000—1500 гг. н. э. они стали сочетать функции и храма, и гробниц.

Культуры Мексики того времени характеризовались стремлением постоянно расширять ареал своего распространения, поэтому вполне вероятно, что торговцы и миссионеры из Мексики достигали Северной Америки и по морю, и по суше. Они почти наверняка добирались до юго-западных районов Северной Америки; не видно также никаких причин, препятствовавших их появлению и в восточных районах. Так, купцы и торговцы ацтеков были объединены в гильдию военного типа с жесткими правилами, и для них было естественным делом совершать поездки далеко за пределы мест своего обитания. вполне вероятно, что между людьми культуры Миссисипи и мек-

сиканцами установились тесные связи и контакты, в результате которых первые попытались заимствовать достижения последних, в частности в области архитектуры, что и привело к появлению сооружений из земли и дерева. Ничуть не менее вероятно, что некоторые люди культуры Миссисипи сами посетили Мексику и своими глазами увидели достижения мексиканских культур того времени, после чего рассказали о увиденном своим соплеменникам. Более того, «южный культ мертвых» культуры Миссисипи столь же резко прекратил свое существование, как и многие из древних мексиканских культур — причем, скорее всего, по той же причине: в результате народного восстания против удушающей тирании жрецов и вождей-военачальников, терпеть гнет которых стало уже невозможно.

Когда европейцы достигли Миссисипи в середине XVI в., поселения, где были возведены маунды, находились в упадке, а большинство индейских племен этих районов вело гораздо более скромный и бережливый образ жизни, чем прежде.

ВЕЛИКИЕ РАВНИНЫ И ПРЕРИИ

Район Великих Равнин разделял лесной восток и пустынный юго-запад. Он простирался от канадских провинций Альберта, Саскечеван и Манитоба на севере до Техаса на юге, проходя по территории Северной и Южной Дакоты, Небраски, Канзаса, Оклахомы, Вайоминга и западной части Колорадо. Во времена палеоиндейского и архаического периодов по этой территории активно передвигались охотники кловис и их потомки-кочевники, к которым присоединились небольшие группы обитателей лесных районов востока. Около 1 г. н. э. люди культуры хоупвелл достигли Миссури, где они успешно и процветающе существовали в течение 1500 лет, вплоть до прихода европейцев. Типичным жилищем этих равнинных селян была своего рода землянка, имевшая форму полусвода и укрепленная изнутри срубом из деревянных столбов и бревен, а снаружи обильно обложенная землей и дерном. Иногда эти дома достигали внушительных размеров; они очень заинтересовали Льюиса и Клар-

ка, когда те пересекали территорию, населенную майдами в 1805 г.¹

Следы схожих сообществ, ведших более или менее оседлый образ жизни, обнаружены по всей обширной территории данного района; в частности, их можно встретить в Милл-Крик в Айове, вдоль берегов Републикан-Ривер в Небраске и в районе близлежащей Дискмэл-Ривер. Эти сообщества выращивали кукурузу, бобовые, американскую тыкву и другие культуры; охотились на оленя, антилопу и, конечно, в первую очередь на бизона. Последние здесь водились в изобилии — их поголовье в районе Равнин достигало 3 миллионов, пока здесь не появились белые люди со своими смертоносными «бизонными ружьями».

Некоторые из жителей этого района возводили маунды, правда весьма скромных размеров. Ничто из обнаруженного в районе Великих Равнин не может сравниться ни с величественными сооружениями из адобов и «скальными домами» юго-запада, ни с укрепленными поселениями хоупвелл и Миссисипи на востоке. Древние обитатели Равнин были скорее своего рода мореплавателями, продвигавшимися по бескрайнему океану степной травы в поисках пристанища.

КАЛИФОРНИЯ

Ничего выдающегося с точки зрения архитектуры не обнаружено и в четвертом из основных рассматриваемых нами районов распространения древнеамериканских культур — в Калифорнии и прилегающих к ней местностях на юге и востоке. Это вызывает удивление, поскольку Калифорния была заселена на рубеже 80 000—50 000 гг. до н. э., если верны данные, собранные знаменитым археологом Люисом Лики во время проводимых им раскопок в горах Калико, в районе Барстоу. В очень давние времена группы древних охотников пытались отклониться от истори-

¹ Речь идет об экспедиции во главе с М. Льюисом и У. Кларком, предпринятой в 1804—1806 гг. с целью исследования пути к Тихому океану.

М а н д а н ы — полуседлое сиуязычное племя, проживавшее на территории, о которой здесь говорится.

чески сложившегося основного маршрута движения на юг, проходившего по восточным склонам Скалистых гор, чтобы, буквально просочившись через горные проходы и перевалы, попасть на побережье Тихого океана. Когда такие исследователи, как Дрейк, Кук и Ванкувер, встретили потомков этих людей, их количество уже достигло 150 тысяч, что составляет почти четверть всего индейского населения Северной Америки. В то же время они по-прежнему жили в пещерах и скальных укрытиях либо в непрочных «прозрачных» хижинах из тростника и циновок. Как и их сегодняшние потомки, они наслаждались беззаботной жизнью под ласковым солнцем в условиях очень благоприятного климата.

Море и близлежащие водоемы кишели рыбой; в окаймляющих побережье лесах, росших на плодородных почвах, было множество мелкой дичи и животных; также в изобилии имелись желуди, сосновые орехи и другие съедобные плоды и растения. В теплых песках скрывались неисчерпаемые запасы морских раковин. Хотя жизнь древнего человека всегда была полна лишений и трудностей, здесь, благодаря прекрасным условиям для охоты, рыбной ловли и собирательства, она была поистине райской по сравнению с большинством других мест. Совсем другая картина наблюдалась в близлежащей Неваде, на севере Аризоны, а также на юге Калифорнии и в северных районах Мексики. Здесь земли превратились в бесплодные пустыни, и те, кто остался жить в этих районах, были вынуждены постоянно переносить невзгоды и лишения и не могли рассчитывать ни на что большее, как пытаться выжить, едва сводя концы с концами. Здесь и сегодня живут одни из самых бедных и отсталых индейских племен.

СЕВЕРО-ЗАПАД

В последнем из рассматриваемых нами районов, расположенном к северу от Калифорнии на северо-восточном побережье Тихого океана, жизнь была несравненно зажиточнее и культурно богаче и многообразнее, чем в предыдущем. В древние времена, когда значительная часть этого района была в тисках висконсинского оледенения,

свободным ото льда оставался лишь небольшой пятачок, на котором и поселились азиатские мореплаватели, предки эскимосов. Когда ледник стал отступать и территория нынешних американских штатов Орегон, Вашингтон и канадской провинции Британская Колумбия освободилась от ледяного покрова, она стала быстро заселяться и очень скоро оказалась густо заселена искусными и процветающими рыболовами. Из кедров, окаймляющих берега океана, были построены внушительного и величественного вида дома с остроконечными крышами. Люди делали красивую одежду из шерсти козлов и лаек, а охота на китов, тюленей, дельфинов и морских выдр давала им обильную пищу и все необходимое для зажиточной, завидной жизни. Помимо лосося, трески, палтуса и сельди, которых они ловили сетью, а также черепах, крабов и других панцирных животных, которых они искусно выхватывали из воды, у них не было недостатка в дичи, мелких животных и различного природного корма, имевшегося в изобилии в районах, уходящих вглубь от прибрежной полосы. Можно смело сказать, что жизнь местных жителей была самой обеспеченной из всех индейцев Северной Америки.

Море всегда было щедрым на свои дары, поэтому они не столкнулись с участью тех индейцев юго-западных районов, которые испытали на себе все последствия засухи и наступления засушливого климата, нанесших жестокий удар по их культуре и образу жизни, когда они были в самом расцвете. У них также не существовало жестко сословного деления, основанного на подавлении одних сословий другими, что приводило к восстаниям и ликвидации подобных систем, как это, очевидно, произошло с основными культурами восточных районов. Северо-запад является единственным из рассматриваемых нами районов, где прослеживается четкий и ясный переход от древности к современности и где эта культурная преемственность и взаимосвязь видны ясно и отчетливо. В то время как в других районах подобная связь туманна, здесь линия развития и преемственности у таких племен, как тлинкит, хайда, чинук, цимшиан, кламат, бела-бела, нутка, и многих других просматривается совершенно четко.

Многие древние племена и народности либо распались, либо исчезли, а жители северо-запада по-прежнему бо-

роздят морские просторы, возводят свои тотемные столбы¹, строят большие длинные дома, проводят свои церемонии и культурные мероприятия; они даже добились снятия запрета со стороны белых властей на проведение племенного праздника — *потлатча*².

И хотя в нашем столетии традиционный образ жизни индейцев был практически уничтожен, индейцы северо-запада были теми немногими, у кого хватило воли и сил, чтобы сохранить свое культурное своеобразие и свой самобытный образ жизни, несмотря на то что железные дороги, почтовые дилижансы, скоростные шоссе и самолеты заковали весь континент и всю его культуру в железные цепи.

¹ На этих украшенных резьбой столбах, которые индейцы вкапывали в землю перед своими домами, они изображали своих «тотемных предков» — воронов, орлов, китов, а также усопших вождей. *Тотем*, т. е. священный дух, обычно изображавшийся в виде животного или птицы, должен был оберегать людей и обеспечивать им счастье и процветание.

² Как отмечает сам автор в более поздних главах, *потлатч* зачастую имел разорительные последствия, поскольку во время его проведения вожди, чтобы показать свое могущество перед представителями других племен, демонстративно уничтожали имущество своих сородичей и материальные ценности, что имело самые тяжелые последствия для рядовых членов племени. Поэтому в ряде случаев власти при запрете этого праздника руководствовались тем, чтобы не допустить падения и без того невысокого уровня жизни индейцев. Очевидно, в данном случае этот праздник проводился таким образом, что не имел никаких отрицательных последствий для индейцев, и власти пошли на запрет по причинам антипатии к индейцам.

Глава 2

ОХОТНИКИ

Наш экскурс в историю американских индейцев, насчитывающую около 30 000 лет, наглядно показывает несостоятельность того упрощенно-лубочного образа индейца, который создан Голливудом и шоу «На Диком Западе». В те же времена, когда Европа шла своим историческим путем через взлет и падение Древней Греции и Древнего Рима и эпоху Средневековья, в Северной Америке возникали и развивались разнообразные и самобытные культуры, ни в чем не уступающие кельтским и саксонским.

Однако к 1500 г. н. э. древнеиндейские культуры востока и юго-запада находились в состоянии упадка и проходили через стадию коренных изменений. Время расцвета индейской культуры в ее первоизданном, так сказать, нетронутым виде прошло. Европейцы были весьма удивлены, встретив у местного коренного населения глубокие, уходящие корнями в далекое прошлое культурные традиции, которые, однако, находились в состоянии упадка. Позднее американцы попытаются представить индейца лишь как дикаря, поскольку, во-первых, его образ жизни был чужд и непонятен белым переселенцам, а во-вторых, им было выгодно очернить коренных жителей Америки, чтобы иметь оправдание вытеснению индейцев с их земель и фактическому уничтожению индейского образа жизни. Однако в наше время такие ухищрения уже не проходят. Следует признать, что выдуманый и насажденный образ индейца не имел ничего общего с реальной действительностью: это был не темный кочевник, а обладавший высокой самобытной культурой мастер, достигший в свое время неоспоримых высот и в искусстве, и в ремеслах,

и в архитектуре, и в сельском хозяйстве. Европейцы появились в Америке тогда, когда индейская культура находилась в нижней точке своего цикла; и кто знает, каких новых высот она достигла бы в своем развитии, когда «качели» пошли бы вверх, не будь вмешательства европейцев?

Когда европейцы появились в Новом Свете 500 лет назад, было совершенно невозможно составить ясную картину жизни индейцев, даже если бы в то время были знакомы со всеми современными научными и техническими достижениями антропологии. Картина была слишком сложна и многообразна. Если сейчас сохранившиеся 263 индейских племени, включая самые малочисленные, говорят на 50—100 языках, то 200 лет назад существовало около 600 племен, говоривших не менее чем на 300 языках.

Может сложиться впечатление, что изучение и классификация индейских языков может послужить хорошей основой для соответствующей классификации индейских племен и народностей. Однако внимательное изучение языков североамериканских индейцев только усложняет задачу, поскольку на этих языках происходило общение между определенными племенами много лет назад, с тех пор многое изменилось, тем более что на все это еще накладываются и различные факторы, связанные с развитием культур.

Тем не менее можно исходить из того, что существовало несколько основных языковых групп, связанных с соответствующими группами древних коренных жителей США и Канады, которые в дальнейшем были ими распространены по всему североамериканскому континенту. Специалисты-языковеды не имеют единой методики выделения основных языковых групп и их точного наименования. Существует несколько подходов, поэтому, чтобы не вдаваться в тонкости этой очень сложной темы, мы ограничимся обозначением наиболее общих языковых групп (см. карту на с. 51).

Главными языковыми группами являются: атабаскская (или атапаскская), распространенная в основном в Канаде и имеющая ответвление на юго-западе США; алгонкинская, охватывающая весь континент с запада на восток; хокан-сиу, или сиуанская, распространенная в юго-восточных и центральных районах США. Можно

отметить и три менее крупные группы: эскимосско-алеутскую, охватывающую арктические районы Канады; калифорнийско-тихоокеанскую, распространенную в районах Западного побережья Тихого океана, и юто-ацтекскую, охватывающую самые отдаленные пустынные районы запада США. Приведенное деление на шесть языковых групп является, конечно, очень общим и умышленно упрощенным. Оно не может передать всей сложности языкового разброса и переплетения; в этих группах выделяется и ряд подгрупп: мускогская, включающая в себя ряд важных языков, встречающихся на юго-западе; кэддоанская, охватывающая южные районы Равнин, а также Северную и Южную Дакоту; шошонская, распространенная на территории юто-ацтекской группы. Об удивительном разнообразии индейских языков говорит тот факт, что немногочисленные индейцы пуэбло, живущие в штате Нью-Мексико, говорят сегодня на трех разных языках: таноан, кересан и зуни. При этом язык таноан делится, в свою очередь, еще на три: тива, тева и това, а язык кересан — на западный кересан и восточный кересан.

Неудивительно, что подобная ситуация осложняла словесное общение между соседними племенами, даже родственными друг другу. Во время встреч приходилось общаться на языке жестов, как если бы боливиюцу пришлось общаться с болгариним, а норвежцу — с нигерийцем. В то же время индейский язык жестов был очень быстрым, сложным и емким, что производило сильное впечатление на белых путешественников. Языковое разнообразие оказало влияние и на различие культур, что помешало объединению индейцев в борьбе против белых американцев. К фактору малочисленности и раздробленности отдельных племен добавился еще и фактор языкового барьера между ними.

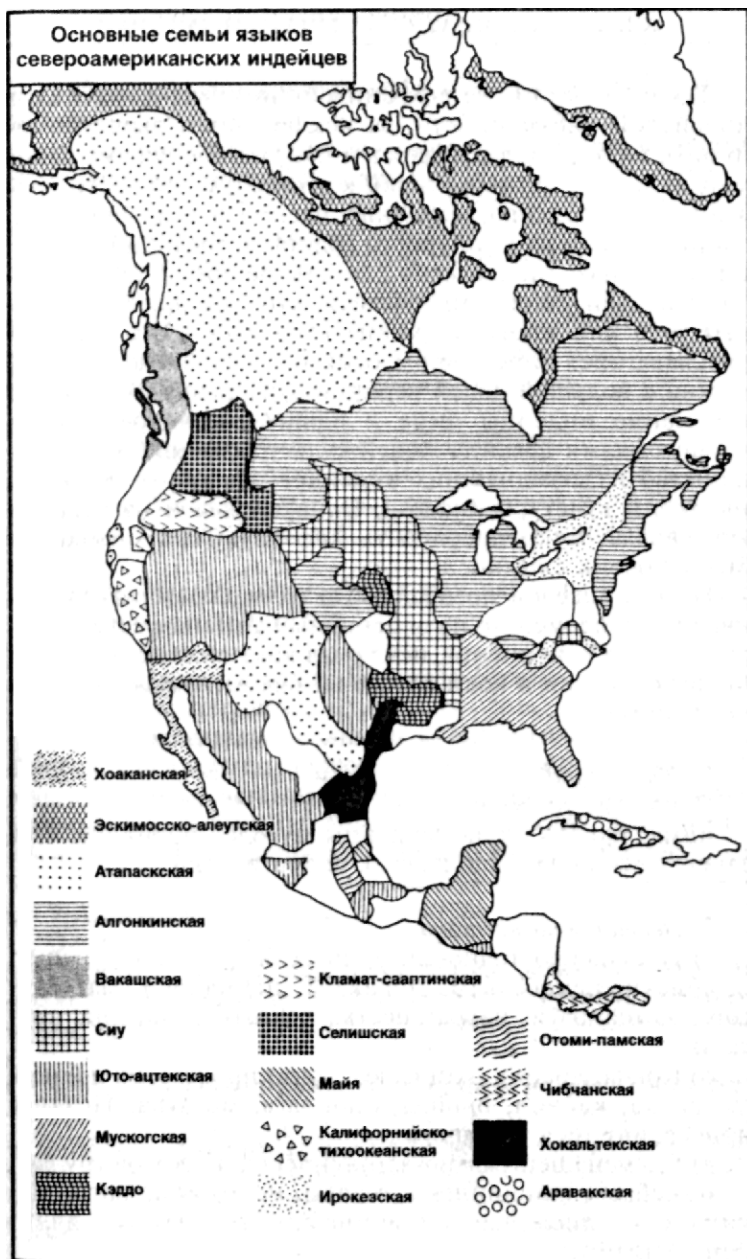
Оставим, однако, языковую проблему, которая вызывает немало сложностей даже у специалистов, и вернемся к тем пяти районам, которые мы выделили как основные ареалы древних культур. Напомним, это были: юго-запад; лесная зона восточных районов, в которую входили район Великих озер, а также северо-восток и юго-восток; район Великих Равнин и прерии; Калифорния и район Большого Бассейна; северо-запад и прилегающие плоско-

горя. Рассмотрим, как развивались индейские племена в этих районах в период после открытия Америки Колумбом.

Опять же следует отметить, что существует несколько точек зрения и методик в вопросе вычленения основных районов размещения индейских племен и воздействия древних культур на их формирование и развитие. Так, выдающийся антрополог К. Уисслер дважды предлагал различные варианты своей собственной классификации: в 1914 и 1938 гг. Свои варианты предлагали и такие светила, как А.Л. Кребер и Х.Е. Драйвер.

Количество основных районов распространения культур, особо значимых для развития индейских племен, варьировалось в разные времена от семи до семнадцати. Кребер, в частности, считал, что основных районов было семь, а они, в свою очередь, еще подразделялись не менее чем на 84 более мелких района, что лишний раз говорит о том, сколь разнообразны были индейские племена, как обширно по охвату, хотя и с различной плотностью, были они разбросаны по всему континенту и какой сложной и многообразной была взаимосвязь между ними. Схема, приведенная в данной книге на с. 54, упрощена; ее основное достоинство в том, что с ней можно работать и она легко воспринимается на глаз. Я постарался указать некоторые наиболее важные племена, ряд которых на сегодняшний день уже не существует. Конечно, с учетом того, что племен было около шестисот, этот перечень не может претендовать на то, чтобы быть полным и исчерпывающим. Эти племена являются потомками древних жителей Америки, однако чрезвычайно трудно проследить прямую линию связи того или иного племени со своими предками. К тому же лишь один из индейских языков имел письменность. Это был язык племени чироков; благодаря усилиям выдающегося представителя этого племени — Секвойи был создан чирокский алфавит, который, наряду с другими памятниками чирокской письменности, стал доступен в начале 20-х гг. XIX в. Секвойя был торговцем мехом и пушниной; он окончил миссионерскую школу. В результате несчастного случая получил увечье. В истории он навсегда останется как один из выдающихся представителей индейской культуры.

Основные семьи языков
североамериканских индейцев



Таким образом, не сохранилось никаких памятников индейской письменности, за исключением вышеупомянутого; на это накладывалось и постоянное перемещение многих племен по территории континента, что часто приводило к смешению различных племен и осложняло выявление линии их культурного родства и традиций. Только в тех районах, где племена длительное время жили оседлой жизнью, удается проследить, кто был прямым предком того или иного племени. Так, если взять характеризовавшийся в основном оседлой жизнью юго-запад, можно с большой долей вероятности предположить, что нынешние индейцы пима и папаго являются прямыми потомками древних людей культуры хохокам, а большинство из сегодняшних индейцев пуэбло — потомками людей культуры анасази. Однако даже и на оседлом юго-западе четко проследить подобную связь зачастую бывает очень сложно.

Итак, приведем предлагаемую нами схему расселения индейских племен по пяти основным районам североамериканского континента, исключая арктические районы и Мексику (но ни в коем случае не преуменьшая значение последних).

1. Юго-запад

Основные племена:

пима, папаго, хоппи, индейцы пуэбло, марикопа. Позднее здесь появились навахо, апачи и йаки.

2. Лесная зона востока

а) Племена восточно-алгонкинской языковой группы: абнаки, пеннобскоты, могикиане, пеннакоки, Массачусетс, вампаноаги, наррагансеты, пекоты, делавары, поу-хатан.

б) Конфедерация (или Союз, Лига) ирокезских племен: сенека, кайюга, онейда, онондага, могаука. Позднее присоединились тускарора.

в) Племена центрально-алгонкинской языковой группы: оджибвеи, или чиппевы, оттавы, меномини, санти, дакоты, саук, лисы, кикапу, виннебаго, потаватоми, илинойс, майами.

ОХОТНИКИ

г) Племена юго-востока («Пять цивилизованных племен»):

крики, чикасавы, чоктавы, чироки и семинолы; также кэддо, натчезы (натчи), купаваы.

3. Район Великих Равнин

Основные племена:

черноногие, пиеган, кри, ацины или гровантры, асси-нибойны, кроу, манданы, хидатсы, арикара, шошоны, юты, госьюты, шайены, арапахо, пауни, понки, омахи, айовы, канзы, миссури, кайовы, осейджи, команчи.

Сиуязычные племена:

группа племен восточных сиу (дакотов):

мвдекантоны, вапекуты, сиссетоны, вапетоны.

Группа племен равнинных сиу (тетонов и лакотов):

оглала, брюле, санс-арк, черноногие, миниконжу, охе-нонпы.

Группа племен вициела-сиу или накотов:

йанктоны и йанктонаи.

4. Калифорния и район Большого Бассейна

Основные племена:

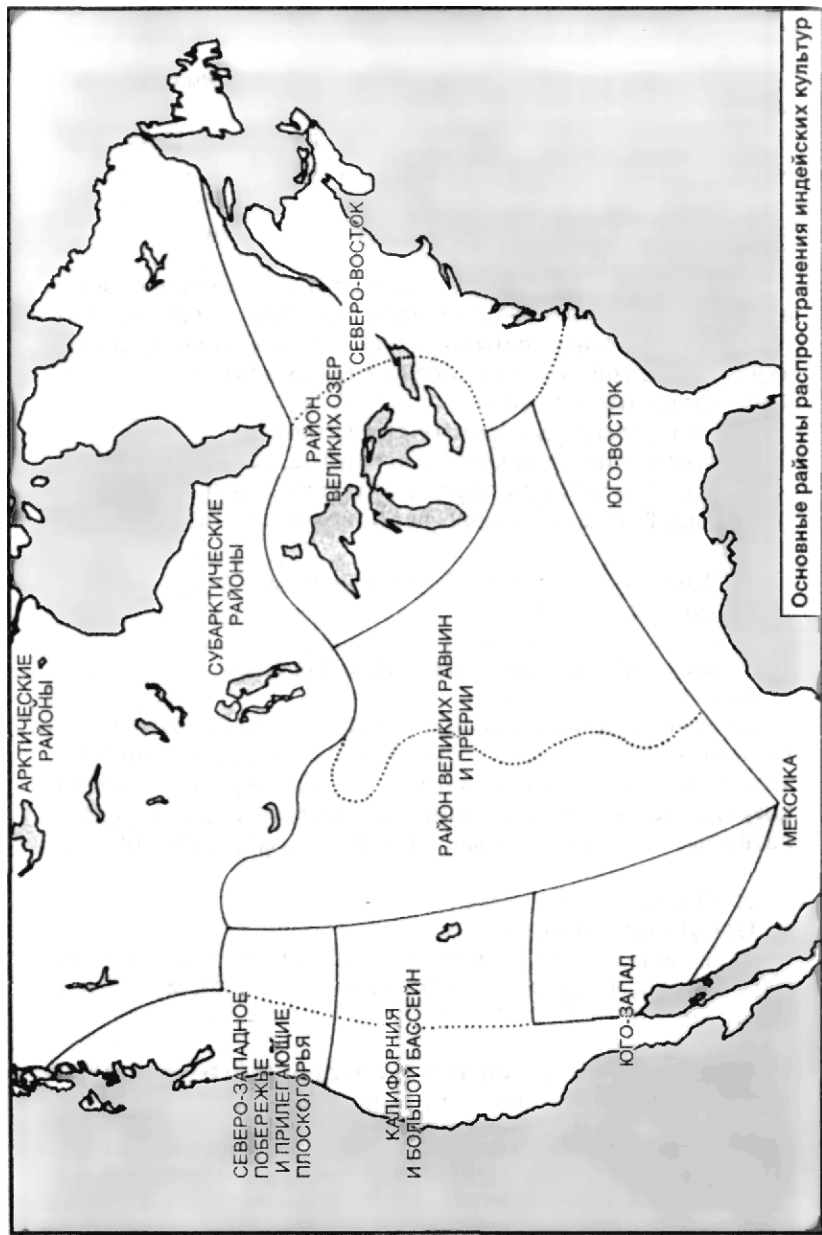
шушвапы, лиллуе, селиш и кутеней (плоскоголовые), йакима, кер д'Алены, неперсе, банноки, пайюты, шошоны, юты, чемухевы, валапай, хавасупай, мохаве, йавапай, юма, кокопы, юрок, вийоты, винтуны, ючи, помо, яна, майду, патвины, мивок, костанью, салинан, йокут, шумашаи.

5. Северо-запад

Основные племена:

глинкиты, хайда, цимшиан, хайла, бела-кула, хилсук, нутка, мака, квинолт, чинук, тиламук, кулапуа, кламат, карок, шаста.

Здесь приведено около 100 племен из известных шестисот. Некоторые из них были весьма многочисленны и занимали внушительную по размерам территорию; другие — наоборот, малочисленны и довольствовались территорией весьма скромной. В то же время прямая зависимость существовала далеко не всегда. Нередко бывали



ОХОТНИКИ

случаи, когда немногочисленные племена передвигались (кочевали) по очень обширной территории, в то время как большие по численности вели оседлый образ жизни на небольшом участке земли площадью всего лишь в несколько квадратных километров. Так, если в районе Равнин насчитывалось около 100 000 индейцев, то есть средняя плотность населения составляла примерно около 3 человек на 1 кв. км, то в районах северо-запада аналогичное количество было втиснуто в небольшую полосу тихоокеанского побережья, и средняя плотность составляла 30—35 человек на 1 кв. км. Племена восточно-алгонкинской языковой группы, проживавшие на атлантическом побережье, также насчитывали около 100 000 человек при средней плотности 12—15 человек на 1 кв. км.

Согласно имеющимся данным, в доколумбовой Америке проживали 750 000—1 000 000 индейцев. Причем большинство избегало бесплодных, продуваемых ветрами центральных районов и старалось селиться вдоль океанского побережья — как на востоке, так и на западе: ведь воды океанов, как и впадающих в них рек, были полны рыбы, столь необходимой для пропитания. Даже те, кто жил в центральных районах континента, старались держаться, по этой же причине, поближе к рекам и водоемам. Одним из многочисленных сообществ, живших в центральных районах, были индейцы пуэбло юго-запада. Они старались селиться вдоль Рио-Гранде и ее притоков, которые тогда были шире и глубже, чем сейчас. В этом издревле заселенном районе проживало около 35 000 человек и была зафиксирована самая высокая средняя плотность населения на североамериканском континенте — 45 человек на 1 кв. км.

ОХОТА

Независимо от того, где индеец жил и к какому по численности племени он принадлежал, у него было занятие, захватывающее его целиком. Это была охота.

Жизнь индейцев почти целиком зависела от добычи пропитания, а главным его источником была охота. Охотничий инстинкт передавался индейцу от поколения к поколению еще от далеких предков, охотившихся на

бескрайних просторах Сибири. Именно этот инстинкт привел древних охотников на североамериканский континент, где, несмотря на климатические изменения, всегда была обширная территория, изобилующая неисчерпаемыми запасами потенциальных охотничьих трофеев.

Индейцы не были вегетарианцами. Хотя они включали в свой рацион рыбу и овощи, главную роль в нем играла высокобелковая пища — мясо, которое добывалось посредством охоты на самых различных животных: как крупных, так и средних и мелких. Хотя, как мы увидим в следующей главе, индейцы имели навыки ведения сельского хозяйства, они никогда не владели искусством приручения и разведения домашних животных в той же степени, что и европейцы. Лишь столетие назад белые американцы научили их разводить коз, овец и крупный рогатый скот; правда, надо сказать, что индейцы все это быстро и хорошо усвоили и сегодня являются хорошими животноводами и пастухами. Но в большинстве случаев, даже во времена новой истории, после гибели нескольких земледельческих культур, жизнь и выживание целых племен практически целиком зависели от охоты.

Индейское племя обычно разделялось на несколько отрядов, которые охотились каждый на своей территории, так что племя собиралось в полном составе либо в случае войны, либо по религиозным праздникам. Каждый отряд имел свою структуру и своих командиров; контакты между отрядами одного племени были столь редки, что подчас индейцы разных отрядов говорили на различных языках и диалектах. Численность отряда обычно составляла 100—150 человек, однако зачастую она была меньше. Когда численность отряда начинала расти и достигала считавшейся критической точки в 200 человек, отряд делился на более мелкие, так как много людей было трудно прокормить. Несколько семей во главе с молодым человеком, обладавшим сильным характером и способностями руководителя, отделялись, образовывали свой отряд и отправлялись искать удачу. Таким образом происходило разделение рода: часть родственников оставалась, часть — уходила. Иногда это происходило с благословения старших, иногда — в результате ссоры или междоусобицы.

В новом сообществе главную роль играли охотники. Как подсчитал Уисслер на основании исторических данных, для сообщества в 100 человек требовалось минимум 1,8 кг мяса в день на каждого человека. Чтобы добыть такое количество мяса, группа лучших охотников сообщества в составе 5—10 человек должна была убивать ежедневно четырех оленей или одного марала либо еженедельно — трех-четырёх лосей или двух бизонов. Это было очень непростой задачей. Как отмечает в этой связи Уисслер, «у индейца не было времени прохладиться». Неудивительно, что индейские мальчики с детства учились пользоваться миниатюрным луком и стрелами, а их первыми игрушками были ножи и копья, к которым их приучали с момента, как они начинали ходить. Охотник, который обладал зорким глазом, твердой рукой и был легким на подъем, занимал ведущее положение в сообществе.

Именно охота сформировала характер американского индейца и придала ему неповторимые своеобразие и самобытность. Конечно, далеко не все индейцы были одинаковы. Индеец, ведущий оседлый образ жизни и занимавшийся сельским хозяйством, отличался от своего собрата-кочевника, проводившего большую часть жизни в седле, и по взглядам на жизнь, и по темпераменту. Рут Бенедикт в своей знаменитой работе «Модели культуры» применила концепцию Ницше и Шпенглера к индейцам, разделив их на два типа, каждый из которых наиболее ассоциируется с одним из двух начал, сформулированных этими философами. Те, кто характеризуется «аполлоновским» началом, — хладнокровны, владеют собой, дисциплинованны, независимы, являются «холодными, трезвомыслящими людьми классического культурного склада». Другие же, характеризуемые «фаустовским», по определению Шпенглера (а по Ницше — «дионисийским»), началом, — горячие, страстные, неугомонные, агрессивные, действующие импульсивно и интуитивно и никогда не покидающие свой мир мечтаний и иллюзий, который является для них важнейшей составной частью реальной жизни, «люди романтического склада, полные горячей живой энергии». Люди «аполлоновского» начала редко прибегают к разного рода стимуляторам, если прибегают вообще; «фаустианцы» же, наоборот, охотно используют

наркотические вещества и другие стимуляторы, чтобы под-
держать необходимый для них экстазическо-энергетиче-
ский уровень¹.

Жизнь и быт охотника сказались как на носителях
«классического» аполлоновского, так и «романтического»
фаустовского начала. Полная трудностей и напряжения
жизнь охотника, ощущающего постоянный груз ответст-
венности за жизнеобеспечение соплеменников, оказыва-
ла очень сильное влияние на характер индейцев, разви-
вая серьезность и сосредоточенность, если не сказать —
мрачность и замкнутость. Охота содержала не только мо-
менты радости и изобилия, но и нервное и физическое
напряжение, изолированность, подчас одиночество, ото-
рванность от близких, работу до полного изнеможения.
Преследование пешком диких животных (лошади, как мы

¹ В своей работе «Происхождение трагедии из духа музыки», на-
писанной в 1872 г., Ницше ввел понятия «аполлоновское начало» —
светлое и рациональное, и «дионисийское начало» — страстное, ха-
отическое, оргиастически-иррациональное, которые оба присущи че-
ловеку и вместе в нем находятся. Даже образы древних богов Апол-
лона и Диониса, в которых он видит олицетворение этих двух начал,
согласно мифологии не были однозначными; для человека же слож-
ность и состоит во взаимодействии и своего рода борьбе этих начал
внутри него. Идеал искусства, по мнению Ницше, в гармоничном со-
четании этих двух начал. Но дело заключается в том, что, поскольку
человек легче подпадает под влияние темного начала, чрезвычайно
важно, чтобы внутри его «контрольный пакет» оставался за светлым
началом, и здесь огромна ответственность произведений искусства,
в первую очередь адресованных детям и молодежи, поскольку тем-
ное начало распространяется быстрее и неожиданнее.

«Разводить» по разным людям то, что присуще практически каж-
дому человеку, — это явное упрощение и искажение мысли Ницше,
тем более что различные грани и начала внутри человека подвижны
и их соотношение может меняться. Это было одной из причин, что
подобное огульное «проецирование» очень сложных индивидуальных
внутричеловеческих категорий на большие группы людей, в данном
случае американских индейцев, да еще в искаженно-упрощенной трак-
товке, никак не способствовало пониманию индейской культуры
и самих индейцев, которые при всей своей самобытности являются
людьми, независимыми личностями, и об этом никогда нельзя забы-
вать, делая какие-либо обобщения. Поэтому специалисты отклони-
ли подход Р. Бенедикт как неточный и умозрительный, не позво-
ляющий видеть индейцев в реальной жизни, которая всегда богаче
любых умозрительных схем. Как совершенно справедливо сказано в
«Фаусте»: «Суша, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеле-
неет».

уже говорили, появились позднее), причем не ради удовольствия, а ради жизнеобеспечения соплеменников, представляло собой тяжелый психологический груз ответственности. Достаточно посмотреть на фотографию любого индейца, сделанную до 1890 г., чтобы убедиться в этом. Вместе с тем охота не была обыденной механической работой: она считалась благородным и очень уважаемым делом, достойным настоящего мужчины. Охота способствовала развитию у индейцев очень важных и полезных качеств — это и выносливость, и сверхъестественные в глазах других спокойствие, терпение и выдержка, и, наконец, удивительное ощущение полного единения с природой во всей ее сложности и многообразии. Для успешной охоты необходимо было тонко чувствовать природу, разгадывать ее самые сокровенные тайны. Именно многолетнее занятие охотой на протяжении практически всей жизни заостряло и закрепляло у индейца все вышеупомянутые качества, вырабатывало у него поистине феноменальные чувствительность, интуицию и чутье.

Большинство племен выбирало места для лагерей и поселений так, чтобы было удобно охотиться. Даже те племена, которые занимались сельским хозяйством, старались селиться в тех местах, где водилось много животных, на которых можно было охотиться. Охотились обычно в окрестностях своих поселений, а когда количество животных в округе существенно сокращалось, это становилось сигналом к тому, что надо искать новое место жительства. Некоторые племена постоянно следовали за стадами либо большими группами животных, подобно тому как сегодняшние лапландцы следуют за стадами северных оленей. Другие делали крупные охотничьи вылазки, покидая на время свои постоянные поселения. Такие экспедиции планировались с чрезвычайной тщательностью. Когда урожай с полей был собран и уложен в запасники, почти все жители поселения принимали участие в этом охотничьем походе, который мог длиться недели и даже месяцы. На марше двигались очень равномерно и организованно, в походном порядке. Роли были четко распределены: были свои разведчики, носильщики, а также авангард и арьергард. Когда достигали территории охоты, на которой животные отдыхали и размножались в период мертвого сезона, в действие вступали самые жесткие правила внут-

ренного распорядка. Должна была соблюдаться полная тишина, и всякий, кто спугивал животное или пытался неумело преследовать его, строго наказывался службой охраны порядка племени. В то время как мужчины вели охоту по заранее тщательно разработанному плану, женщины и дети собирали фрукты, ягоды и корнеплоды. Когда добывалось достаточное количество животных, делались необходимые заготовки мяса и шкур, все это упаковывалось, как и все охотничьи принадлежности, и люди отправлялись в обратный путь, к своему постоянному поселению. Здесь как жилища, так и ямы-запасники для продовольствия к их приходу приводились в порядок и подготавливались к зиме остававшейся дома частью племени. Таким образом, создавались условия, чтобы спокойно перезимовать и отдохнуть во время зимовки.

До появления лошади все подобные переходы осуществлялись в пешем порядке. Но даже с ее появлением лошадь была далеко не у каждого индейца: только богатые племена располагали большими табунами лошадей. В большинстве племен лошадьми пользовались по очереди. Однако еще до появления лошади индейцы изобрели ряд удобных приспособлений, очень помогавших в пути. Еще со времен сибирских охотников, которым приходилось охотиться в арктических районах с суровым зимним климатом, древние индейцы пользовались санями и салазками, тобогганами¹ и снегоступами, которые делали либо из цельного куска дерева, либо прикрепляли верхнюю часть кожаными ремнями к основанию из дерева или кости. Салазки передвигали либо волоком, либо при помощи нескольких собак, запряженных в упряжку. Собаки были единственным домашним животным, прирученным индейцами. Впрочем, утверждение, что они были приручены, скорее всего, является преувеличением: вероятнее всего, дикие собаки сами пришли к человеку и, образно говоря, сами его приручили. Холодными зимними ночами, увидев огни индейского лагеря, они шли к людям в поисках тепла, пищи, убежища и общения. В странах Старого Света собаки были известны человеку с древних времен (так, несколько пород было выведено еще египтянами и ассирийцами); в Новом Свете они служат человеку

¹ Т о б о г г а н — бесполозные сани.

с 5000 г. до н. э. Наиболее крупные и сильные породы встречаются у эскимосов и северо-алгонкинских племен; это, в частности, лайки и другие породы упряжковых собак арктических районов. Чем далее на юг, тем более мелкой была порода. Так, например, собаки мексиканских пород чиауа и безволосая мексиканская относятся к категории почти что карликовых собак. Безволосая мексиканская обладает, в силу каких-то причин, очень высокой температурой тела, поэтому в Мексике ее специально откармливают и используют в пищу в качестве деликатеса. Не вызывает сомнений, что североамериканские собаки относятся к породам, смешанным с волками и койотами, причем индейцы часто умышленно держат вместе волков и собак с самого раннего возраста, чтобы улучшить породу. Детям индейцев часто дарили детенышей волков и койотов, чтобы дети росли вместе с ними и приручали их.

Как и древние мексиканцы (а также римляне и греки), североамериканские индейцы использовали собак в пищу, правда, обычно в ритуальных целях. Иногда собаки выступали как объект религиозного поклонения; их торжественно приносили в жертву и хоронили, соблюдая все правила религиозной церемонии. Однако в большинстве случаев собака была животным-тружеником. Ее часто использовали в качестве тягловой силы: запрягали либо в салазки с грузом, либо в волокушу — приспособление для перевозки груза, сделанное из деревянных шестов¹.

Позднее в это устройство стали впрягать лошадь; французы, впервые увидев это приспособление, дали ему название *травау*. Колесо было завезено в Америку европейцами; активное использование этого важнейшего технического новшества, наряду с другими, очень помогло им в завоевании всего континента. Принцип колеса был открыт и в древней Мексике каким-то неизвестным гениальным изобретателем; однако значение этого открытия понято не было и оно использовалось лишь при изготовлении детских игрушек.

¹ Волокуша представляла собой два шеста одинаковой длины, которые связывались на одном конце и укреплялись на крупе лошади или собаки, которая волокла этот открытый «веер» за собой. Оба бедра треугольника соединялись поперечной планкой, и на этот каркас натягивалась шкура.

До появления лошади поднятие и перенос грузов осуществлялись самими людьми. Индейцам были знакомы приспособления для переноса груза на спине; они также умели носить груз на голове и использовали специальную подкладку из куска материи или части одежды, которую клали на голову под кувшин с водой. Груз обвязывали специальной бечевкой у основания, а вокруг лба обматывали ленту из материи — это поддерживающее приспособление было известно на юго-западе еще со времен периода «корзинщиков»; впоследствии оно стало повсеместно применяться по всему континенту.

Один из способов передвижения, используемый индейцами, действительно можно назвать их «изюминкой» или, как говорят спортсмены, «коронкой» — это передвижение по воде при помощи каноэ, различных рыбацких лодок и других многочисленных разновидностей небольших судов и суденышек. И на озерах, и на реках, и на водах океана можно было видеть целые флотилии искусно сделанных и разукрашенных весельных судов, на которых передвигались индейцы. Некоторые из них были выполнены из тростника, наподобие древнеегипетских судов из папируса. Другие были сшиты из кожи, либо выдолблены из ствола дерева, либо же сделаны в результате сложного и требовавшего высокого искусства процесса. Однако лучшими лодками в своем роде были сделанные из шкур эскимосские каяки и умьяки. Оджибвеи, жившие на озере Верхнее, построили за две недели упорной работы каноэ длиной в 4,5 м; мужчины выполняли основную и самую тяжелую работу с деревом, а женщины — связанную с сшиванием конструкций и обшивкой. Сверху каноэ было покрыто березовой корой; ребра, подпорки, сиденья гребцов и планширы были выполнены из белого кедра, пол выложен кусочками кедра; швы были сшиты корнями сосны, а промежутки залиты сосновой смолой. Такие лодки были достаточно легкими — их можно было переносить от реки к реке или через пороги. Мужчинам порой приходилось переносить каноэ до воды на большие расстояния. Так, в верхней части штата Нью-Йорк проходил знаменитый Большой путь, состоявший из двух основных маршрутов, по которым волоком перетаскивали лодки между Гудзоновым заливом, атлантическим побережьем и районом Великих озер. Эти легкие лодки можно было использовать и для других целей. Например, их

ставили над дымовым отверстием жилищ, чтобы внутрь не попадал дождь. Тем не менее эти лодки меркнут перед творениями мастеров северо-запада, которых считали одними из самых выдающихся корабелов Древнего мира. Индейцы хайда строили суда длиной в 21 м, которые могли перевозить до 3 т груза и до 60 человек. Их вырубали из одного огромного ствола красного кедра, украшали как вырезанными, так и выполненными краской рисунками; управлялись они при помощи изящных разукрашенных весел.

Два таких мощных судна могли быть соединены деревянной палубой-настилом; в этом случае они использовались как один боевой корабль. Флотилия таких кораблей, идущая полным ходом, представляла собой очень внушительное зрелище.

Каное использовали не только для путешествий, торговли и рыбной ловли, но также и на охоте, чтобы ближе подобраться к добыче. В тех районах, где водились маралы, лоси и олени, их часто приходилось преследовать, передвигаясь по воде. Даже охотники на бизонов на юго-западе пытались подплыть поближе к стадам, используя широкие реки.

Марал, лось, канадский олень, северный олень и бизон были самыми крупными из тех животных, на которых в то время охотились, к тому же их мясо было наиболее вкусным и сочным. Однако охотиться на них могли лишь индейцы, жившие в северных районах, граничащих с ледником. Сразить этих крупных, под 2,5 м ростом, животных было очень непросто, хотя индейцы и владели приемами древних охотников, которым приходилось иметь дело с вдвое большими по размерам шерстистым мамонтом и мастодонтом. Что касается встречавшегося тогда в изобилии, но к настоящему времени исчезнувшего бизона (*Bison antiquus*), то это был гигант, по размерам почти не уступающий мамонту, а ведь и сохранившийся в наши дни бизон, относящийся к виду *Bison bison*, выше по росту среднего индейца и обладает такой же мощной и массивной комплекцией, как родственник ему бык. Эти крупные животные могли быстро и без усталости передвигаться по льду, снегу и просторам тундры, и требовалось много упорства и выносливости, чтобы их догнать.

Завершим наше рассмотрение крупных животных медведем — зверем еще более диким и опасным, чем вышеупомянутые. Все индейцы относились к медведю с большим

почтением. Медведь гризли (*Ursus Ferox*), обитавший в Скалистых горах, представлял собой гиганта, ростом под 3 м и весом 360 кг. Он был способен притащить в свою пещеру 450-килограммовую тушу бизона. Такими же внушительными габаритами обладал и белый медведь, обитающий в арктических районах. Хотя два других вида медведя — бурый и черный — были по размерам почти что малышами по сравнению с предыдущими, они также обладали такими качествами, как находчивость и сообразительность, постоянная готовность к схватке, а также огромной силой. Убив на охоте медведя, индеец совершал над сраженным зверем целый ритуал: он просил у него прощения, вставлял ему в пасть трубку с табаком, называл его (или ее) дедушкой или бабушкой и старался всячески задобрить дух погибшего животного. Охотники на крупных животных были полностью зависимы от передвижения стад этих животных и были вынуждены неотступно следовать за ними. В то же время охотились и на более мелких животных, в том числе оленя, антилопу и дикую козу. Если сегодня охотник-спортсмен, вооруженный скорострельной винтовкой с оптическим прицелом, считает этих животных почти неуловимой мишенью, то может показаться просто невероятным, что индеец тех времен мог догнать и сразить их, передвигаясь только пешком. В Северной Америке было три вида оленя, обитавших в большом количестве на территории Канады и США, причем ни один из них не обладал крупными размерами. Это обычный, или виргинский, олень; олень смешанного (гибридного) типа; чернохвостый олень. Среди антилоп встречается антилопа с прямыми рогами, напоминающими по форме зубцы или вилы; а самой знаменитой разновидностью дикой козы является большерогая коза *аргали*, рога которой достигают в длину около 2 м каждый и завернуты плотными кругами с обеих сторон головы.

Индейцы охотились и на других животных, необходимых для жизнеобеспечения. Некоторые шли на мясо, другие ценились за мех и использовались для изготовления одежды и различных предметов домашнего обихода. Для этих целей в основном использовались волки (в Северной Америке было пять основных их видов: серый, белый, пестрый, или пятнистый, сумчатый и черный); койоты, или степные волки, лисы, в том числе северные (полярные), росوماхи, еноты. Находилась и применение и множеству

других животных — всех не перечислишь. Назовем хотя бы зайца, дикого кролика, ласку, горностаю, норку, куницу, барсука, скунса, белку, мешотчатую крысу, луговую собаку, сурка, бобра, дикобраза, а также крысу и мышь. Из них выполнялось множество различных фрагментов знаменитых индейских нарядов. Также нельзя не упомянуть морских млекопитающих, добывавшихся рыбаками как атлантического, так и тихоокеанского побережья: китов, моржей, дельфинов-касаток, морских львов, дельфинов и морских выдр.

ВИДЫ ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ

Каким оружием охотились индейцы? С учетом того, что речь идет о периоде каменного века, когда все орудия делались вручную, можно сказать, что индейцы создали весьма разнообразный арсенал, состоявший из довольно искусно выполненных образцов.

Индейцы изначально умели искусно обращаться с камнем. Из него изготавливались наконечники стрел и копий, топоры и булавы (дубинки). В древние времена виды камня, пригодные для этой цели, пользовались большим спросом и торговля такими видами камня велась на очень больших по охвату территориях. Черный обсидиан, который добывали только на юго-западе, доставляли в долину Миссисипи; бурый кремль из западных районов штата Теннесси везли за тысячи километров от места добычи; кремль, добываемый в районе Амарилло в Техасе, также доставлялся в места, находившиеся на большом удалении как на западе, так и на востоке.

Искусство производства кремневых орудий является одним из старейших во всем мире. Наконечники металлических орудий, использовавшиеся охотниками культур клонис, фолсомской и скотсблаф, ничуть не уступают по качеству наконечникам, сделанным в XIX в.: налицо традиция длиной в 30 000 лет. Орудия из кремня делали по всему миру во все времена: к этому приходили как самостоятельно, так и в результате соприкосновения различных культур. В любом случае североамериканские индейцы достигли в этом высокого уровня мастерства. Они знали, как отколоть от основной части камня несколько

фрагментов при помощи другого камня или молота из оленьего рога. Они также знали, как придать этим фрагментам необходимую форму и как еще более тонко обработать рабочий край изделий посредством аккуратного надавливания с помощью более мягких костяных приспособлений. На заключительном этапе осуществлялись затачивание и шлифовка, для чего использовали песок, песчаник и другие шлифовальные материалы. На северо-западе использовали в большом количестве кожу акул, являвшуюся своего рода аналогом сегодняшней наждачной бумаги.

Когда наконечники, скребла, топоры с выемкой и без (последние археологи называют кельтами) были готовы, их либо насаживали на древко и рукоятку, используя специально подготовленное дупло, либо просто прикрепляли при помощи ремней из кожи или сухожилий. Иногда наконечники закреплялись и при помощи смолы. У каждого племени был свой излюбленный способ изготовления орудий. На севере, например, помимо камня использовали кости рыб и тюленей либо рога оленей, маралов и канадских оленей; после вымачивания этого сырья в воде оно становилось более податливым и с ним было легче работать.

Главным оружием индейца были копья самых различных видов. Наконечник из кремня или кости тщательно затачивался, а затем обжигался на огне лагерного костра. Очень большое значение имело открытие возможности использовать копьё в качестве метательного орудия: для этого стали применять меньший по размеру дротик, а также копьёметалку — *атлатль*, при помощи которого дротик можно было метнуть с большей силой и на большее расстояние. Атлатль¹ (это слово является ацтекским)

¹ Ацтекское слово «ат-лат-ль» пришло от испанцев, которые видели это оружие в действии. Атлатль состоит из короткого, максимум в 60 см, куска твердого дерева, имеющего на конце петлю, в которую входят пальцы охотника, а на другом конце находится глубокая зарубка. В нее закладывается конец древка короткого копья. Затем человек размахивается атлатлем, служащим продолжением руки, и бросает его по дуге — снизу и вперед, причем в кульминационный момент движения копьё вылетает из зарубки со значительно большей поступательной силой, чем при обычном броске рукой. В этом оружии используется центробежная сила, что свидетельствует об удивительной интуиции древних мастеров.

представлял собой короткий кусок дерева с кремневым или костяным гнездом на конце, в которое вставлялось копьё или дротик; он выполнял роль рычага, придававшего копьё и дротику существенное ускорение. Конечно, требовалось немало времени и сил, чтобы научиться искусно владеть таким оружием, но индейцы осваивали и совершенствовали свое оружие с не меньшим упорством, нежели белые — свои кольты и дерринджеры.

Никто точно не знает, когда в Новом Свете начали пользоваться луком и стрелами. В Старом Свете они были известны еще около 5000 г. до н. э., но в Америке появились не ранее 500 г. н. э. Каким образом сюда попал лук и какие племена стали первыми его использовать, остается загадкой, которая, судя по всему, остается неразрешимой. В любом случае изобретение лука имело огромное значение и представляло такой же скачок в развитии оружия, как переход от лошади к танку. «Огневая мощь» индейца, сводившаяся в течение 30 000 лет к копьё и дротику, была значительно усилена. Вскоре индейцы, как и их «коллеги» в Старом Свете, уже искусно делали луки из наиболее твердых и одновременно гибких видов дерева, таких как ясень, тисовое дерево и шелковица, используя горячий костровой пепел для того, чтобы придать луку необходимую форму. Опять же, в различных районах лук изготавливали со своей, характерной для данной местности спецификой. Во многих местах лук укрепляли при помощи инкрустации фрагментов из кости или сухожилий; сухожилия или скрученное волокно использовали и как материал для тетивы, а также для того, чтобы укрепить лук как в местах закрепления тетивы, так и посередине. Каждое племя делало стрелы на свой манер, используя дерево либо тростник и добавляя в оперение стрел перья орла, ястреба, канюка или индюка. Искусный стрелок из лука мог поразить движущуюся цель на расстоянии 46 метров; один белый американец видел своими глазами, как во время состязаний по стрельбе из лука индеец выпустил подряд восемь стрел с такой скоростью, что первая из них к моменту вылета последней еще не успела упасть на землю. Индейцы равнин, мчась на полном скаку с левой стороны от бизона, поражали его из своих небольших, менее 1 м в высоту, луков прямо в сердце, удерживаясь при этом на лошади только при помощи ног.

Ряд племен использовал и другие способы охоты. Так, чироки и ирокезы применяли для охоты в лесу и на болотах трубку длиной около 2,5 м, из которой выдувалась небольшая отравленная стрела с оперением из татарника; племена из Луизианы для поражения летящих уток и других птиц использовали приспособление, называвшееся *бола*, представлявшее собой струну или бечеву с закрепленными на ней грушевидными «гирьками». Некоторые охотники умели ловить водоплавающих птиц, подплывая к ним под водой и дыша при этом через торчащую из воды тростинку либо плавая среди них, надев на голову макет с изображением птицы, сделанный из тыквы.

В ряде случаев в охоте участвовало практически все племя в полном составе. Так, в районе Большого Бассейна женщины и дети принимали активное участие в охоте при помощи сетей на американских зайцев, когда их расплодилось слишком много. Охотники периода «корзинщиков» были искусными мастерами по плетению таких сетей. Одна из сетей, обнаруженная в пещере Белой Собаки (гора Блэк-Меса), составляла 73 м в длину, около 1 м в ширину и весила около 13 кг. Если расплести искусно связанную узлами бечеву, то ее протяженность составила бы 6,5 км. Таковую сеть натягивали вдоль устья каньона, загоняя в нее добычу при помощи собак. «Корзинщики» мумифицировали собаку и хоронили ее вместе с хозяином, чтобы она сопровождала его и служила ему в ином мире так же, как и в этом.

Индейцы очень умело пользовались всякого рода охотничьими ловушками и приманками. Они выкапывали замаскированные ямы-ловушки, а также развешивали ловушки-приманки на ветках деревьев. Племена объединяли усилия, чтобы загнать большое стадо животных туда, где они становились легкой добычей. В предыдущей главе мы уже подробно рассказывали о том, как охотники каменного века загоняли бизонов на край ущелья и вынуждали их прыгать вниз. Охотник-индеец научился так же хорошо чувствовать местность, как и животное, на которое он охотился. Преследуя оленя, охотник облачался в его шкуру и «надевал» его голову с рогами, чтобы смешаться со стадом. Точно так же он поступал при охоте на бизона, причем аналогичным способом он маскировал и лошадь, если охотился верхом. Индейцы также прекрас-

но умели воспроизводить звуки, издаваемые животными и птицами, в том числе призывы к спариванию и крики детенышей и птенцов.

Индейцы были не только прекрасными охотниками, но и не менее искусными рыболовами. Как и сегодняшние рыбаки, они часто рыбачили просто для удовольствия, что позволяло им сосредоточиться, побыть наедине с самим собой и почувствовать особую связь с природой и близость к ней. С давних времен рыболовы Великих озер пользовались удочками и леской, очень похожими на сегодняшние; они делали красивые поплавки и спиннинги, которые сегодня украсили бы любой магазин, торгующий рыболовными снастями и принадлежностями. Индейцы также использовали прием, известный сегодня всем мальчишкам: опускали руку с открытой ладонью в горную реку и держали ее неподвижно, пока в нее не врезалась рыба, и тогда ее можно было поймать. И на тихоокеанском, и на атлантическом побережье регулярно ловили и лакомились омарами, крабами, устрицами, моллюсками и морскими анемонами.

Для крупного лова индейцы искусно сооружали плотины, запруды, искусственные мели; они также мастерски изготавливали загоны для рыбы из тростника и ивовых прутьев. Попавшую в ловушку рыбу поражали копьями, дубинками и стрелами, а также вылавливали при помощи корзин. Использовался кошельковый невод, сплетенный из вьющихся растений; требовалось много людей, чтобы ловить рыбу таким способом. Некоторые племена юго-востока использовали особое растение, которое было неядовитым, но оказывало на рыбу наркотическое воздействие; корни растения бросали в воду, чтобы «усыпить» рыбу.

При любой охоте очень важную роль, ничуть не меньшую, чем сама охота, играл процесс раздела добычи. К этому относились очень серьезно, и здесь большую роль играли племенные и родовые традиции. Туши более мелких животных доставляли в поселение — и там их делили, а туши крупных животных делили и разделявали прямо на месте. Лучшие части туши доставались тому, кто убил животное, что определялось по специальной метке на стреле в теле животного, а остальные части — тем, кто ему помогал. Часть добычи откладывалась для людей, занимавших особое положение в племени, а также для религиозных церемоний. С животных снимали шкуру, а срезанное

мясо помещали в специальные мешки из шкур, напоминающие сегодняшние мешки из брезента, — ранние французские поселенцы дали им название *парфлеши*. Охотники доставляли парфлеши (на спине или на волокушах) в промежуточный лагерь, а оттуда уже — в основное поселение. Часто женщины и дети приходили к месту, где первоначально складывалась добыча, чтобы помочь быстрее ее доставить. И обработка туш, и доставка мяса должны были быть произведены умело и быстро, чтобы мясо не испортилось. Если мяса было слишком много, то устраивали племенной пир, а оставшееся мясо вялили и делали пищевой концентрат, своего рода «консервы», которые называли *пеммикан*.

Не надо забывать и еще об одном факторе, игравшем большую роль в жизни индейцев: о дожде. В голливудских фильмах погода всегда ясная и солнечная, как будто индейцы и ковбои живут в какой-то идиллической стране, однако в реальной жизни дожди были настоящим проклятием как для индейцев, так и для ковбоев. Последние от них страдали особенно, поскольку им приходилось находиться под открытым небом в любую погоду. Чтобы избежать заболеваний (а многие ковбои из-за сырости страдали «профессиональным» заболеванием — воспалением суставов), они постоянно имели при себе импровизированные плащи, накидки, а иногда и большие зонты. Что касается индейцев, то дождь мог испортить свежие запасы мяса, а также тетиву лука, сделать скользким копье, кожаную одежду — твердой и жесткой, испортить шкуры, а также промочить насквозь палаточное жилище и пожитки, в результате чего они покрывались плесенью. Поэтому, чтобы иметь полное представление о жизни индейцев, следует уметь представлять себе их жизнь не только при ясной, но и при плохой погоде.

ПОЯВЛЕНИЕ ЛОШАДИ

Появление лошади сделало успешней не только охоту и все, что с ней было связано, но и значительно облегчило для индейцев всю их жизнь в целом.

Времена, когда до крови стирали ноги во время утомительных длительных переходов, ушли в прошлое. К. Уис-

слер писал в этой связи: «Появление этого нового средства передвижения внесло больше изменений в жизнь индейцев, чем изобретение автомобиля в наши дни... Перед ними расширились горизонты, жизнь стала значительно более разнообразной и интересной, принесла новый опыт и впечатления; появилось больше свободного времени; наконец, замедлилось распространение занятий, связанных с оседлым образом жизни».

К сожалению, хотя это событие позволило добывать продовольствие на значительно более обширной, чем прежде, территории, а также внесло в жизнь свежую струю и сделало ее более интересной и разнообразной, оно имело и серьезные отрицательные побочные эффекты. Теперь, во время одного охотничьего сезона, племя с легкостью покрывало расстояние в 800 км, в то время как раньше оно было в состоянии преодолеть расстояние в 10 раз меньшее. Такая мобильность приводила к увеличению вторжений на территории соседних племен и, как следствие, к росту вражды и междоусобиц. Племена, которые и до этого были воинственными и занимались грабежом, теперь стали еще более агрессивными. Это событие подтолкнуло ряд племен, занимавшихся сельским хозяйством, оставить это требующее кропотливого труда и заботы занятие; охваченные ражем «лошадиной лихорадки», они вышли на большую дорогу и стали на путь грабежа и разбоя. Однако самое худшее состояло в том, что самые распушенные и разнузданные племена, в которых возобладало разрушительное, «фаустовское» начало, стали яростно и неистово истреблять бизонов только лишь для того, чтобы дать выход своей разрушительной энергии, так сказать, для удовольствия. Эта бессмысленная бойня серьезно сократила поголовье и существенно подорвала важнейший для индейцев источник продовольствия.

Это действительно была лихорадка, можно даже сказать, своего рода помешательство! Индейцы, особенно жившие на равнинах, буквально потеряли голову из-за лошадей. И если в 1650 г. в их распоряжении было лишь очень небольшое количество этих животных, то спустя двадцать лет оно резко возросло. Лошадей в Северную Америку привели с собой испанцы: в 1540 г. вице-король Новой Испании разрешил Васкесу де Коронадо со своим

отрядом перейти Рио-Гранде и совершить вооруженный рейд по неизведанной территории, лежавшей к северу от Мексики. Коронадо надеялся найти сказочные «семь городов Сиболы», где дворцы и даже дома якобы были сделаны из золота, а богатство их могло сравниться с богатством недавно покоренной испанцами империи инков. Коронадо не нашел Сиболы, поскольку ее просто не существовало¹.

Поход Коронадо сопровождался тяжелыми боями; ему и его отряду пришлось вынести все трудности напряженных и тяжелых переходов, пока они достигли территории современного Канзаса. Оттуда Коронадо вернулся в Мехико, получив смертельную травму — его лягнула лошадь.

Возможно, часть лошадей из отряда Коронадо убежала и осталась в прериях. То же самое, вероятно, произошло и во время новых походов испанцев, которые возглавляли соответственно Камускадо в 1581 г., Эспейо в 1581—1582 гг. и Кастанья де Соса в 1590—1591 гг. Но больше всего лошадей на североамериканской территории оказалось в результате крупного похода Хуана де Оньяте в 1598 г., в ходе которого была окончательно сформирована провинция Нью-Мексико со столицей в Санта-Фе.

Индейцы, впервые увидев людей верхом на лошадях, были так же напуганы, как и ацтеки, впервые увидевшие верховых испанцев из отряда Кортеса в 1519 г. Им казалось, что и человек, и лошадь представляют собой единое существо — наподобие кентавра. Поэтому, как и ацтеки, они в панике бежали. Столкнувшись с лошадьми уже позднее, они поначалу не испытывали никакого желания ездить на них; в период с 1600 по 1680 г. индейцы, судя по всему, употребляли в пищу тех бесхозных лошадей, которых им удавалось поймать. Позднее, однако, они поняли, что лошадей можно с большой пользой использовать на охоте, а также в качестве тягловой силы.

Поворотным пунктом в освоении лошади стал 1680 г., когда индейцы пуэбло подняли восстание против хозяй-

¹ Коронадо захватил несколько крупных поселений пуэбло, в частности Кикуйе, как раньше назывался Пекос — сейчас так называется город, а также историческое место в штате Нью-Мексико; они были разграблены, и в этих районах была провозглашена власть испанской короны.

ничавших на их земле порабитителей-испанцев, разгромили их хорошо укрепленные гарнизоны и гнали врага на юг — через Эль-Пасо и Чиуауа вплоть до самого Мехико. Все имущество испанцев, включая множество лошадей, оказалось в руках индейцев. К тому времени, как испанцы вернули контроль над этим районом в 1692 г., индейцы пуэбло вполне овладели искусством обращения с лошадьми.

На востоке индейцев познакомили с лошадьми английские и французские переселенцы. Для рыбаков, земледельцев и лесных охотников этих районов лошади не играли сколько-нибудь серьезной роли, поскольку местные природные условия не были благоприятны ни для разведения лошадей, ни для их использования. Лошади стали настоящей страстью для индейцев прерий и центральных районов; они предпочитали породы лошадей, выведенных испанцами, добывая их в Техасе и Нью-Мексико: лошадей либо покупали, либо крали.

Вдоль границы между Техасом и Нью-Мексико располагается первая, «пограничная» группа индейских верховых племен: это навахо, апачи, команчи и юты. На втором «ярусе» находятся осейджи, кайовы, шайены и арапахо. На третьем — пауни, кроу, шошоны, а также сиуязычные племена, в том числе дакоты, манданы и хидатсы. Далее следуют племена, расположенные в районе американо-канадской границы и в Канаде: кри, черноногие, оджибвеи, а также неперсе — признанные мастера коневодства, известные своими великолепными лошадьми апалусской породы. Однажды появившись на территории Северной Америки, лошадь с 1650 по 1800 г. стремительно покорила весь континент, не уступая в этом по скорости автомобилю и самолету.

Почему-то считается, что индейцы не пользовались седлами. Это не так. Многие племена делали европейского типа седла из шкур, причем в своей собственной своеобразной манере, с изысканно разукрашенными тороками по бокам лошади. Также не соответствует действительности утверждение, что верхом ездили только мужчины. В некоторых племенах среди женщин и девушек встречались так же страстно преданные лошадям и умевшие так же искусно с ними обращаться, как и мужчины.

ПОЯВЛЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Вместе с лошадьми появилось и огнестрельное оружие. Это были те подарки индейцам от белого человека, которые с одинаковой силой сделали две огромные пробоины в сложившемся с древних времен укладе и образе жизни американского индейца.

Огнестрельное оружие принесло с собой те же отрицательные последствия, что и появление лошади. Оно делало агрессивных людей еще агрессивней; оно подхлестнуло тенденцию к ставшему теперь еще более легким бессмысленному и безответственному истреблению животных. Вначале испанцы, первыми появившиеся на американской территории, старались, чтобы огнестрельное оружие не попадало в руки индейцев. Но индейцы все равно его доставали: либо крали, либо забирали у убитых ими белых поселенцев. В этой связи, как бы странно это ни выглядело, было решено официально поставлять индейцам то, что они так страстно желали получить. При этом придерживались той же логики, что и США и европейские страны, продающие сегодня оружие на Ближний Восток и в Латинскую Америку. Если оружие в любом случае купят если не у вас, так в другом месте, то лучше продавать самому, получая при этом и прибыль и привязывая к себе покупателя, контролируя объем и каналы поставки оружия и запчастей. Испанцы, англичане и французы старались продавать индейцам ружья низкого качества. Иногда они вообще были негодными к применению, поскольку многим племенам ружья были нужны лишь для демонстрации, чтобы поднять таким образом свой авторитет и закрепить высокий статус. К тому же индейцы не умели делать порох и патроны и зависели в этом полностью от европейских колонистов. Индейцы также не умели чинить купленное оружие, и в случае поломки им приходилось обращаться к белым поселенцам. Есть немало рассказов о том, как сбитые с толку индейцы в ярости разбивали ружья о деревья или камни подобно тому, как ломает свою клюшку раздосадованный гольфист. Следует также отметить, что, в отличие от колонистов, знакомых с ружьями с колыбели, индейцы, не имея соответствующих традиций, редко становились хорошими стрелками. К тому же они не хотели расходовать пули и порох на тренировочную стрельбу.

ОХОТНИКИ

Картина резко изменилась в середине и конце XVIII в., когда французы и англичане активно пытались использовать индейцев как союзников в борьбе друг с другом. Английские и французские ружья были по качеству лучше испанских, и у индейцев появилось много возможностей хорошо научиться пользоваться ими в деле. К 1800 г. ирокезские племена (без помощи которых англичанам, возможно, пришлось бы уступить свои американские владения французам) и их заклятые враги — племена алгонкинские стали настоящими снайперами, чем вызвали у белых немалую обеспокоенность. К началу войны между Англией и Америкой, разразившейся в 1812 г., эти могущественные индейские племена обладали лучшим оружием по сравнению с тем, которое находилось на вооружении английской и американской армий. Такая ситуация только еще больше обострила конфликт между индейцами и американцами, когда молодое американское государство, после окончания войны с Англией, сконцентрировало все усилия на том, чтобы полностью подчинить коренных жителей Америки — индейцев.

Но оставим на время военную тему, к которой мы вернемся позднее, а сейчас остановимся на различных сторонах повседневной мирной жизни североамериканского индейца, которая занимала значительно большую часть его времени и творческих созидательных усилий.

Глава 3

У ДОМАШНЕГО ОЧАГА

Представьте себе, что вы посетили одно из индейских поселений в любое время между 1700 и 1900 гг. и, воспользовавшись гостеприимством хозяев, которые всегда оказывали его любому страннику или путешественнику, совершили по нему небольшую прогулку. На что бы вы обратили внимание?

В первую очередь на то, что независимо от вида самого поселения и его застройки место под поселение выбрано с особой тщательностью — с не меньшей, чем при возведении сегодняшних городов. Даже на лишенной деревьев, нещадно опаляемой солнцем и продуваемой ветрами территории района Равнин индейцы умели находить для строительства поселений наиболее защищенное от солнца, ветра и дождя место. Рядом обязательно был расположен водяной источник: либо это был природный водоем, либо речка или ручей, где водилась рыба и куда приходили на водопой непуганые олени и другие животные. Поселения также располагались на берегах могучих рек, которые на протяжении всей человеческой истории питали развитие самых разнообразных культур и цивилизаций. Наконец, место для поселения подбиралось таким образом, чтобы оно было максимально защищено от нападений врагов или вооруженных грабителей: оно не должно было бросаться в глаза, и его расположение должно было практически полностью исключить возможность внезапного нападения.

В индейском поселении — будь то лагерь или село — обычно проживало от 100 до 300 человек, хотя следует отметить, что некоторые сообщества, особенно в период расцвета древних культур, строили очень крупные поселения — настоящие города, в которых проживало гораздо больше людей. Территория поселения была распреде-

лена между родами; на каждом таком участке жили 30—50 мужчин, женщин и детей. Некоторые индейские лагеря были совершенно открыты и не имели никаких укреплений; другие, наоборот, были укреплены очень тщательно — они были обнесены земляными валами или деревянной стеной, в зависимости от имевшихся под рукой материалов. Этим же определялись вид и форма жилищ, которые были различными в каждом из рассматриваемых нами основных районов распространения культур.

ВИДЫ ЖИЛИЩ

Как мы уже могли убедиться, люди культур хохокам и анасази, жившие на юго-западе (который был заселен ранее любого другого района) на заре нашей эры, уже тогда были искусными архитекторами. Индейцы культуры хохокам возводили свои знаменитые строения, включая Каса-Гранде, либо из *адобов* — кирпичей из высушенной на солнце грязи, либо из *калишей* — кирпичей из высушенной жесткой глины. Адобы и калиши, которые первые белые американские поселенцы называли «мрамором прерий» или «степным мрамором»¹, были дешевым, но прочным и долговечным строительным материалом; и сегодня из них выполнены многие жилые и общественные здания на юго-западе. Что же касается людей культуры анасази, то они показали себя замечательными мастерами архитектуры камня, превратив обычные пещеры в Меса-Верде и других местах в жилища поистине сказочной красоты, а также построив свои знаменитые отдельно стоящие «квартирные здания» в Чако-Каньоне.

Несколько севернее мы встречаем земляные жилища их кочевых соседей — индейцев навахо. Это многочисленное племя атабаскской языковой семьи долго кочевало перед тем, как осесть в районе поселений пуэбло на Рио-Гранде. Эти «землянки» уникальны тем, что, вместе с жилищами пуэбло, они являются единственными настоящими индейскими жилищами, которые используются и поныне. В резер-

¹ Слово «прерия» (*prairie*) имеет французское происхождение и означает «большая травянистая равнина»; иногда ее просто называют степью.



Местонахождение основных коренных
индейских племен
США



вазии индейцев навахо вы буквально на каждом шагу можете встретить эти приземистые, бросающиеся в глаза жилища, которые называют *хоганами*. Пол внутри хогана имеет форму круга, символизируя солнце и вселенную; сверху он покрыт имеющей форму свода деревянной крышей, которая, в свою очередь, покрыта плотно утрамбованной землей. Вход представляет собой простой проем, завешанный одеялом. Он обращен на восток — навстречу восходящему солнцу. На небольшом расстоянии от основного хогана находится «баня» — меньший по размеру хоган без дымового отверстия; в этом сооружении, напоминающем сауну или турецкую баню, семья может отдохнуть и расслабиться. Подобные «бани» весьма распространены и встречаются практически у всех индейцев Северной Америки. Рядом с главным жилищем также находилась *рамада* — сделанная из деревянных столбов под сенью деревьев беседка, в которой старики могли вздремнуть, дети — поиграть, а женщины — ткать или готовить пищу.

Жилища из земли, самых различных видов, можно было встретить и на равнинах и прериях, но в большей степени в северных районах, где лето было очень жарким, а зима суровой и холодной. Пауни в Небраске, а также манданы и хидатсы в Северной и Южной Дакоте вкапывали свои жилища глубоко в землю. Если жилищами пауни были круглые незатейливые землянки, то жилища хидатсов и манданов представляли собой крупные, искусно выполненные сооружения, подпиравшиеся изнутри мощным разветвленным деревянным каркасом. Некоторые из жилищ манданов занимали территорию диаметром 25—30 м; в таком жилище жили несколько семей, а также располагались стойла лошадей, которых хозяева не рисковали оставлять снаружи. Обитатели таких жилищ отдыхали и нежились на солнце на крыше хогана. Ирокезские племена также «теснились» в одном длинном доме; по свидетельству европейских миссионеров, которым пришлось временно жить там, было очень непросто выдержать «букет» из жара огня, дыма, разнообразных запахов и собачьего лая.

В центральной части района Равнин, то есть на большей части территории Северной Америки, основным жилищем индейца было сооружение палаточного типа, которое называли *типи*. Типи иногда ошибочно называют вигвамом, однако это совершенно другое сооружение, в

чем мы сейчас убедимся. Типи представляло собой конусообразную палатку, обтянутую раскрашенной шкурой бизона; такие палатки хорошо знакомы по многим фильмам об индейцах. Охотничьи палатки были небольшими по размеру, но палатки в главном лагере, а также палатки для торжественных церемоний могли достигать 6 м в высоту и занимать территорию диаметром 6 м; на ее сооружение уходило до 50 бизоньих шкур. Независимо от своего размера, типи прекрасно подходили как к условиям местности, так и к условиям жизни кочевых племен: их было легко устанавливать и свертывать. В «комплект» типи входили 3—4 основных столба-подпорки и 24 деревянные подпорки, меньшие по размеру. Когда палатку разбирали, из этих же конструкций можно было собрать уже упоминавшуюся волокушу, на которую укладывали как сложенную типи, так и другие грузы. В лагере основные деревянные подпорки ставили вместе большим треугольником и связывали их у его вершины, затем к ним приставляли вспомогательные подпорки, сверху натягивали покрытие и скрепляли всю конструкцию, напоминая гигантский полумесяц, ремнями из сухожилий. Внизу покрытие закреплялось при помощи деревянных колышков. Зимой покрытие внутри типи привязывали к опорам, а снизу его закрепляли на земле, чтобы сохранить тепло. Летом, наоборот, покрытие забрасывали наверх, чтобы обеспечить доступ свежего воздуха. Огонь разводился прямо в центре жилища, а дым выходил через аккуратно выложенный из тростника, сужающийся к верхней части дымоход. Если ветер дул в таком направлении, что дым оставался внутри типи, расположение опор весьма ловко меняли таким образом, чтобы весь дым уходил наружу. В отличие от жилищ из земли типи украшали снаружи бисером, иглами дикобраза; наносили различные знаки и символы религиозного и мистического характера; также снаружи изображался личный знак или символ хозяина жилища. Типи, принадлежавшие таким племенам, как шайены и черноногие, представляли собой поистине замечательные сооружения большой красоты и своеобразия. Не без оснований индейцы района Равнин называли рай «землей, где много типи», считая, что это бескрайняя цветущая земля, усеянная сверкающими разноцветными палатками-типи.

Типы были характерны и для других районов Северной Америки; правда, там они не отличались таким великолепием, как на Равнинах. Некоторые племена вообще не украшали типы; другие, особенно те, кто жил в суровом климате, старались, как могли, утеплить их, используя циновки, подстилки, ковры и все попадавшееся под руку, что могло служить в качестве изоляционного материала. В Канаде и на северо-восточном побережье в качестве покрытия использовали березовую кору, которая не подходила для того, чтобы обильно украшать ее рисунками. Следует отметить, что жилища типа палаток-типы были известны не только в Северной Америке, но и в других районах мира, в особенности в Северо-Восточной Азии. Вполне вероятно, что пришедшие в Америку и Канаду древние охотники-азиаты жили зимой в пещерах, а летом — в палаточных жилищах; хотя, конечно, такой недолговечный материал, как кожа и дерево, не мог сохраниться до наших дней, и поэтому у нас нет археологического подтверждения данного предположения. Людей того времени лишь называют «пещерными людьми».

Вигвам — жилище, которое имеет деревянные опоры, подобно типу, но его верх округлой формы, и покрыт он не шкурами, а вытканными циновками или корой березы. Часто для устойчивости внутри вигвама располагался деревянный каркас, напоминавший помост из деревянных лесов, которые были прочно прикреплены к основанию веревками из волокна, что делало жилище похожим на перевернутую лодку. Более хрупкие, обычно временные жилища, покрытые поверх остова пучками тростника и сухой травы, назывались *викапами*. В таких хижинах жили в районах пустынь, подобных району Большого Бассейна, и на засушливых окраинах юго-запада, где обитали племена, жившие в нищете и находившиеся на очень низком уровне материальной культуры. Викап был типичным жилищем апачей — племени храброго, но очень отсталого.

Вигвамы и викапы следует отличать от покрытых вытканым из тростника материалом величественных жилых сооружений, которые были характерны для южных районов США. Эти сооружения были построены людьми, поселившимися на юго-востоке и в бассейне Миссисипи, где в свое время жили и трудились строители знаменитых

«храмовых» маундов. Эти люди строили внушительного и величественного вида высокие строения округлой формы с мощной деревянной колоннадой. Зачастую крыши и стены домов были покрыты плотно сотканными и ярко разукрашенными циновками из тростника. В подобных домах жили лесные племена Северной и Южной Каролины, а также северо-восточного побережья. Здесь часто встречались длинные дома с куполообразной крышей и решетчатой верандой. По всей длине таких домов располагались широкие скамьи, на которых целые семьи ели, спали, развлекались и отправляли религиозные обряды, наподобие живших аналогичным образом сообществ Юго-Восточной Азии.

Культура строительства «длинных домов» достигла наивысшего уровня на северо-западе; как уже отмечалось, этот район известен своими культурными достижениями и в ряде других областей. Такие племена, как хайда, цимшиан и тлинкиты, делали доски и балки из красного и желтого кедра, которые использовались для строительства домов, где могли жить 30—40 человек. Такие дома почти всегда имели длину не менее 15 м и ширину не менее 12 м и являлись шедеврами плотницкого дела, деревянной архитектуры и изразцовых деревянных украшений. На досках были искусно выполнены желобки и язычки, прочно входившие в стыковые пазы. Крыши домов покрывали корой деревьев. Стены, как изнутри, так и снаружи, и перегородки, разделявшие внутреннее помещение на несколько комнат, были украшены резьбой и рисунками, тематика их была связана со священными духами, которые должны были оберегать дом и домочадцев. Дом каждого вождя украшали по-особенному, причем неповторимо индивидуально. Конек крыши покрывался резьбой и рисунками, а перед домом ставился знаменитый тотемный столб индейцев северо-запада, на котором отображалась история данной семьи или рода; на вершине столба изображалась семейная или родовая эмблема. Эти столбы, достигавшие порой 9-метровой высоты, были хорошо видны издали, в том числе и со стороны моря, и служили хорошим ориентиром на местности. И сегодня жители индейских поселений северо-запада ведут активную жизнь, проявляя интерес к профессиональным занятиям и ремеслам и всему образу жизни своих великих предков.

ВНУТРЕННЯЯ ОТДЕЛКА ЖИЛИЩ

Если бы вас пригласили (а по-другому и не могло быть) внутрь индейского жилища, вы бы увидели, что там почти нет мебели. Утрамбованный земляной пол, столь же ровный и гладкий, как паркет или стекло, чисто подметен метлой из веток или травы и застелен мехами, шкурами или циновками. На стенах — занавески и амулеты. Спала семья вкруговую вдоль стен жилища, причем у каждого было свое место; иногда спали на скамье, но чаще прямо на матери-земле, завернувшись в теплое одеяло. Типичным видом мебели был «индейский шезлонг», поддерживающий сидящего на полу мужчину; это был своего рода шезлонг без сиденья. Некоторые части жилища были отведены для религиозных символов и для священной шаманской связки¹; особые, имеющие мистический, сокровенный смысл места в доме были отмечены камнями, чтобы все их обходили, поскольку они предназначались для духов умерших предков или имели иное религиозно-духовное назначение.

В центре жилища располагался очаг, огонь в котором ярко горел в течение дня и немного притушался на ночь. Огонь считался божественным даром, и за ним следили особенно тщательно. Он символизировал солнце, а жилище вокруг него — вселенную; дверь дома или вход в палатку был обращен на восток — навстречу первым лучам восходящего солнца. Техника разведения и поддержания огня была очень древней. Один из способов заключался в высекании искры посредством удара по камню другим камнем или куском серного колчедана, но более распространенным был следующий: заостренная деревянная палка вставлялась в отверстие, сделанное в другой, и вращалась при помощи рук, пока поверхность не нагревалась до такой степени, что поджигала расположенную здесь же сухую траву и трут из коры дерева. Другой, еще более быстрый метод представлял собой усовершенствованный вариант последнего: вызывающая зажигание палка вращалась, будучи вкручена в натянутую тетиву лука, причем верхний конец палки был вставлен в отверстие в специ-

¹ Шаманская связка — связка из священных предметов, составленная шаманом для каждой семьи, которая должна была оберегать всех ее членов.

ально подготовленном камне; двигая лук туда-сюда, палке придавали более интенсивное вращение, нежели при ее вращении руками. Иногда огонь переносили из одного места в другое в роге бизона, в закрытом кувшине или же держа его внутри большого пучка медленно тлеющего мха. Многие племена поклонялись огню; в домах и модельных помещениях таких племен горел «вечный огонь» и специально назначенный хранитель огня отвечал за то, чтобы он никогда не угасал.

ОДЕЖДА

Индейцы могли быть одеты по-разному. Племена равнин, а также северных и восточных районов носили больше одежды, чем племена, жившие в теплых южных районах. Последние, как и жители района Большого Бассейна, ходили практически без одежды: у мужчин была лишь набедренная повязка-фартук, а у женщин — юбка. Индейцы южных районов наносили татуировку по всему телу: это были различные причудливые полосы и разнообразные разноцветные узоры. Они также раскрашивали тело белой, красной и коричневой охрой. Татуировку применяли и некоторые племена центральных и восточных районов. Воинственные индейцы кэддо, образовавшие федерацию на территории Оклахомы, Канзаса и Арканзаса, столь обильно покрывали себя татуировкой, что первые английские поселенцы называли их «индейские пикты»¹.

В большинстве районов женщины обычно носили либо кожаные рубаху и юбку, либо рубаху-платье и ноговицы².

Мужчины носили короткие штаны и ходили с обнаженным торсом; в холод или дождь они использовали покрывало, напоминавшее плащ-накидку. Рубахи носили лишь мужчины, занимавшие высокое положение, да и то в основном во время праздничных церемоний. Пышные

¹ П и к т ы — коренные жители Шотландии, мужественно отстаивавшие свою независимость и почти полностью погибшие; их мужество и стойкость воспеты в стихотворении Р.Л. Стивенсона «Вересковый мед».

² Н о г о в и ц ы — своего рода гамаша; ноговицы, соединенные с мокасинами, напоминали облегающие ногу высокие, до пояса, сапоги.

наряды, описанные в романах Викторианской эпохи и показанные в фильмах, появились сравнительно недавно, когда индейцы стали использовать в одежде шелк, ленты, бархат и сатин, подражая белым людям, с которыми им приходилось встречаться в городах, во время движения по рекам и в военных гарнизонах. Индейцы заимствовали у белых и фасон одежды, поэтому после 1860 г. наряды индейцев стали представлять собой пародию на традиционное индейское одеяние.

Нельзя сказать, что мех и кожа, которые индейцы использовали в одежде до того, как она резко изменилась под влиянием белых людей и шоу «На Диком Западе», были хуже по качеству, чем у европейцев. Мех и пушнина отличались высоким качеством, а одежда из них не уступала той, которую делают сегодняшние мастера. Шкуры и кожа находили самое различное применение. Невыделанные шкуры не уступали по твердости и прочности кости и пластмассе; из них делали щиты, защитные покрытия и уже упоминавшиеся парфлешы. Из шкур бизона, марала, лося, оленя, антилопы и других животных индейцы выделявали такую мягкую кожу, как нигде больше. Шкуру тщательно натирали смесью из мозга и печени животных, кислого молока и коры вяза, а затем долго вымачивали в воде. После того как шкура была высушена и натянута на раму, ее можно было разрезать на части и использовать для пошива одежды, сумок, кожаных мешков, рубах и блузок, ноговиц, обуви, колчанов для стрел и еще тысячи и одного предмета. Многие племена имели свои собственные рецепты изготовления кожи и изделий из нее. Так, племя равнинных кроу настолько умело выделяло шкуры оленей, бизонов и маралов, что сделанные из полученной кожи одежда и покрытие для палаток-типи очень быстро высыхали и после самого сильного дождя, который не причинял им никакого вреда.

Поскольку всевозможные украшения — врожденная страсть индейцев, их часто наносили как на кожаную одежду, так и другие изделия из кожи. Делали бахрому, вышивки, наносили рисунки, а также украшали бисером, ракушками, иглами дикобраза и перьями. Помимо кожаной одежды было много способов производства и украшения одежды из других материалов. Индейские женщины искусно ткали, плели, вышивали, делали складки на

одежде, обшивали ее тесьмой — причем как ручную, так и используя ткацкий станок, как импровизированный, так и настоящий. Они достигли в этом очень высокого уровня — об этом мы подробнее поговорим позднее. Рубахи и блузки, платья, ремни, пояса-кушаки, плащи-покрывала, как обычные, так и для вождей, накидки-пончо и многое другое — все это было изготовлено индейскими ткачихами. Что касается детей, то первую свою одежду они надевали в 5—6 лет, когда их начинали учить взрослым занятиям и правилам поведения, а до этого они бегали нагишом, имея на ногах лишь обувь, поскольку вокруг было много гремучих змей, муравьев и других опасных существ. У индейцев было несколько пар мокасин — как с высоким верхом, так и с низким, как на мягкой, так и на твердой подошве. Одни предназначались для отдыха, другие — для занятий сельским хозяйством, третьи для охоты и преследования дичи и т. д. Какую-то обувь носили ежедневно, какую-то только по праздникам. Отправляясь на охоту, индеец брал с собой две-три пары обуви. И в мирное время, и на войне индейцы были большими шеголями; они разряжались как павлины, постоянно прихорашивались и гордо демонстрировали свои наряды.

Важной составной частью индейского туалета были прическа и головной убор. В основном индейцы носили длинные волосы, перехватывая их сзади ремешком, узкой головной повязкой или платком. Некоторые племена намазывали волосы грязью или жиром; им придавали различную форму, чтобы, например, отличить холостого от женатого или опытного воина от зеленого юнца. В ряде племен воины обривали голову, чтобы запугать противника. При этом обычно оставляли либо небольшую косичку, либо хохолок, торчавший, как петушиный гребешок. И мужчины и женщины носили серьги, размер которых зависел от занимаемого положения, а также ожерелья, подвески, кольца и самые разнообразные браслеты для рук и ног.

Существовали также строгие правила и относительно оперения в головном уборе. Один воин имел право на ношение одного орлиного пера, другой — двух. Перья и кусочки меха как на голове, так и на других частях тела означали знаки отличия и соответствовали тому или иному военному рангу или заслугам. Мех выдры, бобра, дикой

кошки, а также шкуру пантеры полагалось носить лишь имевшему выдающиеся заслуги. Носивший мех лисы или енота имел большие заслуги по сравнению с тем, кто носил мех белки.

Самый знаменитый боевой головной убор индейцев, состоявший из нескольких рядов развевающихся и ниспадающих на плечи перьев, был изобретен индейцами лесных районов востока. Оттуда он достиг района Равнин; наибольшей популярностью он пользовался у индейцев сиу. Другие равнинные племена использовали головной убор измененного дизайна: так, черноногие носили прямую по бокам корону из перьев. Однако самым красивым и оригинальным был головной убор калифорнийских индейцев. Он состоял из оперения, выложенного перьями ворона и красного дятла, в которое были вставлены изящные тростинки с цветками мака или пушистыми комочками хлопка на концах. Многие обходились простыми головными уборами из соломы или коры деревьев, напомилавшими панамы или зюйдвестки. Ведь жизнь индейца в большей степени состояла не из праздников, а из обычных будней.

РАБОТА В ПОЛЕ

Не нужно провести в индейском поселении много времени, чтобы понять, сколько тяжелого труда ложилось на плечи женщины. Каждый день ей приходилось будить мужчин и детей, разводить огонь, готовить завтрак. Она выполняла всю домашнюю работу, а также занималась сбором во время сезона диких плодов, ягод, корнеплодов и других природных продуктов питания. Она отвечала за хранение и сохранность мяса и других припасов, шила и чинила одежду, занималась детьми и готовила всей семье ужин.

В тех племенах, которые занимались сельским хозяйством (а почти все индейские племена в той или иной степени им занимались), именно женщины возделывали землю и ухаживали за посадками. Исключение составляли лишь индейцы пуэбло юго-запада — у них истари сельским хозяйством занимались мужчины. Во всех других местах, как и в большинстве мест на планете, эти

заботы с незапамятных времен лежали на женских плечах. В конце концов женщина сама является прообразом земли — источником жизни, в ее чреве созревает и вынашивается плод и выходит из темноты на свет. У древних народов женщина стойко ассоциировалась с землей, их предназначение считалось очень схожим. А пока женщина работала в поле, располагавшемся недалеко от дома, и следила за домашним очагом, мужчина занимался не менее трудоемким делом — охотой.

Посевная начиналась в мае, по окончании ранневесенней охоты. После торжественной церемонии землю засеивали участками, при соблюдении четкой плодосеменной последовательности. Сначала сажали кукурузу, затем бобовые, американскую тыкву и дыни. Было три основных разновидностей кукурузы: жесткая, выращиваемая в основном на северо-западе и на Равнинах; мелкозернистая, характерная для юго-востока; и мучнистая, которую выращивали на юго-западе. Из других, более мелких разновидностей можно выделить сладкую кукурузу, воздушную кукурузу и кукурузу в стручках. Когда Колумб прибыл в Новый Свет, он обнаружил кукурузные поля протяженностью 29 км и привез семена кукурузы в Европу. Сейчас кукуруза является более важной мировой культурой, чем пшеница, уступая по объемам посева только рису и картофелю. Многие индейские племена выращивали более полудюжины видов кукурузы и такое же количество фасоли, тыквы и американской тыквы. Индейцы пауни, например, выращивали не менее десяти различных наименований зерновых.

Урожай кукурузы собирали в конце июня, перед самым началом второго охотничьего сезона. Ее доставляли в парфлешах, обжаривали или высушивали на солнце, а потом складывали в выкопанные глубоко в земле ямы-хранилища, которые тщательно закрывали землей и замаскировывали, чтобы их не нашли грабители или мародеры. Для того чтобы вырастить и собрать урожай кукурузы, тыквы, фасоли и других культур, требовался тяжелый труд от зари до зари. В лесных районах востока, покрытых густыми лесами, использовался другой метод земледелия. Деревья на определенной территории вырубались и сжигались; зола удобряла почву, и в этот удобренный слой высаживали семена. Когда почва истощалась, переходили на другой участок.

Было подсчитано, что североамериканские индейцы употребляли в пищу 1112 различных растений. Из них 86 были домашними, 58, в свою очередь, происходили из Мексики, включая маис, несколько разновидностей тыквы и американскую тыкву. Среди других культур, родиной которых является Новый Свет, помимо кукурузы и маиса, можно назвать картофель и сладкий картофель, маниоку (тапиоку), артишоки, все виды фасоли, за исключением крупносеменной, перец, помидоры, американскую тыкву, ананасы, гуаву, опунцию, или кактусовую (игольчатую) грушу, шоколад и ваниль, арахис и орехи кешью. Хлопок, каучук и сизаль, использовавшийся для производства канатов и веревок, также «родились» в Новом Свете, не говоря уже о табаке, который испанцы привезли в Европу в 1558 г. и который быстро распространился по всему миру.

С другой стороны, только одно из каждых двенадцати потребляемых индейцами в пищу растений было выращено ими самими. Большинство было «подарком» природы. Занимаясь собирательством в течение многих тысяч лет, индейцы знали практически обо всех корнях, листьях, видах коры, орехах и ягодах, которые можно было собрать на дикой природе и употребить в пищу. Когда индейские женщины не были заняты по дому, они занимались собирательством в лесах, лугах или пустынях, собирая дары природы при помощи палок-копалок, которыми разрывали землю, и палок-«шампуров», которыми поднимали плоды с земли; всю добычу они складывали в мешок за спиной. Если женщины не могли оставить поселение, они посылали собирать плоды и растения детей, хваля их, если они приносили полные корзины, и ругая, если те возвращались с пустыми руками.

Трудно перечислить все виды диких растений, которые собирали индейцы. Это различные корни и клубни, дикий рис, смородина, малина, клубника и земляника, дикая слива, ягоды бузины и сумаха, семена подсолнечника, многочисленные стручковые растения, юкка, агава и разнообразные виды кактуса. В Калифорнии, в районе Большого Бассейна и прилегающих плоскогорий активно использовали в пищу ящериц, змей, сверчков, цикад, саранчу, а также некоторые виды сочных и вкусных муравьев и гусениц. Особой популярностью пользовался дикий мед — единственная «сласть», известная древним

людям. Для того чтобы забраться на дерево, выкурить пчел и забрать сочащиеся медом соты, требовались немалые смелость и ловкость, а также готовность вытерпеть многочисленные болезненные укусы. Кленовый сироп и сахар также впервые были пушены в обиход именно американскими индейцами.

Хотелось бы специально отметить еще один важный пищевой продукт. Высказывалось предположение, что высокий уровень жизни индейцев тихоокеанского побережья мог быть обеспечен главным образом тем, что здесь росло много дубов, дававших обильное количество желудей, а желудевая мука была поистине универсальным продуктом в этом районе. Собранные горькие желуди подвергали специальной обработке: посредством помола и многократного прополаскивания в речной воде из них вымывалась дубильная кислота; такого же результата добивались и обработкой в горячей воде в специальной емкости. Из получавшейся в результате желудевой муки делали вкусные пряные пирожки, лепешки и очень питательную кашу. Таким же образом калифорнийские индейцы обрабатывали ядовитые плоды конского каштана, обжаривали их, потом взбивали, получая в результате очень вкусную кашу. При помощи вышеупомянутых операций получали не только продукты питания, но и сырье для производства мыла, шампуня, косметики и благовоний, а также другой необходимой в быту продукции.

У индейцев того времени был разнообразный и сбалансированный пищевой рацион, состоявший из мяса, фруктов и овощей самых различных видов. За исключением периода засухи, их организм получал достаточное количество жиров, белков и углеводов для того, чтобы выдержать тот напряженный и нелегкий образ жизни, который они вели. Им также не приходилось принимать пищу в сыром или неаппетитном виде, поскольку индейские женщины прекрасно готовили. Как свидетельствуют путешественники, испытавшие на себе индейское гостеприимство, угощение состояло из нескольких блюд: супа, мяса, пудинга и каких-нибудь деликатесов на сладкое.

При самом простом способе приготовления пищи использовалась выложенная камнями костровая яма или открытый огонь. Другой способ состоял в использовании различных больших сосудов из глины, дерева, камня, а также

корзин, сплетенных столь плотно, что в них наливали воду, в которую опускали раскаленные докрасна камни, чтобы нагреть воду для приготовления пищи. Позднее индейцы стали покупать у белых торговцев жестяные ведра и сковороды. В качестве посуды использовались различные чаши, миски и всякого рода приспособления для питья. Пищу брали при помощи керамических черпаков и половников, а также ложек из рога оленя и бизона. Трапеза проходила чинно, без спешки; вместе с тем в доме всегда были вяленое мясо, фрукты и жареная кукуруза на тот случай, если кто-то из мужчин или детей проголодался и хотел что-нибудь «перехватить» на скорую руку.

БРАКИ СЕМЬЯ

Если в повседневной жизни индейцев и мужчины и женщины должны были соблюдать определенные правила и предписания, то в таком серьезном вопросе, как вступление в брак и создание семьи, это требовалось тем более. Люди жили в сложном мире, в окружении дикой природы, щедрость которой была весьма переменчива. Поэтому каждый член сообщества должен был четко соблюдать свои обязанности и нести свою долю ответственности ради выживания всех его членов. Безответственность и фривольное отношение к жизни не допускались, никто не мог взять «паузу» или «каникулы» в выполнении своих обязанностей. Вся жизнедеятельность осуществлялась на основании четких правил и предписаний. Тщательно старались сохранить все полезное из прошлого, что могло пригодиться и сегодня. Жили сегодняшним днем, «здесь и сейчас»; каждодневные заботы не оставляли времени на то, чтобы думать даже о недалеком будущем, не говоря уже о таких вещах, как прогресс и эволюция. Необходимо было не упустить ничего из опыта предыдущих поколений, что позволяло в прошлом обеспечить успешную жизнедеятельность и безопасность племени и преодолевать подстерегавшие опасности. Если удалось установить в прошлом незримые связи со вселенной, благодаря которым можно было двигаться вперед, то следовало во что бы то ни стало сохранить эти связи, не нарушить их, поскольку от этого зависело выживание и успешная жизнедеятельность племени сегодня.

Поэтому считалось, что такие вопросы, как вступление в брак, не могут быть лишь частным делом тех лиц, которые к этому имеют непосредственное отношение. На первом месте всегда стояли вопросы обеспечения выживания и жизнедеятельности племени, а все внутриплеменные вопросы, в том числе и вступление в брак, рассматривались в первую очередь именно с этой точки зрения. Конечно, в вопросах брака присутствовала известная широта взглядов, поскольку, несмотря на вызванную условиями среды обитания необходимость довольно строгой регламентации жизни внутри сообщества, для индейцев всегда была характерна определенная терпимость. Людей, явно неподходящих друг другу, не принуждали к вступлению в брак. Более того, в ряде племен допускалось, что мужчина может быть женоподобным и соответственно не в состоянии выполнять те обязанности и нести ту ответственность, которые мужчина обязан выполнять в семье. Таким лицам мужского пола разрешалось носить женскую одежду и выполнять женскую работу. Большинство же мальчиков и девочек, достигших 13—14 лет, вступали в брак, который очень тщательно готовился. Необходимо было учесть вопросы, связанные с положением, занимаемым семьями жениха и невесты в племени, степенью родства между ними, а также наличием всякого рода табу и факторов, препятствующих заключению брака. Взаимные чувства жениха и невесты в расчет не принимались: нередко бывали случаи, когда очень молодой человек женился на гораздо более старшей женщине и наоборот; это делалось умышленно, чтобы один из партнеров мог воспользоваться жизненными знаниями и опытом другого.

Индийская семья была обычно моногамной, но у некоторых племен существовала практика многоженства. Это обычно имело место в тех сообществах, где мужчина был достаточно состоятельным, чтобы содержать несколько жен, либо же когда в ходе войны было захвачено много женщин-рабынь. Обычно полигамный брак сосуществовал одновременно с моногамным и был добровольным. Например, встречались случаи, когда мужчина был настолько доволен одной из своих жен, что просил и ее сестру стать членом их семьи, а для этого стать его женой; либо двоюродная сестра была настолько расположена к своему двоюродному брату, что просила его взять ее в жены. У некоторых племен

вторая жена считалась временной и должна была покинуть дом, когда находила себе мужа, у которого она считалась бы постоянной женой. Многоженство помогало женщинам не остаться в старых девах и избежать бесплодия, что очень порицалось у древних народов. С другой стороны, оно помогало избежать падения рождаемости и таким образом способствовало росту и развитию племени. Практика полиандрии, или многомужества, в Северной Америке практически не встречалась, хотя у эскимосов был обычай предлагать своих жен гостям для сексуальных развлечений. У некоторых шошонских племен женщина имела право вступать в интимную связь с другими мужчинами, когда муж был на охоте.

Иногда встречались такие формы брака, при которых в случае смерти мужа его место немедленно занимал родной или двоюродный брат; а в случае смерти жены — сестра или двоюродная сестра. Таким образом, в первом случае обеспечивалась забота о вдове и ее детях, а во втором — дети вдовца не оставались без присмотра. У эскимосов был обычай, что человек, убивший другого человека, должен был взять на себя заботу обо всех иждивенцах последнего. Процедура вступления в брак была иногда сугубо формальной и сопровождалась только обменом подарками, а иногда шумным пиром и увеселениями. Развод, в отличие от мусульманских правил, осуществлялся очень просто, без какой-либо процедуры; одной из сторон было достаточно всего лишь объявить об этом.

Может показаться, что существовавшие у индейцев порядки и правила в вопросах семьи и брака были холодными и бесчувственными, особенно по отношению к женщинам. Однако следует иметь в виду, что у большинства индейских племен мужчины не играли в них ведущей роли — ни в семье, ни в племени. На каждое племя с преобладающей ролью мужчин приходилось племя с аналогичным преобладанием женщины, причем последнее нередко встречалось у очень воинственных и агрессивных племен — в частности, среди участников Союза ирокезских племен. Вероятно, почти у половины индейских племен Северной Америки существовал матриархат, и линия родства считалась по материнской линии, как если бы мы сегодня брали отчество по имени матери, а не отца. Случалось, что женщине принадлежало все имущество и все пожитки в доме, как и само

жилище, будь то дом или типи. Они полностью переходили к ней как в случае смерти мужа, так и при разводе. Женщины навахо, например, всегда имели большие права на домашнее имущество по сравнению с мужчинами и были соответственно более богатыми и зажиточными. У них скапливалась вся выручка от продажи вытканых или шерстяных изделий, а их сыновья всю жизнь оставались «детьми своей матери», а не «своих родителей». У ирокезских племен, считавшихся самыми воинственными, женщины выбирали племенных вождей, а также отстраняли их от должности, если не были удовлетворены их деятельностью. Что касается развода, то женщины обладали такими же правами на него, как и мужчины. Женщина тоже могла дать супругу «от ворот поворот». Он мог вернуться с поля или с охоты и увидеть сложенные перед входом в жилище свое седло и личные вещи — в этом случае ему оставалось лишь взять их и вернуться в дом матери. Иногда женщина специально «доводила» мужа, провоцируя его на то, чтобы он ее избил, а затем использовала это как повод для развода.

В ряде сообществ жизнь была настолько сконцентрирована вокруг матери, что после свадьбы муж должен был в течение года или двух жить с женой в доме тещи. Короче говоря, хотя у женщины были ее собственные, весьма специфические, сложные и трудоемкие обязанности и сфера ответственности, это не означало, что она играла незначительную роль или находилась в унижительном положении, хотя встречались и племена, где женщина рассматривалась как рабыня или часть домашнего имущества. Пренебрежительное отношение к женщине выработалось в результате промышленной революции, поскольку поставило в приниженное и зависимое положение жен рабочих, а также не знающих, чем заняться, «скучающих» жен представителей среднего класса. Индейские женщины были избавлены от этого: им не приходилось ни терять своего достоинства, ни ощущать свою ненужность.

К индейской женщине дети порой чаще обращались за советом, чем к отцу. Иногда родственники жены — ее дяди — играли большую роль в воспитании, чем родной отец. Ребенок часто называл отцом дядю матери, таким образом, у него как бы было несколько отцов.

Процесс воспитания был организован таким образом, чтобы в нем активно участвовали и мать и отец и чтобы

ребенок получил от них как можно больше полезного, причем как можно быстрее. Детей начинали учить всякого рода необходимым вещам с того момента, как они уже умели ходить. Индейцы не могли допустить, чтобы дети не приносили никакой пользы до тех пор, пока вырастут. К детям с довольно раннего возраста начинали относиться как к взрослым, и к моменту достижения полового созревания они были уже достаточно сформировавшимися, чтобы вступить в брак. С самых ранних лет дети учились тому, что делали взрослые. Мальчики добывали рыбу при помощи маленьких острог и охотились с помощью такого же оружия, как у взрослых, только меньшего размера. Девочки помогали матери по дому, нянчились с младшими братиками и сестренками, помогали собирать орехи и ягоды. Вследствие того что к ним не относятся как к игрушкам или избалованным чадам, для детей индейцев характерно серьезное отношение к жизни и не по возрасту мудрые суждения, что оказывает сильное впечатление на общающихся с ними белых людей.

Индейцы снисходительно относились к детям в самом раннем возрасте, хотя отношение к незаконнорожденным детям было очень суровым, иногда их даже душили в колыбели. По достижении 3—4 лет начиналось очень строгое и суровое воспитание. В этом возрасте детям наносили татуировку при помощи костяных игл; они также обязаны были пройти через ряд испытаний, закаляющих тело и характер: прыгать зимой в ледяную воду, выдержать укусы муравьев и сороконожек, покрывать бегом многокилометровые расстояния под палящим солнцем с полным ртом воды, не имея права ее глотать. Ритуал полового созревания и посвящения в мужчины предусматривал выбивание зубов, прокалывание губ и ушей, надрезание ноздрей. Когда у девочек начинались менструации, их изолировали в отдельной хижине без воды, пищи и света. Такому же заточению женщины подвергались при беременности и родах.

Не вызывает сомнения, что широко распространенное использование переносных детских люлек оказало существенное воздействие на детей, которых в них носили. Детей жестко спеленывали и зачастую фиксировали определенное положение головы и ступней ног. Способствует ли помещение ребенка в подобное «прокрустово ложе», где он связан по рукам и ногам, выработке у него ощущения безопасности или как раз совсем наоборот, пусть решают пси-

хологи. Что же касается непосредственных физических последствий, то, как рассказал автору этой книги один врач, работавший в резервации навахо, расположенной в штате Нью-Мексико, он лично видел, что во многих случаях таковыми явились серьезные деформации скелета и изуродованные конечности. Некоторые племена использовали люльки, имевшие в верхней задней части «капюшон» со шнурком, который можно было соответствующим образом затянуть, чтобы изменить форму головы — как спереди, так и сзади. Чинуки и селиши, обитавшие на северо-западном побережье, а также плоскоголовые, обитавшие на Равнинах, изменяли расположение бровей таким образом, что они проходили по прямой линии через лоб и нос. Нам это может показаться чем-то невероятным, если не извращением, но одно время подобная практика имела распространение на американском континенте. В древние времена это делали люди культуры адена, жившие на территории нынешнего штата Огайо, а также строители маундов, обитавшие на территории Алабамы и Флориды. Изменение формы головы практиковалось в древней Мексике, а также у некоторых сообществ, расположенных южнее. Однако все говорит о том, что в своем подавляющем большинстве североамериканские индейцы с отвращением относились к столь грубому вмешательству в человеческую природу и не позволяли в своих сообществах ничего подобного.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ИНДЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ

Итак, индейцы основали свое поселение, поставили жилища, создав условия для повседневной жизни сообщества. А как они им управляли, когда находились не на охоте и не на войне?

Опять же следует помнить, что в рассматриваемый нами период в Северной Америке было около 600 индейских племен, говоривших на 300 языках, каждое из которых обладало индивидуальностью и самобытностью, и дать обобщающую картину, охватывающую все племена, так же невозможно, как дать единую картину, отражающую положение во всех племенах современной Африки. Даже в одном и том же районе распространения культуры жив-

шие бок о бок племена и даже отдельные части одного племени могли иметь абсолютно разное внутреннее устройство. Тем не менее можно сделать некоторые общие выводы, которые помогут лучше понять, как было устроено и как функционировало индейское общество.

За исключением некоторых племен лесной зоны востока, характеризовавшихся весьма жестким управлением, осуществлявшимся фактически узурпировавшим власть привилегированным сословием, система организации и управления большинства индейских племен Северной Америки отличалась демократизмом. Причем этот демократизм был характерен как для племен с довольно слабо оформленной внутренней организацией, например племен южной части Калифорнии и района Большого Бассейна, так и для тех племен, которые имели ярко выраженную, сложную внутреннюю организацию, каковыми, в частности, являлись племена района Великих Равнин. Важным фактором, своего рода «лакмусовой бумажкой», позволяющей судить о степени демократичности системы организации и управления того или иного племени, являются природа и характер власти вождя племени. Следует отметить, что, хотя в большинстве случаев вождь пользовался огромным авторитетом, а пост вождя считался исключительно почитаемым, вождь племени редко обладал диктаторскими полномочиями или действовал как диктатор. Пост вождя, как правило, не передавался по наследству; обычно вождь либо избирался, либо на этот пост отбирали представителя одного из уважаемых родов. Обычно вождь был не столько правителем, сколько руководителем, который умел убеждать и мог дать мудрый совет.

Конечно, встречались и исключения. В некоторых случаях вождь обладал полномочиями абсолютного монарха и единолично вершил судьбы людей, решая, кого казнить, а кого миловать. Наиболее ярким примером такого рода является Великое Солнце — вождь натчезов (натчей), которые являлись потомками тех, кто возвел Изумрудный маунд на берегах Миссисипи. По свидетельствам видевших его французских путешественников-исследователей, вождь натчезов правил с той же жестокостью и высокомерием, что и те императоры древней Мексики, при которых, под влиянием мексиканской культуры, в Северной Америке начали сооружать маунды. Его особа считалась

столь священной, что к нему запрещалось приближаться; желающий обратиться к вождю должен был пасть ниц и, не смея поднимать глаз, громко высказать свою просьбу. Он и его близкие родственники, которых называли Маленькое Солнце, безраздельно господствовали над более чем 4000 своих подданных, которые жили в девяти процветающих поселениях, расположенных на северной оконечности дельты Миссисипи. Великое Солнце жил во дворце, стоявшем на 3-метровом маунде, и, когда он покидал дворец, облаченный в одеяние, покрытое перьями и драгоценными камнями, его несли в золотом паланкине, чтобы он не осквернил своих ног прикосновением к земле. У криков во главе племени стоял *мико* — правитель или местный царек, слово которого являлось законом; вожди располагавшихся в восточных лесах племен моеган, майами и еще одного или двух алгонкинских племен постепенно, в течение нескольких веков, превратились в единоличных правителей.

Однако подобные случаи не были типичными. Конечно, среди вождей попадались своевольные и сумасбродные, но в большинстве своем это были серьезные и уважаемые люди, которых выбирали за их честность и порядочность, сочувствие и сострадательность, а также остроту ума и проницательность. У большинства племен было два вождя: гражданский, который руководил повседневной деятельностью по жизнеобеспечению племени и вершил правосудие, и военный. У осейджей, как, впрочем, и у ряда других племен, были «военные» и «гражданские» поселения. Те, кто жил в «военных» поселениях и обеспечивал военные интересы племени, питались мясом, в то время как жители «гражданских» поселений были вегетарианцами. Назначались ответственные за различные участки работы — в племени или в лагере, а также командиры отрядов. Наиболее крупные племена почти всегда были разделены на две половины, каждая из которых имела своего вождя, правда, один из них мог считаться более главным. В то же время во главе конфедерации племен обычно стоял верховный вождь. Своеобразная форма руководства существовала у Союза (Лиги) ирокезских племен: во главе конфедерации стоял совет сэчемов («уважаемых представителей»), состоявший из 50 вождей от пяти племен, являвшихся изначальными членами конфедерации. Члены

совета собирались для обсуждения вопросов, представлявших общий интерес, и для выработки согласованной линии действий. Вожди племен также редко принимали решение единолично, они обычно спрашивали совета у старейшин племени. Именно старейшины определяли меру наказания за убийство, супружескую измену, изнасилование, кражу, оскорбление, сквернословие и другие преступления и нарушения. Убийство считалось самым серьезным преступлением, за которое карали смертью либо самого убийцу, либо одного из его родственников-мужчин в том случае, если убийца находился в бегах. Супружеская измена также иногда каралась смертью; однако более распространенным видом наказания за него являлось отрезание губ, ушей, носа или кончика носа. Менее серьезные преступления и нарушения карались поркой, штрафами или расцарапыванием тела при помощи острых костей и шипов кактуса.

Однако безусловную и непоколебимую основу индейского сообщества представляли не вождь или совет племени — таковой являлась семья. Существовало общее, глубоко укоренившееся понимание, что семья является ядром и основой всей жизни. Причем в понятие «семья» индейцы вкладывали очень широкий и глубокий смысл. Если в наше время основой семьи считается брачный союз и главные роли в ней принадлежат матери и отцу, то индейцы считали основой семьи кровное родство, поэтому в ней важные, а порой и главенствующие роли играли самые различные родственники. Если мы вкладываем в такие понятия, как «мать», «отец», «брат», «сестра», «сын», «дядя», «тетя», весьма определенный и довольно узкий смысл, то индейцы их понимали гораздо более широко и глубоко. Внутри семьи существовала четкая система правил: что можно, а что нельзя. Все знали, как разрешается подшучивать друг над другом и разыгрывать друг друга, в какие шумные игры можно было играть в доме; система запретов строго предписывала, имена каких родственников нельзя произносить вслух, рядом с какими из них запрещалось принимать пищу, с кем из них можно общаться только через третьих лиц, кому из них другим запрещается смотреть прямо в глаза.

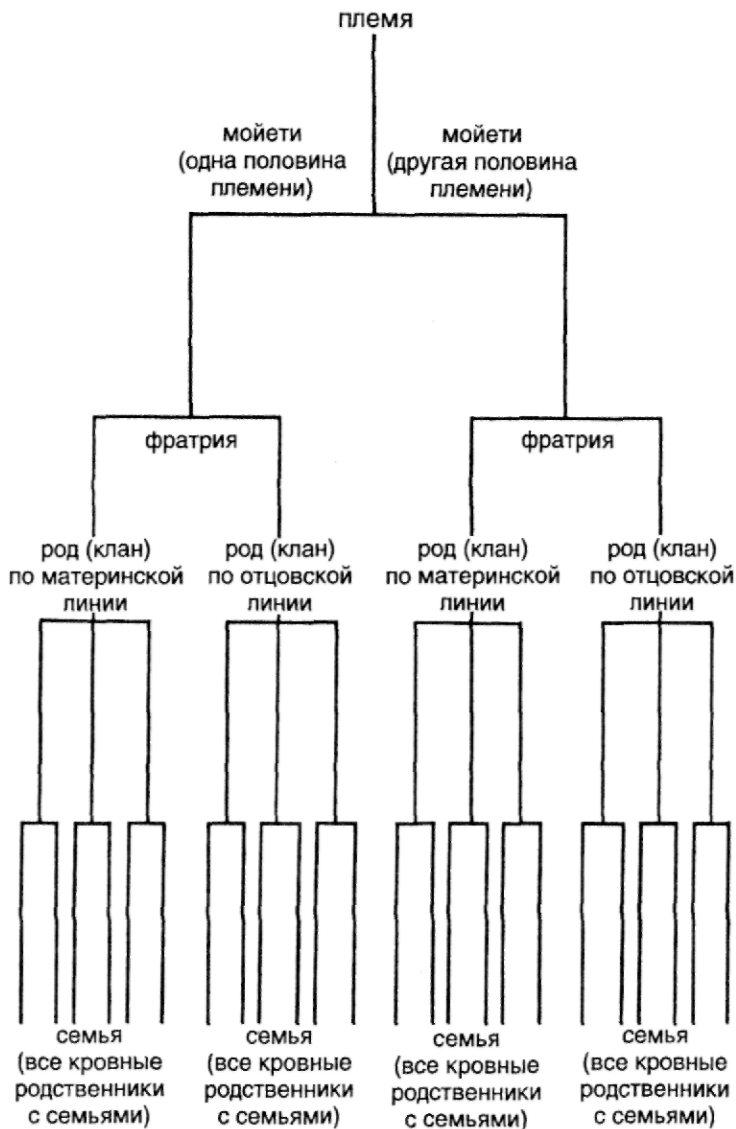
В ряде племен еще большее значение имели родовые (клановые) традиции. У бедных племен, которые едва мог-

ли обеспечить себе средства к существованию, такие традиции не были ярко выражены и не играли особой роли, но в зажиточных и сильных племенах, будь то охотничьи или земледельческие, родовая система была повсеместно развита и очень сильна. Любой индеец, независимо от пола, принадлежал к тому или иному роду по праву рождения. Род, со всеми его ответвлениями, учитывал кровное родство как по линии отца, так и по линии матери; поэтому выделяют как род по материнской линии, так и по отцовской (см. схему на с. 102). Общим правилом было давать роду звучное и броское имя. Так, среди имен 46 родов криков были следующие: Аллигатор, Стрела, Медведь, Бобр, Бизон, Тростник, Кукуруза, Олень, Рыба, Пантера, Соль, Испанцы, Ветер, Волк. Среди родовых имен осейджей встречались: Медведь, Рак, Олень, Марал, Пума. Некоторые кланы были союзниками, некоторые, наоборот, враждовали между собой. Роды объединяла либо какая-то совместная деятельность, либо же это были факторы мифологического или религиозного характера. Запрещались браки внутри одного рода, чтобы избежать кровосмешения, а также проблем, связанных со священным родовым символом — тотемом.

Вопреки распространенному мнению, родовой тотем (на языках алгонкинской языковой семьи он означает «брат») не был предметом поклонения. Он скорее рассматривался как дух-защитник, дух-покровитель, оберегающий род. Так, для рода Орла эта птица считалась защитником, наставником и духовным спутником; она считалась священной. Запрещалось убивать ее или есть ее мясо, носить ее перья, а возможно, даже прикасаться к ней или смотреть на нее. Она была главным героем родового мифа и считалась основоположником всего рода, его первым и главным прямым предком. Члены рода посвящали ей специальные ритуалы, во время которых они пели, плясали, изображали в пантомиме жизнь своего духовного покровителя, чтобы таким образом еще более усилить его мистическое могущество и сверхъестественные, непостижимые возможности.

Система табу распространялась не только на то, что было связано со священными символами. Она могла распространяться практически на любого человека. Многие из этих табу могут показаться причудливыми и странными

ДЖ.М. УАЙТ. ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ



Внутренняя структура племени

ми, хотя они всегда имели тот или иной практический смысл. Например, запрещалось разговаривать или прикасаться к определенной категории людей, в частности к женщинам во время менструаций, беременности и при родах. Возможны были и запреты на то, чтобы произносить вслух имена божеств или умерших людей. Могли существовать предписания избегать использовать определенные виды камня, металлов или других материалов либо употреблять в пищу определенные продукты, в особенности мясо тех или иных птиц и животных. У большинства племен женщинам и посторонним запрещалось прикасаться к оружию воина, поскольку, как считалось, в этом случае оно может потерять силу.

Часто различные роды создавали объединение, которое антропологи называют фратрия. Фратрии объединяли роды, разбросанные по различным поселениям, и являлись своего рода связующим звеном (причем не жестким, а весьма эластичным), дающим возможность членам племени осуществлять совместными усилиями те виды деятельности, которые были необходимы и полезны для всего племени. Объединенные фратрии образовывали главные структурные подразделения племени: одну и другую его половины, которые называют мойети¹.

Мойети включала в себя половину племени и возникла тогда, когда племя, независимо от степени развития родовой системы, разделилось на две половины, каждая со своим названием и традициями. Это произошло в результате объединения ряда фратрий, и, таким образом, две части сообщества, имевшие свое своеобразие и индивидуальность, каждая со своей оформленной структурой и полномочиями, сосуществовали вместе, находясь в состоянии известного соперничества, которое, правда, не носило враждебного характера. Большинство индейских

¹ Слово moiety представляет собой юридический термин для обозначения половины чего-либо (например, наследства и т. п.); в данном случае он не просто означает «пол-племени», как, скажем, «оббежал пол-города», но то, что племя состояло из двух частей, каждое из которых имело четко обозначенную структуру, т. е. носит не описательную, а совершенно конкретную смысловую нагрузку; в то же время в других случаях (не связанных с индейскими племенами) совершенно необязательно использовать его в английском звучании.

племен были разделены на мойети: у хайда эти половины назывались Вороны и Орлы; у луизено — Дикае Кошки и Койоты; у криков — Бледнолицые и *Чилоки*, или Говорящие на другом языке. У индейцев пуэбло юго-запада мойети не только сохранились и по сей день, но и продолжают успешно развиваться и функционировать довольно оригинальным способом. Одна мойети снабжает поселение всем необходимым в течение первой половины года, а другая — в течение второй. В некоторых поселениях пуэбло мойети называют Люди Лета и Люди Зимы; в других — Люди Тыквы («Тыквичи») и Люди Бирюзы; в последнем случае тыква ассоциируется с мягким, ласковым и теплым летом, а бирюза — с жесткой и холодной зимой.

В заключение несколько слов о классовом и кастовом делении. Каста, как известно, представляет собой замкнутую группу людей со своими жесткими правилами, члены которой считают себя обособленными от других людей и входящими в данную группу по праву рождения или по каким-то особым причинам политического, религиозного или профессионально-творческого характера. Касты не были характерны для индейских племен. Вожди, сэчемы, шаманы и жрецы редко самоизолировались от своих соплеменников, а находились с ними в живой взаимосвязи, выполняя попеременно несколько функций. Сэчем, или мудрец, мог также выполнять обязанности воина и охотника и быть искусным мастером ремесел. Между различными видами профессиональной деятельности редко существовала жесткая разграничительная линия. Демократическая атмосфера внутри индейского сообщества не способствовала и развитию классовых различий, не говоря уже о подавлении одной части общества другой, хотя классы не являются столь жесткой и замкнутой общественной группой, как касты, и границы между ними гораздо более подвижны и их легче «пересекать» и в ту и в другую сторону. В отличие от других древних обществ Америки, Африки и Азии у североамериканских индейцев не существовало деления на аристократов, торговцев, крестьян и рабов. В некоторых племенах использовали рабов, но это были пленные, а не члены племени. В разное время у некоторых племен, в частности у живших на северо-западе хайда, цимшиан и тлинкитов, можно было

наблюдать нечто похожее на классовое разделение; однако единственным ярким примером общества, в котором одна общественная группа откровенно подавляла другие, была довольно причудливая и своеобразная система, существовавшая у натчезов, о чем мы уже говорили ранее. У натчезов существовало ярко выраженное привилегированное сословие, в которое входил сам правитель — Великое Солнце, его мать — Белая Женщина и прямые наследники, которых называли Солнце или Досточтимые (Благородные). За ними следовало сословие Знатных или Знати, а в самом низу располагалось бесправное сословие, которых называли Смердящие. Если в древней Мексике было возможно «перемещение» из одной социальной группы в другую, то у натчезов действовал принцип, близкий к кастовому: если относишься к Смердящим — будешь в этом сословии всегда. У натчей существовала настоящая, причем очень жесткая классовая система.

В заключение нашего рассмотрения внутренней структуры индейского общества остановимся на очень в то время распространенных различных клубах по интересам или обществах, которые, конечно, не следует путать с кастами и классами. Существовало большое количество всякого рода обществ самых разных видов и направлений. Были общества и для мужчин, и для женщин, и для молодых, и для пожилых; причем были представлены самые разные направления деятельности; практически каждый член племени мог найти себе общество по возрасту и интересам. Некоторые были открытыми, а другие — закрытыми и секретными, как, например, зловещие подпольные общества, распространенные на северо-западном побережье. И мужчина и женщина могли быть членами нескольких обществ в зависимости от их направленности. В некоторых случаях одно общество могло охватывать представителей нескольких племен, например знаменитое военное общество «Лисы», действовавшее в районе Равнин; или не менее знаменитое общество Великих Шаманов, в которое входили оджибвеи, омахи и виннебаго. В последнем из упомянутых все правила строго соблюдались, а все записи заседаний общества велись на кусочках бересты. Черноногие и соседние с ними племена входили в общество Бешеных Псов, или Псов-Воинов; его членами были в основном молодые и полные энергии

воины, желавшие непременно каким-то образом отличаться и прославиться. Члены боевых обществ манданов называли себя Черные Рты и Быкобизоны.

Наиболее социально ориентированные общества были у оглала сиу — специальное Общество вождей, а также общества по военным, религиозным, медицинским вопросам, по вопросам охраны порядка внутри племени и др. Одним из самых известных шаманских обществ было существовавшее у ирокезских племен Общество магических масок, прием в которое был строго ограничен. Его члены носили самые разнообразные маски с изображением наводящих страх демонов и духов; эти маски вызывали ощущение чего-то рокового, непонятного, пугающего, дьявольски одержимого и демонического.

Но, как мы увидим из следующей главы, ирокезские племена, самые воинственные из индейских племен, в реальной жизни также вполне могут быть охарактеризованы как роковые, непонятные, пугающие и одержимые.

Глава 4

ВОИНЫ

Вслед за охотой и сельским хозяйством главным занятием индейцев-мужчин была война. Как и охота, война была для индейца страстью, захватывавшей его целиком. Желание сразить или взять в плен врага так же неотступно владело его мечтами и помыслами, как и желание сразить оленя или бизона и снять с них шкуру. Именно азарт действия, азарт преследования и соответствующие навыки, которые он приобретал в ходе этого, становясь все более искусным, усиливал его привязанность к войне, как и к охоте. В конце концов, противник — это тоже добыча.

Когда не велись активные боевые действия с соседними племенами, большинство индейцев находилось в состоянии напряженного ожидания и бдительно следило за тем, чтобы не подвергнуться неожиданному нападению. За исключением периодов песчаных и снежных бурь, а также проливных дождей, окружающая поселение территория постоянно осматривалась патрулями и дозорами; и в полях, и в поселениях неусыпно дежурили часовые и смотровые. Страх перед нападением врага, несущим смерть и разграбление, был постоянным фактором повседневной жизни индейцев.

Картина выглядит весьма мрачной. Но было одно важное обстоятельство, которое существенно снижало остроту проблемы. Несмотря на порой ужасающие последствия для их участников и имевшие место в ходе них жестокости и зверства, военные действия между индейцами носили весьма ограниченный характер. Это объяснялось причинами как социального, так и географического характера. Такой обширный континент, как Северная Америка, был заселен менее чем миллионом человек; плотность населения была высокой лишь в нескольких районах, большинство территории было заселено довольно

слабо, поэтому и столкновения между индейцами были нечастыми, так как различным племенам просто не приходилось «пересекаться» и сталкиваться друг с другом. Столкновения стали более частыми и более жестокими лишь в течение непродолжительного времени на заключительном этапе истории индейцев, и это было связано с появлением лошади. Однако и в этой ситуации, несмотря на то что лошадь дала агрессивным племенам больше возможностей проявлять свою воинственность, поскольку сделала их более мобильными, масштаб боевых действий между индейскими племенами был достаточно ограничен. Они никогда даже отдаленно не напоминали те войны, которые вели белые — и европейцы, и американцы. Если для белого человека было естественным выставить на поле боя армии в тысячи, сотни тысяч и миллионы человек, то для индейцев вообще не существовало такого понятия, как армия, и если на тропу войны выходил отряд в 300—400 воинов, то это уже считалось из ряда вон выходящим событием. Не далее как в 1914 г. армии «бледнолицых» шли друг на друга плотно сомкнутыми рядами, ошестинившимися ровной линией штыков, с развевающимися знаменами, под звук военных оркестров. В противоположность этому небольшой индейский отряд бесшумно продвигался в ночи как тень или призрак. Белый человек вел войну крупными сражениями, пытаясь подавить противника численностью и огневой мощью. Индейцам были чужды подобного рода крупные сражения; они в совершенстве владели искусством внезапных нападений по принципу «ударил — отошел», и лишь иногда им приходилось вступать в открытую рукопашную схватку. Белый человек имел тщательно разработанную военную доктрину и армию из хорошо подготовленных, профессионально обученных солдат. У индейцев не было стратегии; они поверхностно разбирались в тактике и вели боевые действия с точки зрения военной науки весьма примитивно. Целью белого человека было навязать противнику сражение на своих условиях, нанести ему максимальный урон в живой силе, а по возможности и полностью уничтожить, ценой пусть даже и очень больших потерь со своей стороны, если это потребуется. Индейцы очень редко уничтожали в ходе боевых действий более 20—40 противников; если это и происходило, то

лишь в силу стечения обстоятельств, а не преднамеренно. Потеря же пусть даже и одного своего воина уже считалась трагедией. Для белого человека честь и храбрость состояли в том, чтобы встретить врага лицом к лицу в открытом бою и не уступить ему ни пяди своей территории. Индейцы не считали позорным бегство с поля боя в случае, когда командир убит или ранен или когда сражение складывается неблагоприятно. Что же касается защиты своей территории, то индейцы не распространяли понятие «родная земля» на территорию, на которой они в настоящее время жили. Они пытались отстоять лишь ту территорию, на которой они охотились, или же расширить ее, захватив чужие «охотничьи угодья». Даже в том случае, если племя занималось сельским хозяйством, за исключением некоторых племен, ведших исключительно оседлый образ жизни, ему приходилось неоднократно переносить поселение на новое место, когда почва на старом месте истощалась, и оно считало естественным передвигаться туда, куда сочтет нужным. Не следует думать, что 600 индейских племен имели четко очерченную территорию и так же ревностно оберегали свои границы, как государства на территории Германии и Италии до их объединения. Большинство североамериканских индейцев все-таки вело в основном странствующий образ жизни по своей бескрайней земле.

В чем же была основная причина боевых стычек — а их нельзя назвать боевыми кампаниями — между индейцами? Здесь и индейцы, и белые схожи друг с другом; правда, если последние любят прикрывать истинные причины разговорами о бескорыстном выполнении долга и патриотизме, то у индейцев было принято называть вещи своими именами.

Главная причина — это, безусловно, захват добычи. Как и белые, индейцы желали овладеть богатством своих соседей. И если сосед ослабевал или притуплял бдительность, это служило сигналом к нападению. Если нападение индейцев на вражеский лагерь или поселение увенчивалось успехом, то данное место подвергалось полному разграблению; вся добыча собиралась самым тщательным образом и доставлялась в свой лагерь. Со временем самой ценной добычей стали лошади, поэтому многие индейцы держали лошадей рядом со своим жилищем или внутри

его. Конокрадство стало излюбленным занятием молодых индейцев, желавших прославиться и отличиться: ведь для того, чтобы проникнуть в глубь чужого лагеря, требовались безрассудная храбрость и завидная ловкость.

Конечно, были и другие причины, помимо чисто материальных, которые, составляя единый комплекс, оказывали соответствующее влияние на всю ситуацию. Самой важной из них является врожденная человеческая агрессивность. У индейцев подобная агрессивность была характерна не только для мужчин, но и для женщин. Они всячески одобряли и поддерживали набеги и военные вылазки, совершаемые мужчинами их племени, а когда нападению подвергалось их собственное поселение, брали в руки оружие и сражались столь же яростно и отважно, как и мужчины.

Рамки данной работы не позволяют углубленно рассмотреть основополагающие, глубинные причины человеческой агрессивности. Ограничимся некоторыми высказываниями З. Фрейда, которые, возможно, помогут эти причины понять. В своей работе «Цивилизация и ее пороки» Фрейд пишет: «Люди не являются добрыми, дружелюбными существами, жаждущими любви, которые только защищают себя, если подвергаются нападению; следует признать, что глубоко внутри человека, на уровне инстинктов, существует мощная склонность к агрессии и совершению агрессивных поступков, что является неотъемлемой частью человеческой природы... Склонность к агрессии является врожденным человеческим инстинктом, существующим независимо от воли и желания человека». В работе «Причины войны» он также отмечает: «Вряд ли нам удастся преодолеть агрессивные тенденции в развитии человечества, — и с сомнением добавляет: — Говорят, что в некоторых счастливых уголках земли природа щедро снабжает человека всем необходимым и люди живут там счастливой жизнью, в которой нет места агрессии и принуждению. Я не верю, что такое возможно; в любом случае мне хотелось бы иметь больше сведений об этих счастливых». Безусловно, среди индейцев Северной Америки Фрейд не обнаружил бы много таких «счастливых», хотя ряд племен отличался своим миролюбием и мирным образом жизни. Например, обитавшие на юго-западе хавасупаи в поисках мирной и безопасной жизни посели-

лись в самом глубоком и труднодоступном месте Гранд-Каньона. Поистине, радикальное решение!

Интересную мысль высказал Э. Старр в своей работе «Разрушительное начало в человеке». Он пишет:

«Для того чтобы понять, что представляет собой разрушительное начало в человеке, следует четко разграничить агрессивность, проявляемую в виде «активной со-зидательности» по обустройству среды обитания, что не только желательно, но и необходимо для выживания человеческого рода, и агрессивность, проявляемую в виде «враждебной разрушительности», которая фактически направлена *против* как выживания всего человеческого рода, так и самой среды, в которой живет человек».

Ниже мы приведем примеры тех индейских племен, которые были одержимы духом «враждебной разрушительности». Следует, однако, иметь в виду, что большинство североамериканских индейцев действовало на основе «здоровой» агрессивности, которая, по признанию самого Фрейда, является важной и ценной составляющей человеческой деятельности. Агрессивность была необходима во время охоты; военные действия также способствовали росту активности, сплоченности и уверенности в себе, поскольку востребовали именно эти качества. В значительной степени война для индейцев была в большей степени демонстрацией агрессивности, нежели проявлением настоящей агрессии. Это было своего рода состязанием, спортом, игрой, которую можно было прекратить, если правила начинали серьезно нарушаться и она в результате становилась чересчур жесткой. Жертв обычно было немного, а к пленным относились вполне лояльно. На северо-западе некоторые племена проводили довольно утонченные состязания, напомилавшие средневековые рыцарские турниры в Европе. Между племенами существовало молчаливое согласие не наносить друг другу чрезмерных потерь, и такие яростные, длительные сражения с огромным количеством жертв, как на Сомме, под Верденом, Роттердамом или под Сталинградом, были индейцам абсолютно неизвестны и чужды их мировоззрению.

У индейцев не существовало призыва или мобилизации. Каждый шел на войну добровольно, стремясь как получить свою часть добычи, так и прославить себя подвигами и таким образом поднять свой личный авторитет

среди соплеменников, что всегда происходило в случае победы. Без военных успехов и отличий юноша не мог стать полноценным мужчиной, а мужчина не мог рассчитывать занять более высокое и уважаемое положение в племени, рискуя на всю жизнь получить клеймо посредственности и презрительное отношение соплеменников. Именно военные заслуги позволяли ему добиться большего уважения и лучшего положения в сообществе: ведь именно во время войны он мог продемонстрировать доблесть и отвагу, силу, ловкость и смекалку, а также надежность.

Индейцы использовали практически любой повод и предлог для того, чтобы начать войну. Наиболее частым было нанесенное оскорбление или демонстративное неуважение; истинные или мнимые, они требовали отмщения, и начиналась война. Иногда к войне прибегали после озвученного видения, в котором отражалась воля богов, или для умиротворения духа погибшего воина. Поводом могла стать вспышка давней вражды. В то же время некоторые племена, совершенно не стесняясь, говорили, что идут на войну, поскольку получают от этого удовольствие. Рут Андерхилл, автор книги «Краснокожая Америка», приводит слова одного воина из племени чироков: «Мы не можем жить без войны. Как только мы заключаем мир с нынешним врагом, мы тут же начинаем искать нового, чтобы не расставаться с нашим любимым занятием».

Еще большей, чем у чироков, и выразившейся в более крайних формах была «привязанность к любимому занятию» у ирокезов. Их стремление к подавлению и господству над другими было настолько сильным, что они держали в страхе всех своих соседей, большинство из которых им удалось подчинить. В XVII в. они пытались подчинить родственные им племена гуронов и практически полностью их уничтожили. Они не оставили в живых ни одного индейца на берегах озера Гурон, совершали нападения на французов, укрепившихся в Монреале, почти полностью уничтожили всех, кто проживал в районе озера Эри и прилегающих районах, в том числе шушанков, делаваров, шауни и нантикоков. К 1700 г. они достигли такого могущества, что пытались создать союз из всех индейских племен, чтобы очистить от белых всю территорию Северной Америки.

В конце концов, в Лиге пяти ирокезских племен¹ возникли разногласия по вопросу о том, кого поддерживать: англичан или поднявших восстание американских колонистов. Те, кто стал на сторону англичан, начали творить такие зверства, которые напугали даже самих англичан, а Джордж Вашингтон, в самый критический момент Войны за независимость, вынужден был послать внушительную армию под командованием генерала Дж. Салливана в самый центр сосредоточения ирокезских поселений. Салливан сжег до дна 40 поселений, и влиянию ирокезов был положен конец раз и навсегда.

Ирокезы были единственными из индейских племен, ведших войну по заранее подготовленному плану. После окончания боевых действий они целенаправленно стремились закрепить успех посредством жесточайшего террора. Такая «расчетливость» была глубоко противна подавляющему большинству индейцев и не соответствовала ни их мировоззрению, ни их характеру. Однако, несмотря на всю свою приверженность войне, даже ирокезы не смогли приблизиться к тому настоящему фанатизму, который проявляли в этом вопросе представители другого знаменитого племени — команчей, которых называли «казаки равнин»².

Команчи были безраздельными хозяевами территории, охватывающей западную часть Техаса, запад Оклахомы, а также часть Канзаса и Нью-Мексико; они являлись признанными мастерами и знатоками ведения войны, которая была для них самоценна и являлась образом жизни и к которой они относились почти как к искусству. После 1750 г.

¹ Как уже отмечалось, изначально в Лигу входили пять племен; позднее к ним присоединились тускарора, специально для этого переселившиеся со своей территории, и лига стала называться Лига (Союз) шести племен.

² Это сравнение, приведенное Дж.М. Уайтом, явно неудачно и напоминает насаждаемую ассоциацию русских с водкой и балалайкой, поскольку произвольно выхватывает, да и то в искаженном виде, лишь один штрих из всей многоцветной палитры. Известно, что казаки в подавляющем большинстве вели оседлый образ жизни и обладали своеобразной и богатой культурой; они были «служивым сословием» и добросовестно несли государственную службу не из-за «фанатизма», а из чувства долга; их прекрасное владение оружием и высокое искусство джигитовки не имеет никакого отношения к «воинственному фанатизму».

команчи стали верховым племенем и обзавелись достаточным количеством лошадей, и тогда все не связанное с войной потеряло для них всякий смысл и интерес. Причем, как отмечает Т.Р. Ференбах в своем фундаментальном исследовании, посвященном команчам, у них не было материальных причин столь безоглядно и безоговорочно посвящать себя войне. Вот что он пишет по этому поводу:

«Команчи были богаты; они были настоящими нуворишами равнин и в то же время теми самыми, кого называют «ужасное дитя» в семействе. Их пристрастие к войне не было вызвано экономическими причинами. Они разводили достаточно лошадей для того, чтобы обеспечить себя всем необходимым за счет охоты на бизонов. Они продолжали набеги, поскольку у команчей сложилась четкая система ценностей и критериев авторитета мужчины среди соплеменников, жестко ориентированная на войну. Мужчина мог добиться уважения, только отличившись на войне, особенно если он сумел в ходе боя увлечь за собой остальных. Не случайно вожди команчей раздавали в виде подарков практически все доставшиеся им военные трофеи. У большинства вождей и так уже были сотни прекрасных лошадей, но им всегда хотелось еще больше уважения и авторитета. Даже если лагерь был доверху наполнен продовольствием и всем необходимым, мужчины продолжали бесцельно слоняться за его пределами в томительном ожидании, когда можно будет выступить в новый поход. Мужчины-команчи находились в постоянном «поиске войны»; лишь она наполняла жизнь каким-то смыслом и давала им возможность повысить авторитет и занять более высокое положение в своем сообществе».

В перерывах между войнами жизнь в лагере команчей изобиловала ссорами и потасовками между «обидчивыми, высокомерными и драчливыми воинами». Но гораздо более серьезным было следующее обстоятельство. Команчи, как и японские камикадзе, жили руководствуясь девизом: «Настоящий воин умирает молодым». Однако на этой почве у них развился безумный страх перед старением, причем до такой степени, что он перерос в ненависть к своим пожилым родственникам — даже к собственному отцу и дядям. Панически боясь постареть и вместе с этим потерять силу, ловкость, а также уважение и авторитет, они вымещали этот страх на пожилых людях: их лишали за-

служенных наград и почестей, отнимали принадлежащее им имущество и даже их женщин. Жить в сообществе, где заправляют бессовестные наглецы, для пожилых людей подчас становилось невыносимым; многие из них кончали с собой. Все это является совершенно вопиющим и неслыханным для подавляющего большинства индейских племен, где к пожилым людям относятся с величайшим уважением и почтением и внимательно прислушиваются к их мудрым советам.

Короче говоря, взгляды на войну и отношение к ней со стороны ирокезов и команчей были совершенно нехарактерными для подавляющего большинства индейских племен и противоречили как общему мировоззрению индейцев, так и их взглядам непосредственно на эту проблему.

ПОДГОТОВКА К ВОЕННОМУ ПОХОДУ

Независимо от их взглядов на войну в целом и отношение к ней, подготовка к военному походу была практически одинаковой у всех индейских племен.

Война считалась священным действием, и к ней нельзя было относиться поверхностно. Решение начать войну принималось военным советом; он же определял и время ее начала. Военный совет возглавлялся специально назначенным военным вождем или руководителем; как уже говорилось, обычно это был не начальник лагеря или гражданский вождь. Даже правитель натчезов Великое Солнце не возглавлял лично военные походы; на пост великого полководца он обычно назначал своего брата или дядю по материнской линии.

Когда были назначены командиры отрядов, руководитель военного совета объявлял о начале военной кампании. У ряда племен, в частности ирокезских и некоторых алгонкинских, было принято разрешать любому воину, пожелавшему это сделать, организовать и возглавить собственный отряд. Правда, такая практика особенно не поощрялась, поскольку действия такого отряда в отрыве от основных сил могли привести к путанице и принести вред вместо пользы.

После принятия решения о войне и объявления об этом посылали гонцов по всем поселениям племени, а также

военным лагерям, у кого они существовали, для сбора воинов. Иногда, как это было у криков, верховный вождь, вместе со своими помощниками, самолично объезжал поселения и, под аккомпанемент боевых песнопений и ударов в бубны и барабаны, приглашал добровольцев присоединиться к военным отрядам. Обычно военный отряд состоял из 30—40 человек; редко когда его численность была больше. Ведь человек не мог находиться одновременно и на войне, и на охоте; поэтому чрезмерное увлечение военными походами, если они не приносили соответствующей компенсации в виде трофеев и добычи, могло иметь тяжелые экономические последствия для племени. Также нельзя было «оголять» поселение: если в нем оставалось слишком мало воинов, это могло стать поводом для нападения на поселение со стороны другого племени, которое, в свою очередь, выжидало для этого подходящий момент.

Перед выходом в поход командиры отрядов занимались будничными вопросами, связанными с необходимыми приготовлениями; в лагере же в это время происходило настоящее «буйство» военных ритуалов и обрядов, чтобы в максимальной степени поднять и укрепить боевой дух воинов. Боевые общества доставали и выносили на всеобщее обозрение боевые связки и священные ящики-«ковчег»; исполнялись боевые песни и пляски; одни воины постились, а другие употребляли особую пищу, в частности мясо собак; «фаустовские», или «дионисийские», племена употребляли наркотические вещества или пили «черное зелье» — напиток, приготовленный из листьев остролиста, который употребляли с древних времен. Шумно прославляли прежние свершения и подвиги и предрекали еще более громкие и славные дела в ходе предстоящего похода. Осуществлялась церемония совместного выкуривания «трубки войны»: ее пускали по кругу воинов и каждый должен был сделать затяжку. Многие воины, подобно сегодняшним гонщикам и тореадорам, в ночь перед выходом в поход воздерживались от интимной жизни. В это время над всем вооружением воинов произносились заговоры и заклинания, а сами воины покрывали себя боевым раскрасом. Боевой раскрас и боевой костюм у каждого племени был свой, причем воин снаряжал и раскрашивал своего боевого коня с не меньшей тщательностью, чем самого себя. За боевым конем требо-

вался ежедневный полноценный уход; к нему относились как к члену семьи, а порой как к божеству. Ведь от ума и сообразительности коня, быстроты его ног зависела жизнь его хозяина. Коня выводили и тщательно снаряжали; украшали гирляндами бубенцов и колокольчиков; в хвост и в гриву вплетали ленты; шерсть натирали благоухающими травами.

Боевой раскрас и украшение воина и его коня имели целью не только оказание психологического воздействия на противника. Считалось, что это имеет магическую силу и оберегает воина и коня в бою, делая их неуязвимыми и даже невидимыми. Интересно отметить, что если воину перед походом являлось видение, что в этом походе он погибнет, то он имел право рассказать об этом видении публично и остаться в лагере, если пожелает, причем это никоим образом не задевало его чести и достоинства и не ставило под сомнение его мужество и храбрость. Считалось глупым не прислушиваться к предостережению богов. Более того, любой воин мог вернуться в лагерь, даже если отряд был уже на марше, если он имел предчувствие, что добрые предзнаменования, озвученные перед выходом из лагеря, неверны и он может погибнуть. Индейцы, за исключением команчей, вовсе не стремились погибнуть в бою. Ведь весь смысл войны состоял в том, чтобы завоевать в ходе нее авторитет и уважение соплеменников, а чтобы воспользоваться этим, необходимо было выжить.

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Вооружение индейцев было ярко украшено и сразу бросалось в глаза. У коренных жителей Америки к этому была врожденная страсть, и воин украшал как свой боевой наряд, так и оружие множеством перьев, лент и кисточек.

Его главным оружием был лук, искусство владения которым он оттачивал в ходе ежедневной охоты. Лук применялся всеми индейцами Северной Америки: он был либо небольшой, очень удобный в обращении, — им пользовались верховые воины, либо большой, выше человеческого роста, — такой лук был распространен среди многих племен, живших на территории Калифорнии.

Другим распространенным у всех племен видом боевого снаряжения был щит, на который наносились магические знаки и прикреплялись амулеты. Иногда его изготовляли из дерева, а ирокезские и алгонкинские племена предпочитали делать щиты из шкур животных. Круглые и овальные щиты индейцев Равнин, обтянутые несколькими слоями бизоньей шкуры с холки или грудной части животного, выдерживали пули, выпущенные из ружья белого человека. Рисунок наносился либо непосредственно на шкуру животного, либо на внешнее покрытие щита, делавшееся обычно из оленьей кожи или волокна. Часто воин не снимал покрытие из перьев, свисавших со щита, до того момента, как начнется бой, чтобы оставались закрытыми как можно дольше амулеты и магические знаки, изображенные на щите, иначе их сила могла улетучиться до начала боя. Щит считался настолько неотъемлемой частью мужчины, что во время похорон его неизменно клали рядом с его владельцем.

Все племена, независимо от того, были ли они конные или пешие, использовали также различные виды копья и дротики. Из других видов оружия, ведущих происхождение с древних времен, можно выделить различные виды топора, дубинки (булавы), кинжала и томагавка. Некоторые дубинки делали только из какого-то одного твердого материала, например из дерева или рога оленя; в восточных лесах дубинку использовали и в качестве метательного орудия, которое бросалось с огромной силой и точностью. Часто деревянный шар на конце дубинки обивали зубцами из кремня или зубами животных; позднее для этих же целей стали использовать гвозди и металлические шипы. Чироки прикрепляли к дубинкам ряды зубов хищной рыбы саргана, чтобы наносить противнику рваные раны, а северо-западные племена крепили к ударной поверхности дубинки куски китового уса. У индейцев района Равнин и прилегающих плоскогорий, а также у навахо ударная поверхность дубинки была выполнена из отшлифованного камня, который был прочно привязан или приклеен к рукоятке из дерева или шкур животных.

Что касается томагавка, то первоначально на языках алгонкинской языковой семьи это слово использовалось для обозначения боевой дубинки, но позднее стало применяться белыми поселенцами для обозначения сделан-

ного из металла оружия с острым рубящим краем. Это оружие было впервые изготовлено в то время, когда индейцы, жившие в районе Великих озер и атлантического побережья, начали приобретать у белого человека металл и изделия из него. Вскоре белые стали производить томагавки в Нью-Йорке, Монреале, Лондоне и Париже, чтобы обменивать их у индейцев на мех, пушнину и другие товары. Очевидно, томагавк в таком его виде изобрел какой-то белый поселенец по ассоциации с топором, который белые активно применяли. Он соединил в нем топор и курительную трубку: рабочий край с острым как бритва лезвием — от топора; рукоятка по форме напоминает индейскую трубку. Томагавк стал очень популярен и был неотъемлемой частью индейского парадного боевого наряда со знаками отличия у индейцев северо-востока. Именно белый человек также приучил индейцев пользоваться топорами больших размеров и металлическими кинжалами, которые индейцы охотно включили в свой боевой арсенал. Многие английские поселенцы были убиты и скальпированы ножом, на котором стояла печать «Сделано в Бирмингеме». В течение XVIII в. индейцы переняли у европейцев не только такие виды оружия, как ружья, ножи, топоры и сабли, но и военную форму, медали, эполеты и знаки отличия. В результате индейские вожди стали носить странную смесь из традиционной индейской одежды и европейской военной формы.

Те, кто считает индейцев-воинов полуголыми дикарями, будут немало удивлены, узнав, что многие индейские племена делали боевые доспехи, напоминающие доспехи японских самураев. Были ли изобретены эти доспехи самостоятельно, или же индейцев на это натолкнуло влияние англичан и испанцев, использовавших нагрудную броню в ходе колониальных войн того времени, — это другой вопрос. «Пять цивилизованных племен» юго-запада применяли нагрудные доспехи в виде пластин из тростника; подобного же рода доспехи носили ирокезские и алгонкинские племена. Индейцы, жившие в Канаде, а также на плоскогорьях северо-запада, накладывали деревянные планки на основу из кожи марала или шкур животных. Индейцы северо-запада, самые искусные мастера ремесел из всех североамериканских племен, помимо прекрасно сделанных нательных доспехов, делали еще и

шлемы. Эти великолепные как по замыслу, так и по исполнению шлемы были вполне достойными изделиями мастеров, делавших лучшие маски во всей Северной Америке. Некоторые из шлемов были выточены из цельного куска китового уса, а другие искусно выполнены в форме голов птиц и животных.

НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Итак, отряд был полностью готов к выходу из лагеря. Как правило, лагерь покидали ночью, под покровом темноты, хотя некоторые отряды выходили и днем. Все зависело от предзнаменований, а также от того, в какое время отряд покидал лагерь во время удачных прошлых походов.

Каждый воин имел при себе сухой паек, упакованный таким образом, чтобы он занимал как можно меньше места. В него входили кукуруза, обычная и сладкая, сушеная тыква, фасоль и несколько кусков сушеного мяса. Количество продуктов зависело от длительности похода. Обычно воины рассчитывали уложиться в несколько дней, но иногда такие походы растягивались на недели и даже месяцы. В этом случае приходилось обеспечивать себя пропитанием на чужой территории. Крики, например, идя в поход, брали с собой лишь пару горстей обжаренных зерен кукурузы.

Крики во время похода передвигались строем, бесшумно, как змея, строго следуя друг за другом, чтобы идущий сзади наступал на следы идущего впереди. Таким образом, разведчики противника вводились в заблуждение относительно численности отряда. Следует отдать должное четкой организации индейцев как во время охоты, так и во время военной кампании. Один из членов отряда назначался ответственным за весь маршрут следования. Слово этого опытного воина было законом. Он определял направление, расстояние дневного перехода, количество привалов и выбор места для ночевки. Он также внимательно следил за тем, чтобы никто не отставал и все строго соблюдали порядок движения.

Помимо ответственного за маршрут следования, отдельный воин специально назначался для того, чтобы нести священную шаманскую связку. Связка должна была всегда быть обращена лицом к противнику; она никогда не должна

была касаться земли; ночью ее вешали на специально поставленные опоры. Иногда отряд сопровождал жрец или шаман; если он обладал даром ясновидения, то он указывал путь через горы, леса и пустыни, а также определял местонахождение вражеского лагеря.

Многие отряды двигались только по ночам, а дневное время воины пережидали в укрытии. Когда отряд приближался к району, находящемуся в непосредственной близости к вражескому поселению, он останавливался и проводил тщательное изучение местности, на что могло уйти от одного до нескольких дней. Как мы с вами помним, индейское поселение представляло собой не группу хаотично разбросанных жилищ, а настоящую крепость, защищенную рвами, стеной и искусно выполненными укреплениями. Поэтому было необходимо тщательно изучить местность и обстановку перед тем, как предпринимать какие-то действия.

Разрабатывался план нападения, каждый воин получал четкое задание, и отряд, подобно сегодняшним коммандос, пытался подойти как можно ближе к вражескому объекту. Лучше всего было напасть неожиданно для противника: во время религиозной церемонии; когда женщины и дети вечером возвращались домой с полей или во время ужина. Предпочитались ночные нападения, проведенные после тщательной разведки, но особенно эффективными считались нападения на рассвете, когда противник был сонным, вялым и медлительным. По этой причине во многих поселениях в самые опасные часы непрерывно дежурили часовые.

Сама атака осуществлялась по простому принципу: как можно быстрее ударить и так же быстро отступить, если атака не удалась. Индейцы считали необходимым зря не рисковать жизнью и беречь личный состав для выполнения последующих задач, поэтому считали лобовую атаку неприемлемой. Лучшей тактикой были быстрота и неожиданность. Как охарактеризовал ирокезов один француз, «они подкрадываются, как лисы, дерутся, как львы, и исчезают, как птицы». Именно из-за применения этой неуловимой тактики по принципу «ударил — отошел» первые белые поселенцы и солдаты колониальных войск обвиняли индейцев в трусости и нежелании сражаться лицом к лицу, как было принято у белых. Но у индейцев был просто свой подход к ведению боевых действий. Они пытались сломить сопротивление противника одним неожиданным ударом, а

если не получится, то нанести ему максимальный урон перед тем, как быстро отступить. Если нападение отражалось или оказываемое сопротивление было слишком упорным, не было смысла терять время. Жители поселения обычно превосходили нападавших по численности, и, если им удавалось оправиться от первоначального шока, вызванного неожиданной атакой, они могли быстро и эффективно нанести ответный удар. Поэтому после неудачной атаки отряд, чтобы запутать преследователей, отступал несколькими группами, которые позднее должны были встретиться в условленном месте. Одним из тех немногих племен, которые сражались «в открытом бою лицом к лицу», были фанатично воинственные команчи. Именно поэтому их выделяли сначала французы, а потом американцы: такая тактика им была понятна и привычна. По этой же причине они презрительно отзывались о соседях команчей — апачах, которые придерживались традиционной индейской «змеиной» тактики: ударил и исчез и с которыми, соответственно, было труднее воевать. В случае отражения атаки отряд осыпал преследователей градом стрел, в том числе зажженных, чтобы поджечь жилища в поселении, после чего быстро растворялся.

С появлением лошади и огнестрельного оружия индейцы, в известном смысле, не устояли перед искушением отказаться от своей традиционной, проверенной временем тактики ведения войны. Использование лошади перевернуло жизнь и мировоззрение многих индейцев: на смену традиционной осторожности и осмотрительности пришли нехарактерные для них бесшабашность и безрассудство. В моду вошли массивные, плохо подготовленные кавалерийские атаки. Однако в любом случае конному воину было очень трудно незаметно подобраться к противнику: лошади — крупные и шумные животные, выдающие себя ржанием, топотом, храпом и фырканьем; к тому же они бывают пугливы и от испуга громко ржут, шарахаются в сторону и встают на дыбы. Даже если обмотать их копыта мягкой кожей и прикрыть рукой ноздри, все равно невозможно добиться, чтобы они вели себя тихо. Открытая лобовая конная атака, к которой стали прибегать индейцы, иногда могла принести успех, как это случилось, например, в сражении у реки Литтл-Бигхорн; однако постоянное использование подобной тактики про-

тив подготовленного, хладнокровного, хорошо окопавшегося противника слишком часто приводило к почти полному уничтожению атакующих. Индейцам, будь то в пешем или конном строю, лучше всего удавались отдельные неожиданные нападения и операции по отсечению сил противника, проводимые мобильными небольшими отрядами. В течение жизни одного или двух поколений индейцы достигали высочайшего мастерства в конном бою. Белые кавалеристы вынуждены были признать (что явно задевало их за живое) превосходство индейцев в этом компоненте боя. Индеец и его конь казались одним целым; они выделяли виртуозные движения, остановки и повороты с быстротой молнии. Индейские воины могли перебрасывать тело с одного бока лошади на другой, удерживая себя одними ногами, стреляя при этом по врагу из лука из-под шеи лошади; могли держаться лишь на одном боку лошади, чтобы уменьшить площадь обстрела при отступлении; могли вести огонь, постоянно вращаясь в седле, практически из любой позиции, в том числе находясь лицом к хвосту лошади; при неудачно складывающемся сражении и отступлении они на бешеном скаку успевали насыпать порох, зарядить ружья и при этом подхватывали с земли раненого товарища. Однако индейцы не смогли воспользоваться своей прекрасной подготовкой и атлетизмом, когда в силу самоуверенности либо же просто от отчаяния стали воевать с американской пехотой и кавалерией на их условиях, вместо того чтобы стремиться использовать именно ту тактику, которая им подходила наилучшим образом, и они могли проявить все свои самые сильные стороны и качества.

Остановимся в заключение еще на одном аспекте поведения индейцев в ходе войны. У них существовала весьма интригующая и необычная практика «подсчета «ку». «Ку» по-французски означает «удар»; в данном случае это означало своего рода «очко» или «балл» за доблесть, что еще раз показывает, что игровой компонент был для индейцев очень важной частью всех их военных операций.

Когда воины равнинных племен — дакоты, кроу, пауни, шайены, арапахо или кайовы — шли в бой, помимо обычного набора оружия они брали с собой «жезл для ку». Он представлял собой длинный деревянный шест, длиной 2,5—4,5 м, с закругленным верхним концом; нижний же

конец был заострен, чтобы шест можно было втыкать в землю. Он был тщательно обернут по всей длине кожей или мехом, и к нему были прикреплены связки из перьев. Воин, конный или пеший, должен был приблизиться в ходе боя к противнику и коснуться его концом «жезла», за что он получал «очки», которые учитывались и высоко ценились тем обществом, к которому воин принадлежал. Считалось более доблестным и храбрым сблизиться с противником и поразить его в ближнем бою, чем с большого расстояния. Поэтому, как ни странно это звучит, сразив врага из лука с расстояния 45 м, воин очков за это не получал; в то же время он набирал максимальное количество очков, если ему удавалось дотронуться до противника, а тем более сразить его «жезлом для «ку».

Некоторые воины, чтобы подчеркнуть свою доблесть, шли в бой, взяв с собой лишь «жезл для «ку» — наподобие того, как офицеры британской армии старых времен прогуливались перед противником с бамбуковой тростью. Военные общества Равнин, такие как Лисьята или Бешеные Псы, специально собирались вместе и решали, какое количество баллов и за что следует присуждать. За касание или поражение противника «жезлом» начислялось 4 очка; меньше очков начислялось за действия, которые считались менее доблестными. Подсчет «ку» велся во время смертельной яростной схватки, бывшей обычно кульминацией боевой операции индейцев, и выявлял тех, кто проявлял особые мужество и доблесть, что напоминало поединки между крестоносцами и сарацинами во времена Крестовых походов.

СПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Как мы уже отмечали, военные действия индейцев содержали в себе и то, что мы можем назвать определенным «игровым моментом». Крики, например, называли спортивные состязания «младшим братом войны» и считали их очень полезными для молодых индейцев в плане подготовки из них настоящих воинов. Индейцы Северной Америки придавали спортивным состязаниям не меньшее значение, чем войне, и перед тем, как посмотреть, что происходило после завершения военного похода, мы сле-

лаем небольшое отступление и познакомимся с основными видами спортивных состязаний, которые были распространены среди североамериканских индейцев.

Дети индейцев привыкали к играм с детства — в этом смысле они не отличались от детей белых. Они делали плетеные плетки, играли в волчок, крутили обруч, играли в мяч, бросали метательные кольца. Было также множество домашних игр, способствовавших развитию умственных способностей и наблюдательности, в частности шашки и кости (их делали либо из дерева, либо из кости). Женщины также порой увлекались игрой в кости, что настораживало мужчин, поскольку, увлекаясь игрой, женщины забывали о работе по дому и в поле.

Некоторые виды спорта были вполне традиционными. Это соревнования по бегу, скачки на лошадях, соревнования по гребле на каноэ, а также по плаванию. Кстати, именно индейцы, ежедневно плававшие в водах великих американских рек, изобрели такой стиль плавания, как кроль (когда два американских индейца завоевали медали на олимпийских соревнованиях по плаванию вольным стилем в конце XIX в., применив кроль, их соперники открыто выражали свое негодование, считая, что индейские пловцы победили «нечестно»). Индейцы также очень любили состязания по стрельбе из лука.

Некоторые наиболее жесткие виды спортивных состязаний действительно можно было назвать «младшими братьями войны». К ним относились футбол, в который играли с таким же яростным энтузиазмом, как и в средневековой Англии; *шинни*, или хоккей, где применялись изогнутая клюшка и маленький мячик, а также игра, являющаяся индейским изобретением, — *лакросс*¹.

По концам поля устанавливались высокие и широкие ворота, в которые нужно было забить мяч из оленьей кожи при помощи ракеток с натяжением из веревок или сухожилий. В каждой из двух команд зачастую было по несколько сот человек из различных племен, мойети или кланов. Одна команда была выкрашена темным цветом, другая — светлым. Игра сопровождалась громкими кри-

¹ Л а к р о с с — своего рода гибрид регби и тенниса; что касается футбола, то речь идет, естественно, об игре, лишь напоминавшей современный футбол.

ками, многочисленными потасовками, порой переходящими в настоящую «мясорубку», в результате которой многие оказывались с проломленными черепами.

В восточных районах было популярно охотничье состязание — «чанки», известное еще со времен древних охотников. Со склона вниз пускали круглый камень, и каждый участник должен был метнуть копьё в то место, где, по его оценке, камень должен остановиться. Выигрывал тот, чье копьё оказывалось ближе к остановившемуся камню. Ирокезы внесли в игру небольшое изменение: вместо камня, вниз пускался полый деревянный шар, в который нужно было попасть копьем, пока он находился в движении. Довольно простая мысль, но в то же время очень хорошая тренировка на меткость для воинов и охотников.

Самая сложная и необычная из всех спортивных игр, в которые играли индейцы, была распространена на юго-западе, причем в нее уже почти не играли, когда здесь впервые появились испанцы. В таких местах, как Каса-Гранде, столице людей культуры *хохокам* и *саладо*, и Вупатки¹, являвшемся центром родственной им культура *синагуа*, древними племенами юго-запада были построены просторные площадки для игры в мяч. Они изобрели свою разновидность той игры, которая была распространена у родственных им народов более южных районов во времена существовавших там великих цивилизаций и которая там имела глубокий религиозный смысл. Выполненные из глины площадки в Аризоне не могут, конечно, сравниться с сооружениями майя и тольтеков в Чичен-Ице или сапотеков в Монте-Альбане, которые своими размерами напоминают сегодняшние стадионы. С другой стороны, представляется маловероятным, чтобы миролюбивые жители юго-запада играли по тем же правилам, что и в древней Мексике, где игра сопровождалась смертельным исходом. Игра там состояла в следующем. Высоко на стене было закреплено каменное кольцо, в которое нужно было послать каучуковый мяч, причем при помощи лишь колен и бедер. Игроки были защищены щитками, как в американском футболе. Когда игра заканчивалась,

¹ Сейчас памятник природы в штате Аризона.

начинались казни. Одни считали, что казнить нужно проигравших, другие — наоборот, поскольку казнь победителей была бы жертвой, приятной и угодной богам. К счастью для спортсменов юго-запада, они принадлежали к племенам, являвшимся одними из самых кротких и миролюбивых на территории Северной Америки, и до смертной казни дело не доходило.

УЧАСТЬ ПЛЕННЫХ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ВОЕННОГО ПОХОДА

Теперь мы должны перейти к весьма мрачной теме. Как бы горько и неприятно это ни было, мы должны ее рассмотреть. Речь пойдет о том, что происходило после окончания военных действий.

Как мы уже говорили, большинство военных операций индейцев были ограниченными по масштабу; они представляли собой своего рода серию укулов, и лишь изредка ставилась задача полного уничтожения противника. Средний индеец был вполне удовлетворен небольшими стычками, в ходе которых он мог проявить себя и воспользоваться плодами этого; он не стремился к крупномасштабным сражениям и длительной военной кампании. Для последнего требовалось много людей, средств и оружия, которых у большинства племен не было. Лишь некоторые племена могли себе позволить роскошь вести крупномасштабные военные кампании. В то же время почти каждое племя могло похвастать хотя бы одной полномасштабной и громкой победой над одним из своих основных противников. Также следует иметь в виду, что далеко не все племена были миролюбивыми и жили по принципу «живи и давай жить другим». Некоторые отличались воинственными и агрессивными наклонностями и никак не вписывались в порой создаваемый образ индейца как «благородного дикаря, обитавшего на райской земле». Некоторые индейские племена творили просто ужасающие зверства после победы над противником и захвата его поселения. Никаких правил или договоров относительно того, как относиться к побежденным, не было; грабежи, изнасилования и массовые убийства были в порядке ве-

щей. Воины победившей стороны становились буквально обезумевшими. Удовлетворив среди пылающих жилищ свои животные инстинкты, победители приступали к снятию скальпов. Эта процедура была распространена практически повсеместно: на голове делался надрез, после чего волосы выдирались вместе с кожей. Некоторые калифорнийские племена вместо снятия скальпа отрезали голову; на юго-востоке отрезали руку или ногу. Индейцы западных плоскогорий просто срезали волосы; другие удовлетворялись захваченными у врага одеждой и оружием. Тем не менее практически все воинственные племена снимали скальпы и хранили их. На юго-востоке считалось особой доблестью добыть скальп женщины, поскольку для этого нужно было проникнуть в самый центр вражеского лагеря. Снятый скальп тщательно высушивали и помещали на особо украшенное специальное приспособление. В конце концов его вешали на специальный шест; либо же он хранился в доме самого воина, либо в святилище; воин мог также украсить им своего коня, боевую дубинку, отдать помощнику или передать в военное общество, членом которого он состоял.

Фактически каждое племя брало пленных; кто-то брал в плен только мужчин, кто-то — только женщин. Лишь немногие племена, подобно индейцам санпойл из района западных плоскогорий, считали унижительным и недопустимым лишать людей свободы. К счастью, к пленным женщинам и детям почти везде относились хорошо. Они достаточно безболезненно приживались в семье или роде захватившего их в плен воина. Индейский воин был жесток и безжалостен лишь в самый первый момент после победы, находясь в состоянии сильного возбуждения; позже, успокоившись и поостыв, он был гораздо более терпимым и рассудительным. К тому же вследствие отсутствия деления на классы и касты он не считал никого ниже и «недостойнее» по социальному положению по сравнению с самим собой. Часто пленники так привыкали к жизни на новом месте, что не хотели возвращаться домой, даже когда предоставлялась такая возможность. Это относилось даже и к попавшим в плен белым. Ниже мы приводим интересное свидетельство о том, как индейцы возвращали пленных американцев, которых их вынудили вернуть.

«Они доставили своих обожаемых пленников и передали их начальнику американского военного лагеря с величайшим сожалением, проливая над ними потоки слез и скорбя о предстоящей разлуке. Все время пребывания в американском лагере они старались окружить их тем же вниманием и заботой, как и тогда, когда они находились в индейских семьях. Их навещали каждый день, предлагая кукурузу, шкуры, лошадей и все, что могло бы быть им полезным. Когда же американцы снялись с лагеря, несколько индейцев взяли разрешение на временное отсутствие в племени, чтобы сопровождать бывших пленников и заботиться о них в пути, охотиться и снабжать их продовольствием. Дети, которые попали к индейцам в раннем детстве и фактически росли в племени, не выказывали каких-либо признаков радости по поводу предстоящего воссоединения с родителями или родственниками. Были случаи, когда даже некоторые взрослые пленные не хотели возвращаться назад. Индейцам пришлось связать некоторых пленных и доставить в американский лагерь; некоторые бывшие пленницы впоследствии бежали и вернулись в индейское поселение. Те же, кто знал, что бежать не смогут, не могли оторваться от индейцев при прощании и потом в течение многих дней горько оплакивали разлуку».

Следует отметить, что пленных брали не только индейцы. Так, одно время не менее 6000 навахо и апачей находились в плену у англичан и мексиканцев, которые, согласно источнику, датируемому XIX в., высоко ценили индейцев за их «покладистость, ум, светлый цвет кожи, а также чувственность и сладострастность их женщин».

Можно сказать, что воинам, проигравшим сражение, погибшим в бою и скальпированным, повезло по сравнению с теми, кто попал в плен. Участь последних была незавидной. Уже по пути в лагерь победителей они подвергались побоям и унижениям. Ирокезы, например, брали в поход специальные кожаные ремни, чтобы связывать ими пленных; во время каждого привала по пути домой пленных избивали. По возвращении отряда все жители ирокезского поселения выстраивались с дубинками у входа в поселение и пленников прогоняли сквозь строй. Затем часть пленных распределяли среди семей

воинов, погибших в этом походе. Судьбу остальных решали женщины поселения, которые указывали, кого казнить, а кого оставить в живых. Казнь была долгой и мучительной. Пленным наносили порезы шипами; вырывали куски мяса раскаленным железом и съедали у них на глазах. Главными палачами были женщины, которые не только сами мучили пленных, но и подталкивали к этому детей. Пленных подвергали пыткам и издевательствам в течение нескольких дней; если человек терял сознание от боли, его снова приводили в чувство. Когда все было кончено, ирокезские воины съедали сердца умерших, а различные части тела отдавали соплеменникам. Крики, как и ирокезы, считали, что, съедая сердце умершего человека, они забирают его силу; их женщины также принимали участие в пытках и издевательствах над пленными.

Может вызвать недоумение, что осейджи, которые в других вопросах вели себя вполне цивилизованно, подвергали пленных самым ужасным испытаниям; в то же время не кажется удивительным, что у их соседей — натчезов, управляемых высокомерным и жестоким сословием, пленных заставляли плясать несколько дней и ночей перед храмом правителя Великое Солнце, а затем привязывали к столбу и сжигали заживо. Увы, до создания Красного Креста и подписания Женевской конвенции неподобающее, а то и прямо бесчеловечное отношение к пленным было в порядке вещей. Практически при всех древних цивилизациях, включая те, которые считались самыми просвещенными и высококультурными, пленных не считали за людей. Однако никто из индейцев не издевался над побежденными с таким жестоким и отвратительным наслаждением, как апачи и команчи. Апачи, единственные, следует подчеркнуть, из племен юго-запада, занимались такими вещами, как кастрация живых и мертвых; привязывание на муравейник; сдирание кожи с живого человека; распятие при помощи шипов кактуса; подвешивание вниз головой над огнем, а также привязывание к кактусу в качестве мишени для поражения стрелами. Что касается команчей, то те сначала убивали детей, потом насиловали женщин, после чего либо сажали их на кол, либо бросали посреди пустыни, перерезав ахиллово сухожилие. Затем они приступали к уничтоже-

нию пленников-мужчин: убивали медленно и методично, лишая тело жизни сантиметр за сантиметром.

Возвращение отряда из похода в родное поселение также представляло собой определенную процедуру, как и отбытие. Если поход был успешным, то воины триумфально входили в поселение; в случае неудачи или чрезмерных потерь, они долго бродили вокруг поселения, прежде чем решиться тихо и незаметно в него войти.

Если была одержана победа и потери составляли несколько человек, то сначала в течение трех-четырех дней соблюдался траур по погибшим, а затем уже начинали праздновать победу. Однако в случае полного и безоговорочного успеха, который можно было считать настоящим триумфом, праздновать начинали сразу же; в этом диком и необузданном веселье принимало участие все поселение: люди пировали, пили, пели и плясали до полного изнеможения. Затем награждали победителей. Раздавались особые знаки отличия, и наносились почетные татуировки, объявлялось о повышениях и присвоении более высоких рангов, как по линии военной организации племени, так и внутри военных обществ. Происходило распределение добычи и трофеев, а руководитель успешного военного похода одаривал из своей доли особо отличившихся воинов и давал им части своей одежды, чтобы они включили их в свою священную связку. С другой стороны, если кампания закончилась поражением или сложилась неудачно, ее руководитель мог быть отдан под трибунал, получить предупреждение, понижен в должности или даже казнен; последняя мера применялась у осейджей.

Теперь было целесообразно заключить мир, и в лагерь противника направляли специальных посланников, снабженных охранным свидетельством, которые должны были передать врагу приглашение прислать парламентариев для заключения мира на приемлемых для сторон условиях. По окончании переговоров заключался мирный договор, который скреплялся раскуриванием племенной трубки мира; она наряду с трубкой войны входила в состав личных знаков отличия верховного вождя племени. Использование личной трубки вождя считалось одновременно и гарантией, и знаком искренности и доброй воли как со стороны вождя, так и всего племени.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ИНДЕЙЦЕВ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Нам практически ничего не известно о том, как воевали индейцы, а также о ком-либо из их воинов и военачальников до появления в Америке европейцев. Поскольку у индейцев не было письменности, то не сохранилось никаких письменных источников и свидетельств по этим вопросам. Однако от начала XVII в. и далее, в течение последующих 250 лет борьбы индейцев за свою свободу и независимость, английские, испанские, французские, а затем и американские источники предоставляют обильную информацию о вождях и военачальниках индейских племен, сражавшихся как на стороне белых колонистов, так и против них, причем и тех и других было примерно поровну. Многие индейские вожди, став союзниками одной из колониальных держав и заручившись ее поддержкой, пытались таким образом предотвратить развитие событий в бедственном для индейцев направлении.

В последней главе книги, где будет вкратце изложена хроника основных событий периода упадка и конца независимого существования коренных жителей Америки, мы расскажем о многих выдающихся индейцах той печальной эпохи. Здесь же ограничимся упоминанием трех основных этапов развития индейского военного искусства в течение рассматриваемого нами периода. На первом этапе колониального периода индейцы казались довольно примитивными разукрашенными пешими воинами, которые в основном нападали на жилища и поселения первых европейских поселенцев в восточных районах атлантического побережья. На втором этапе театр военных действий расширился и стал охватывать районы лесов, озер и болот востока и юго-востока. На этом этапе индейцы являются как союзниками, так и противниками колониальных держав; они начинают овладевать и пытаться применять военную тактику европейцев; европейцы же, в свою очередь, начинают использовать приемы индейской тактики, и это помогает им обеспечить контроль за всеми восточными районами. На третьем, заключительном этапе индейцы, обладая лошадьми и огнестрельным оружием и потеряв всякие иллюзии относительно истинных целей и намерений белого человека, ведут оже-

сточенную, но обреченную на поражение борьбу на территории равнинных районов центральной части континента.

Для того чтобы победить индейцев, белым пришлось научиться применять их приемы военных действий, сочетая со своими. Если бы индейцы столь же быстро смогли творчески осмыслить приемы и тактику белых и применять их, не отказываясь от своей традиционной тактики, то борьба могла бы затянуться. Белые люди лучше приспособлялись к ситуации, они обладали большей дисциплинированностью и огневой мощью. Европейские солдаты прошли хорошую военную школу и имели солидную базу теоретической подготовки. Эта борьба напоминала борьбу храбрых, но плохо обученных кельтов под началом Верцингеторига против отлично подготовленных, представлявших собой мощный монолит легионов Рима¹.

Это был своего рода поединок любителя с профессионалом. Любитель может провести несколько успешных атак в начальных раундах, но в конце концов вынужден будет уступить выдержке и хладнокровному мастерству профессионала.

Белый человек, уже закрепившийся на континенте, имел слишком много преимуществ. У него было лучшее оружие, и он хорошо умел им пользоваться. Он намного лучше знал военное дело. Он, наконец, обладал более высокими навыками в таких важнейших областях, как транспорт, коммуникации и инженерное дело. Со временем он получил и превосходство в живой силе. Что еще важнее, у него был более высокий боевой дух, который рассматривается специалистами военного дела как решающий фактор, определяющий успех. За исключением начального периода появления европейцев, индейцам все время приходилось обороняться, осознавая при этом, что конечный успех все равно будет на стороне противника; их постоянно оттесняли все дальше и дальше. Их противник, напротив, вел наступление с заранее подготовленного плацдарма; перед тем как двигаться дальше, белые тщательно «переваривали» и осваивали уже захваченную территорию. После образования Соединенных Штатов военная мощь молодого государства стала расти

¹ Автор имеет в виду восстание в Галлии в 52 г. до н. э.

очень быстро. Если индейцы и добивались определенных успехов против американских ополченцев во время Войны за независимость, то после англо-американской войны 1812 г. и особенно после Гражданской войны в США индейцы уже были не в состоянии оказать серьезное сопротивление американской армии. Быстрое и сокрушительное поражение было неизбежно.

Тем не менее белый человек извлек немало полезных уроков из войн с индейцами. Именно у индейцев американцы научились партизанской тактике и умению сливаться с местностью, для чего они стали употреблять свободную защитную форму вместо узких ярко-красных мундиров, которые носили до этого. Именно индейскую «крадущуюся» тактику использовали американцы в сражении под Новым Орлеаном, когда американские солдаты, прокрадываясь и укрываясь среди деревьев, встретили прицельным огнем надвигающиеся плотные ряды англичан, уничтожив 2000 солдат противника, потеряв при этом лишь 20 человек. Позже и сами англичане извлекли уроки из американской войны. Сэр Джон Мур добился разрешения на создание стрелковой бригады, представлявшей собой пехотный полк, личный состав которого носил защитную форму и мог быстро передвигаться по местности с оружием наперевес.

По иронии судьбы, боевые действия в XX столетии все чаще и чаще ведутся с использованием «индейской» тактики. Крупномасштабные операции вдоль линии фронта огромной протяженности с использованием большого количества танков и авиации постепенно уходят в прошлое. В будущем военные действия, похоже, станут напоминать действия индейцев: для того чтобы обеспечить успех, небольшой отряд из отлично подготовленных бойцов должен будет совершить быструю и неожиданную вылазку на территорию противника, а выполнив задание, так же быстро уйти. Во Вьетнаме американцы пытались подавить вьетнамцев своей огромной и неповоротливой военной машиной, рассчитывая на большое количество военной техники. Но вьетнамцы нанесли им поражение за счет чувствительных неожиданных ударов в духе «индейской» тактики. А когда приходится сталкиваться с вылазками террористов в городах, то и здесь победить можно лишь «по-индейски»: за счет высококомобильных небольших

ВОИНЫ

групп, состоящих из прекрасно подготовленных бойцов, обладающих высоким боевым духом и жаждущих сражаться, а также прекрасно владеющих оружием.

Можно лишь предполагать, что бы произошло, если бы индейцы глубоко осознали действительное значение той тактики, которую они применяли, научились творчески использовать ее в ходе меняющейся обстановки и смогли развить ее дальше. В настоящее время именно тактика белых все больше и больше выходит из моды, в то время как тактика индейцев, наоборот, становится все более актуальной. Очевидно, что, если бы белые не научились применять приемы военного искусства, которыми пользовались индейцы, едва ли они сумели бы победить.

Глава 5

ШАМАНЫ

Теперь попытаемся рассмотреть такой сложный, неоднозначный и таинственный вопрос, как религиозный мир индейцев. Жизнь индейца не ограничивалась лишь внешним миром; помимо охоты, земледелия, войны и семьи не менее важной частью его жизни был мир его верований, его внутренней духовной связи с потусторонним миром. Буквально каждая пора повседневной жизни первобытных людей была пронизана постоянно ощущаемой ими незримой связью со сверхъестественными силами. Для первобытных и древних людей тот потусторонний мир, в который они верили, не был манящим и мерцающим вдали идеалом, о котором вспоминают время от времени, — они не отделяли мир светский от мира религиозного. Неведомый, потусторонний, сверхъестественный мир постоянно существовал вокруг них, рядом с ними, перемешивался с миром их повседневной жизни и буквально вплетался в каждый их шаг на этой земле. Все, что человек видит вокруг себя, к чему он прикасается и чем он пользуется, является воплощением потустороннего мира, частью невидимой божественной сущности.

Точка зрения, что окружающий мир состоит из одушевленных, отражающих высшую сущность предметов и является «живым», говоря научным языком, называется *аниматизмом*; воплощающуюся в предметах окружающего мира сущность называют *мана*. Североамериканские индейцы называли это по-разному. Сиу называли высшую силу, воплощающуюся в окружающих предметах, *ва-кан* или *ваконда*; племена алгонкинской языковой группы — *манито* или *манидо*; ирокезы — *оренда*. Высшая сила может воплотиться в людях, пользующихся уважением и влиянием: это могут быть вожди племен, жрецы, мастера ремесел, выдающиеся воины. Если же считалось, что

высшая сущность воплощается в различных божествах и демонах (такая точка зрения называется *анимизм*), то это означало, что во всех окружающих предметах живут духи, призраки, чудовища, а также различные существа, обитающие в заброшенных деревьях, реках, горах и время от времени выходящие оттуда наружу. Индейские племена, как и все первобытные и древние люди, поклонялись многим божествам, то есть были политеистами, хотя признавали, что какое-то из божеств может быть более могущественным, чем остальные. Среди индейцев не было атеистов, поскольку у первобытных людей в большей степени, чем у кого-либо, религиозные верования являются фактически инстинктивными, ибо, как у них принято считать из поколения в поколение, все их благополучие зависит от того, насколько строго они следуют религиозным правилам и предписаниям.

Конечно, следует различать отношение к верованиям у нас и у индейцев. Для нас вера — это нечто чистое и возвышенное, имеющее свой собственный, очень высокий смысл, идущий значительно выше и дальше забот повседневной жизни. Для индейцев их верования были самым откровенным и непосредственным образом связаны с их ежедневными практическими потребностями: при помощи определенных ритуалов они вызывали то или иное божество, чтобы обратиться к нему с конкретной просьбой. Другими словами, добивались божественного вмешательства, чтобы что-то получить. Конечно, христианин во время молитвы тоже просит о божественном вмешательстве для того, чтобы приостановить или изменить существующий естественный ход событий, но он делает это скромно, стыдливо, смущаясь, потупив взор. Индеец же был убежден, что если он правильно произносит молитву, то вызываемые им духи должны повиноваться ему и немедленно сделать то, что он хочет. Более того, индеец считал, что он нужен духам в не меньшей степени, чем они ему: он мог ругать их, угрожать им и даже наказывать. Вопросы этики и морали его не интересовали; он не просил высшие силы сделать его лучшим, более совершенным и более достойным; он просто хотел, чтобы любое его пожелание было выполнено немедленно.

Человеком, который мог осуществлять контакт с силами потустороннего мира, а возможно, и повелевать ими,

являлся шаман. Слово *шаман* было пущено в обиход живущими на территории Сибири тунгусами — потомками тех сибирских охотников, которые на заре истории человечества пришли в Северную Америку через Берингов пролив. Во многих племенах шаман был единственным, кто мог общаться с высшими силами, являясь обладающим исключительными правами посредником между ними и соплеменниками. В ряде племен, помимо шаманов, были жрецы — часто это были сэчемы, или племенные мудрецы, которые должны были выполнять определенные вверенные им религиозные функции. Аналогично тому, как у индейцев были добрые и злые духи и боже-ства, у них также проводилось различие между добрыми и злыми чарами, между хорошей — «белой» и плохой — «черной» магией. Последняя обычно называлась колдов-ством, и порой шаман обладал пугающими людей колдов-скими чарами. Однако те, кто обладал способностями и наклонностями к черной магии, предпочитали держать это в тайне: у индейцев колдуны и ведьмы не пользова-лись уважением и авторитетом в обществе, как и в сред-невековой Европе. Для осуществления своих тайных ма-нипуляций индейским колдунам, как и любым другим, требовалось что-нибудь очень тесно связанное со своей жертвой. Для этого подходили прядь волос, капля крови, засохшая слюна, часть ногтя. Неудивительно, что индейцы тщательно следили за тем, чтобы все сугубо личные вещи и предметы сжигались, закапывались, были надежно спря-таны или оберегались различными табу и священными запретами. Иногда колдун обладал настолько сильными чарами, что мог нанести вред, используя такие нематери-альные символы, как тень человека, его спящая душа или невидимый ореол вокруг него — аура. В таком случае единственный способ нейтрализации колдуна состоял в том, чтобы как можно скорее его убить.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Выше мы говорили о богах, богинях и жрецах. Сле-дует иметь в виду, что большинство индейских племен Северной Америки не имело, по меркам народов, нахо-дящихся на очень низком уровне развития, какой-то

оформленной системы религиозных верований, которую можно было бы четко и последовательно изложить. Их верования были очень простыми.

Одни племена верили в существование высшей божественной сущности, другие — нет. У тетон-дакотов это был Вакан Танка, Великий Бог. У индейцев мойаве таковым считался Матавиля, родителями которого были земля и небо. У большинства племен была своя мифическая история сотворения мира. У индейцев помо, живших в Калифорнии, главным божеством считался Мадунда; а у «пяти цивилизованных племен» юго-востока — Высший Дух, обитающий высоко над землей, в то время как земной мир представлял собой четырехугольную поверхность, которая покоилась на воде. Индейцы пуэбло считали, что создательницей мира является Заботливая Женщина, или Бабка Паука, а эскимосы и их южные соседи — атабаскские племена, полагали, что мир обязан своим существованием хитрому, веселому и озорному божеству по имени Черный Ворон. Он создал мир в форме плоского блюда, покоящегося на четырех деревянных опорах так, чтобы неосторожные охотники сваливались с краев в зияющую пустоту. Племена северо-запада были убеждены, что мир был совершенно бесформенным, когда Черный Ворон его нашел; он-то и придал миру его нынешний вид. В то же время северо-западные племена не имели устоявшихся представлений о создании мира и считали, что мир, возможно, является творением каких-то неведомых сверхъестественных существ. Расположенные неподалеку племена близлежащих плоскогорий считали, что мир, возможно, является божественной шуткой, поскольку тот, кого они считали создателем мира, — Койот, существо весьма двусмысленное, так как на самом деле является лишь одним из воплощений настоящего создателя — Обманщика или Шутника, который появляется в разных воплощениях по всему континенту. Обычно создатель мира не считался всемогущим и единственным в своем роде; он рассматривался как один из множества божеств.

Многие индейские божества принимали обличье птиц, животных и пресмыкающихся, причем могли иметь как приятный и привлекательный, так и отвратительный и отталкивающий вид. Их прообразом было одно из тех живых существ, которое обитало на территории проживания данного племени. Практически любое живое существо дикой

природы на территории Америки и Канады считалось священным у того или иного сообщества. То же относилось и к окружающей природе и природным явлениям: солнце, луна, звезды, ветры, а также горы, леса, озера, реки, причудливые холмы и возвышенности, молния, гром, буря и радуга — все это считалось либо воплощением, которое приняли божества, либо жилищем-обителью духов-хранителей.

Рядом с божествами, имевшими природное воплощение, находились и те, кто воплощал себя в человеческом облике. Много таких божеств мы встречаем у индейцев навахо; их очаровательные изображения можно увидеть как на вышитых узорах, так и на превосходных рисунках, выполненных на песке. Навахо считали себя прямыми потомками нескольких родов Первородных Людей, которые сначала жили под землей, а потом поднялись на поверхность через барсучью нору в южной части Колорадо. Мир разделен на Верхний, населенный Священными Небожителями, и Нижний, где живут Люди с Поверхности Земли. Во главе небожителей находится Бирюзовая Женщина; ее также называют Имеющая Много Обличий. Она является сестрой луны и женой солнца, от которого она родила существующий мир. Луна, которую называют Женщина из Белой Раковины, живет в западной части океана, и солнце каждую ночь посещает ее. Помимо божеств, напоминающих людей, у навахо было также много божеств, связанных с природой: это Люди Дождя, Люди Грома, Люди Змеи, а также вездесущий Койот, который, балуясь и веселясь, перемешал звезды на небе, которые были выложены в определенном порядке. Что касается змей, то индейцы относились к ним с восхищением и поклонением. Так, змеи были объектом особых культовых ритуалов у многочисленных племен зунги и криков, живших на обширной территории, соответственно на юго-западе и юго-востоке.

МОЛИТВЫ И СВЯТИЛИЩА

Каким образом индеец общался со столь многочисленными божествами, когда хотел либо умиротворить их, либо о чем-то попросить?

Когда индеец хотел обратиться к своему личному духу-хранителю, он уходил один к его местообитанию. Рели-

гия индейцев имела как сугубо индивидуальную, так и групповую составляющую. Не только каждый индеец лично поклонялся какому-то определенному божеству; у его рода также было свое божество, так же как и были свои божества и у всего племени. Оказавшись один у местобитания охраняющего его духа, индеец постился, сосредотачивался и предавался размышлениям, всячески изнурял себя, простирался ниц и просил духа явиться.

В поселении, с соблюдением всех принятых правил, произносилась общая молитва. К божествам обращались либо под открытым небом, что делалось посредством песнопений и плясок, либо в святилище перед алтарем. Наличие святилища, располагалось ли оно в типи или в землянке, было главной характерной чертой любого индейского поселения. Вход был неизменно обращен на восток, навстречу лучам восходящего солнца; иногда делались дополнительные входы, обращенные на запад, юг и север. У сиу входное отверстие на крыше располагалось на востоке, чтобы можно было начинать молитвенные церемонии одновременно с тем, как первые лучи Отца-Солнца соприкоснутся с языками пламени в священном очаге, расположенном на земляном полу святилища.

Во всех святилищах горел священный огонь, который посвящался различным божествам либо же непосредственно богу огня. Если в святилище имелись подпирающие опоры, то и они посвящались различным божествам; индейцы арикара посвятили четыре опоры Восходу, Грому, Ветру и Ночи соответственно. В определенных местах в святилище размещались священные камни, священные связки и другие мистические предметы; флаги, эмблемы, ленты, бубны и барабаны шаманских и военных обществ развешивались на стенах и опорах, подобно тому как размещают распятия в христианских храмах. В самом священном месте располагался главный алтарь, где постоянно должен был гореть огонь, за которым следил специально назначенный жрец или старейшина. Во время важной церемонии в огонь бросали бревна, чтобы он ярко вспыхнул. Поверх бросали благоухающие травы и просмоленные сучья; били в бубны, потрясали трещотками, а собравшиеся ходили кругами вокруг огня.

Рядом со святилищем располагалось сооружение, также имевшее важное религиозное значение: это было так

называемое «место для потения», или, попросту говоря, баня. Как мы уже говорили, баня имела практически около каждого индейского жилища, была она и возле святилища. Это место пользовалось особой популярностью у индейцев, и они считали, что на небесах также имеется роскошная баня, которой пользуются боги. Племя винтунов из долины Сакраменто считало, что Олеблис, Небесный Отец, живет в роскошных банных покоях, сделанных из белого дуба и украшенных благоухающими цветами.

Индейская баня являлась предшественницей сегодняшней сауны. Пар образовывался за счет того, что горячие камни поливали холодной водой. Даже сегодняшний городской житель, посещающий сауну после партии в гольф или теннис, знает, что она не только открывает все поры тела, но и благотворно влияет как на ход мыслей, так и на душевное состояние. Индейцы были убеждены, что, когда человек хорошо потеет в бане, он вступает в контакт с небесными силами. Делавары использовали баню для испытания выдержки и самообладания человека. Они считали, что, если человек выдерживает жар до полубессознательного состояния, а тем более дольше, он получает очень хороший урок духовного закала. У некоторых племен считалось, что жрецы и шаманы, перед тем как осуществлять возложенные на них обязанности, должны пройти в бане обряд омовения и очищения.

Из всех известных на сегодняшний день индейских религиозно-церемониальных сооружений наибольшее впечатление производят знаменитые *кивы*, соединяющие в себе и святилище, и баню; построены они были людьми культуры *анасази*, жившими на юго-западе. Мы рассказывали об этих людях в первой главе этой книги. В частности, упоминали об огромных по размеру и прекрасно выполненных каменных *кивах*, датируемых 750—1250 гг. н. э., которые активно использовались многочисленными сообществами, проживавшими в Чако-Каньоне, Ацтеке и многих других местах. Мы видели, что только в «доме-поселении» Пуэбло-Бонито в Чако-Каньоне было не менее 32 кив, включая три Большие кивы, расположенные в просторном внутреннем дворе этого «дома-поселения»; центральная кива расположенного поблизости «дома-поселения» Каса-Ринконада была возведена на отвесной

скале и имела 19,5 м в диаметре. Вообще в Чако-Каньо — не было очень большое количество кив.

Кива играла большую роль в жизни людей культуры анасази. Спускаясь в эти подземные или полуподземные сооружения, в которые они превратили обычные земляные отверстия времен периода «корзинщиков», они ощущали единение с землей, с ее божествами и находили радость и успокоение, так же как когда-то они нашли убежище и защиту, спустившись в скальные укрытия и пещеры. Кива могла служить и святилищем, и домом; но не надо забывать, что мир верований индейца был неотделим от его повседневной жизни и пронизывал буквально каждую ее пору. Помимо места для религиозных церемоний и обрядов, кива была также местом обсуждения важных для сообщества вопросов — здесь нередко случались жаркие споры. Она была местом, где можно было пообщаться, укрывшись как от зимней стужи, так и от летнего зноя. В киве обычно присутствовали только мужчины; женщин сюда приглашали в особых случаях. Внутри кивы располагались четыре мощные, вкопанные в землю опоры, державшие огромный деревянный каркас, на котором лежала крыша. В помещении находились каменные скамьи, ямы для разведения огня, кладовые, банные отделения; в стенах были сделаны углубления для размещения там священных и культовых предметов и образов. Человек мог спокойно прожить в киве неделю, не покидая ее, что наверняка часто и делалось. Восстановленная Большая кива в нынешнем Азтеке, штат Нью-Мексико, действительно представляет собой великолепное сооружение. Для того чтобы попасть в этот компактный, пропорциональный, имеющий цилиндрическую форму подземный храм, нужно пройти 14 ступеней вниз на глубину 3,6 м вдоль легких лестничных пролетов. Здесь древние обитатели поселения могли вздремнуть, отдохнуть, поспорить, удобно развалившись и расслабившись. Здесь шаманы и заклинатели дождя плясали вокруг мерцающего огня в своих причудливых одеяниях с рогами на голове, и их натертые маслом и благовониями тела блестели в рубиновых отблесках пламени. В Коронадо-Моньюмент, заброшенном поселении пуэбло на берегах Рио-Гранде, рядом с Альбукерке, на главной площади расположена Цветная кива, спуститься в которую можно

по лестнице через крышу. На стенах можно увидеть изображения птиц, животных, зарисовки труда земледельцев; своей простотой и непосредственностью они напоминают изображения в одной из гробниц знатных людей в Долине царей в окрестностях Луксора в Египте. Как и в Древнем Египте, это изображение передает чистый и легкий душевный настрой земледельцев, живущих в первозданной гармонии с природой.

Не следует думать, что кива — это только памятник древней истории. Она и сегодня играет важную роль в жизни потомков людей анасази, которые живут в более чем 20 пуэбло, разбросанных вдоль Рио-Гранде и ее притоков. Кива сразу бросится вам в глаза, когда вы зайдете в одно из этих поселений; вы увидите лестницу, выводящую наружу через крышу этого удивительного сооружения. Ну а во время праздника вы сможете услышать бой барабанов, исполняющих магическую музыку подземных божеств, которая струится из-под земли. Затем вы увидите, как из входного отверстия кивы появляются музыканты и танцоры, напоминая извивающуюся змею, выползающую из глубин на поверхность; раскачиваясь и пританцовывая, они движутся в пыли по площади под жаркими лучами солнца. Остается только сожалеть, что вы не местный житель и поэтому не можете спуститься внутрь кивы и узнать, какие секреты и тайны нашептывают боги в недрах земли.

ПРАЗДНИКИ И РИТУАЛЫ

Какие основные праздники и ритуалы отмечали и проводили индейцы как под открытым небом, так и под сенью своих святилищ?

В первую очередь это были традиционные праздники, связанные с наиболее важными событиями в жизни каждого из членов племени.

К таковым относили рождение, наступление зрелости, свадьбу и смерть.

Празднования, связанные с половым созреванием и посвящением в мужчин и женщин, были особенно тор-

жественными и впечатляющими. У современных навахо и апачей процедура вступления мальчиков и девочек во взрослую жизнь длится в течение четырех дней. У навахо этот ритуал называется *киналда*. Девушек специально наряжают так, чтобы они были похожи на прекрасную Бирюзовую Женщину. Они готовят кукурузную муку и принимают участие в конных состязаниях. И мальчики и девочки танцуют вместе с персонажами в масках богов; в конце концов, они и сами надевают маски. В течение всего четвертого дня праздника все племя участвует в безостановочных песнопениях, которые продолжаются целый день. У апачей танцоров, участвующих в празднике, называют Ганами, или Духами Гор. Они одеты в черные капюшоны, юбки-передники, на голове — высокий головной убор. Ганы с громкими, пронзительными криками кружатся вокруг священного огня, размахивая деревянными мечами.

Из всех ритуалов для индейцев наиболее важными были ритуалы, связанные с животными и птицами. Изображение их во время ритуала было важно для индейца по ряду причин. Если во время ритуального танца индеец был украшен перьями или мехом птицы или животного, считавшихся священным для его рода, то он, соприкасаясь с этим священным существом, как бы впускал внутрь себя его дух и таким образом укреплял свою внутреннюю силу. В отличие от белых индейцы, как и все первобытные народы, считали себя низшими существами по сравнению с животными и птицами. Ведь те и быстрее, и зорче; они обладают более острым слухом и более развитым чувством опасности. Они могут летать и жить в норах под землей. Они живут в большем согласии и гармонии как друг с другом, так и с природой. Они тратят меньше усилий на добычу пропитания; им не нужны дома, одежда и оружие, столь необходимые уязвимому и раздетому человеческому роду. Поэтому человек должен был придумать такие ритуалы, при помощи которых он мог бы попытаться овладеть невероятными возможностями, а также теми качествами и способностями, превосходящими его собственные, которыми обладали эти более совершенные по сравнению с ним создания.

Индеец чувствовал, что, хотя он и вынужден убивать зверей и птиц, чтобы добыть пропитание и другие необходимые предметы жизнеобеспечения, он тем не менее при этом совершает преступление против природы и повинен в нем. Ради собственного выживания он нарушает гармоничную красоту вселенной своими разрушительными действиями. К несчастью, это было для него необходимо; поэтому перед охотой он проводил ритуалы, которые должны были помочь ему получить необходимую добычу. После охоты он отправлял другие ритуалы, прося прощение у природы и пытаясь умиловить ее, чтобы хоть как-то загладить свою вину. Хотя охота была азартным и увлекательным занятием и индеец был удовлетворен, когда она была успешной, он в то же время испытывал сожаление и угрызения совести, что ему пришлось убить прекрасных детей природы — своих братьев и сестер. Поэтому он старался добывать на охоте только то, что было необходимо, чтобы свести к минимуму тот ущерб, который он наносил живой природе, вмешиваясь в естественный ход ее жизни.

Помимо ритуалов, связанных с животными, у индейцев существовали ритуалы, связанные с сельским хозяйством и различными сельскохозяйственными культурами, поскольку растительный мир был такой же частью природы, как и животный. Как и люди, природа вокруг рождалась, расцветала, увядала и умирала; этим фазам соответствовали весна, лето, осень и зима, и каждая из них ознаменовывалась посвященными ей ритуалами. Как существует незримая, мистическая связь между людьми, с одной стороны, и птицами и животными — с другой, в силу которой они непостижимым образом образуют единое целое и являются друг другу братьями и сестрами, так существует и подобная связь между людьми и богами, в силу которой люди являются их помощниками и младшими партнерами. Люди удостоены чести помогать богам вращать колесо жизни вселенной. А помощь богов необходима на каждом этапе земледельческого процесса. Специальные ритуалы посвящались вспахиванию земли, засеиванию ее семенами, успешному их вызреванию и уборке урожая. Особые ритуалы проводились, чтобы вызвать дожди, отвести засуху, обеспечить богатый урожай и минимальные потери при его уборке. Каждая основная сель-

скохозяйственная культура имела свой праздник: Праздник тыквы, Праздник фасоли, Праздник желудей, Праздник клубники — они должны были обеспечить поступление необходимого продовольствия.

Самым важным из всех сельскохозяйственных ритуалов был Праздник кукурузы, сопровождавшийся Пляской кукурузы. Вот что писал по этому поводу в XVII в. один францисканский монах, являвшийся очевидцем происходящего: «Если вы внимательно приглядитесь к индейцам, то убедитесь, что все, что они говорят и делают, связано с кукурузой. Практически они обожествляют ее. Они проводят столько много времени на кукурузных полях, заботясь о них и осуществляя многочисленные ритуалы, при этом совершенно забывая о женах, детях и вообще обо всем на свете, как будто единственной целью жизни для них является выращивание и сбор урожая кукурузы».

Святой отец мог спокойно убрать слово «практически». Индейцы *на самом деле* обожествляли кукурузу. При обращении к ней ее называли «мать» и «отец». Ей был посвящен целый ряд праздников: Праздник свежесобранной кукурузы, Праздник зеленой кукурузы, Праздник молодой кукурузы, Праздник спелой кукурузы. О том, как проводятся эти ежегодные праздники в пуэбло, расположенных на Рио-Гранде, подробно рассказывается в работах ряда антропологов, в частности Элси К. Парсонс, а также в книгах Х.Б. Александера «Обод Земли», Д.Х. Лоуренса «Мексиканские рассветы» и «Неведомый мир», написанной автором данной книги. Присутствовать на подавляющем большинстве этих праздников могут все желающие; эти мероприятия представляют собой очень красочное и яркое зрелище. О том же свидетельствуют и очевидцы этих праздников у других индейских племен: в частности, Праздника зеленой кукурузы у ирокезов и других племен востока и юго-востока.

Церемония праздника практически везде одинакова. Первый день посвящается благодарственным славословиям и здравицам, церемониальному выкуриванию табака и различным религиозным ритуалам. Второй день полностью занят ритуальными танцами и плясками; третий — сольными и хоровыми песнопениями; а четвертый, последний посвящен разного рода играм. Вечером каждого дня проходят пиры и веселья; все отведывают пирше-

ственное блюдо — *сакоташ*, которое представляет собой тушеное ассорти из зеленой кукурузы, фасоли, тыквы и свинины, и воздают хвалу и благодарность Великому Духу, Властелину Кукурузы и всего живого. В каждом пуэбло на Рио-Гранде существует свой вариант Пляски кукурузы, и, хотя во время церемонии запрещается записывать на магнитофон и фотографировать, присутствовать на ней и увидеть все собственными глазами могут все желающие.

Если Пляска Кукурузы была главным ритуалом земледельческих племен, то у охотников района равнин главным и обязательным ритуалом была Пляска солнца. Это был очень зрелищный и сложный ритуал, проводившийся повсеместно от Манитобы (провинция в Канаде) на севере до Техаса на юге.

Очень часто он не только продолжался четыре дня, но ему еще и предшествовала четырехдневная подготовка. В большинстве случаев Пляска солнца совмещалась с Пляской бизона, поскольку именно охота на бизона была основным источником питания.

Наиболее интересно и захватывающе этот ритуал проводился у дакотов, шайенов, манданов и арапахо. Ритуал проводился в середине лета, когда Ваканда, как некоторые племена называли солнце, находился в зените своей яркости, блеска и могущества. Первые три дня отводились на то, чтобы водрузить Столб Солнца, от которого проходила Тропа Солнца, ведущая к Дому Солнца.

В последний день происходило действие, которое можно назвать драматической постановкой, оказывавшей огромное психологическое и физическое воздействие как на участников, так и на зрителей, поскольку все делалось «вживую». Эта физически болезненная, требовавшая умения переносить боль церемония, которая называлась Окипа, не просто показывала те или иные эпизоды из жизни воина, но демонстрировала силу человеческого духа и стремление человеческой души вырваться на свободу из телесных пут. Она состояла из четырех актов, каждый из которых был посвящен, соответственно, пленению воина, пыткам, которым он подвергался, его пребыванию в плену и освобождению. Это была полная живых страстей и переживаний первобытная драматическая постановка эпического характера, в которой присутствуют мотивы, созвучные теме Распятия и Крестных мук; она бросала в

холодную дрожь тех белых, которым разрешали при ней присутствовать. Наблюдавшие за ней индейцы наносили себе порезы, а также колотые и рваные раны; а иногда отрезали себе пальцы.

В начале постановки добровольно пожелавшие принять в ней участие берутся в плен членами Общества бизонов или какого-либо другого военного общества. Пленников связывают, подвергают насмешкам и унижениям, а затем пытке: им вгоняют заостренные деревянные колья под обе лопатки либо в мышечную ткань груди и спины, причем делая это как можно жестче и болезненнее. Подвергающийся пытке должен был не проронить ни звука и смеяться в лицо своим мучителям, когда длинные деревянные гвозди загонялись в его тело.

К концам этих «гвоздей-вертелов» были прикреплены кожаные ремни. Они перебрасывались либо через ветви деревьев, стоявших рядом со Столбом Солнца или Столбом Бизона, либо через балки крыши Дома Солнца; воина вздергивали вверх, и он повисал в воздухе, корчась и извиваясь; лишь на короткое время его опускали вниз, давая передохнуть. В эти моменты к нему подбегали женщины, чтобы отереть кровь. Однако и во время этих передышек испытание продолжалось: он должен был смотреть широко открытыми глазами прямо навстречу лучам палящего солнца.

В третьем акте стоявшие вокруг и наблюдавшие за происходящим «зрители» начинали петь Песни пленения, и действие начинало постепенно приближаться к кульминации. Она наступала в четвертом акте, когда измученный и изможденный человек собирал все оставшиеся силы, чтобы вырваться на свободу из державших его пут. Пытаясь стащить себя с пронзавших его кольев, он громко призывал друзей, а также просил свое вооружение, особенно самые тяжелые по весу его виды, помочь ему всей своей тяжестью; он напрягал все силы, пока полностью не освобождал свое тело от «вертелов». Если бы в любой момент он дрогнул и не смог пройти испытание, то покрыл бы себя позором и унижением. По завершении заключительного акта ритуал Пляски солнца считался законченным. Дом Солнца полностью разрушали, а со Столба Солнца срывали все украшения, оставляя его стоять «голым» до самого основания.

Другие танцевальные ритуалы индейцев Равнин были также полны жизненного огня и энергии. Помимо Пляски солнца и Пляски бизона, у них также были Пляска медведя, Пляска орла, Пляска бешеных псов и наводящая ужас Пляска тех, с кого сняли скальп, которую исполняли индейцы пауни. И сегодня во время ежегодных фестивалей индейской культуры в Галлапе и Калгари¹ можно убедиться в том, что ритуальные танцы в исполнении индейцев Равнин по-прежнему остаются яркими и красочными; наряды исполнителей, сделанные при помощи краски и перьев, и сами танцы все так же полны красоты и жизненной энергии.

От этих танцев контрастно отличаются традиционные ритуальные танцы индейцев пуэбло юго-запада, являющиеся очень серьезными и сдержанными. В расположенных здесь пуэбло проводятся как индейские, так и христианские ритуалы и обряды, причем все они носят спокойный и мирный характер. Исключение составляет лишь тайная христианская секта «кающиеся грешники», которая каждый год подвергает распятию одного из своих членов. Танцы индейцев пуэбло пронизаны той же идеей, что и танцы индейцев Равнин, — таинственного и непостижимого единения людей с животными и птицами и стремления человека овладеть силами природы, но эти ритуальные танцы исполняются не в такой неистовой манере, как на Равнинах, а гораздо более спокойно и сдержанно. Здесь «аполлоновское» начало безусловно преобладает над «дионисийским». Следует также отметить, что сегодняшние танцы индейцев пуэбло гораздо больше напоминают настоящие древние ритуальные танцы, чем танцы индейцев Равнин, которые зачастую представляют собой восстановленную вариацию, не имеющую глубоких исторических корней. Прекрасные, ритмичные, грациозно-сдержанные танцы индейцев пуэбло, такие как Танец сосны, Танец бабочки, Танец оленя, Танец индюка, Танец змеи и многие другие, исполняются не в произвольной форме или лишь для того, чтобы привлечь и развлечь туристов, а демонстрируются как источник мудрости и силы, идущий от заветов предков, который надо сохранить в первозданном виде, ничего не потеряв и «не расплескав».

¹ Г а л л а п — город на юге штата Нью-Мексико; К а л г а р и — город в южной части Канады.

Американское правительство одно время запретило наиболее жестокие части ритуальной Пляски солнца. Ему также пришлось вмешаться и в другой ритуальный праздник: пиршество *потлатч*, распространенное среди индейцев северо-запада. Оно пошло на это, поскольку в конце XIX — начале XX в. материальное положение индейцев было и так весьма трудным и стесненным, а проведение подобного мероприятия и вовсе подчас приводило к тяжелым последствиям и разорению ряда племен. Потлатч представлял своего рода войну за максимальное влияние и авторитет, в которой вместо обычного оружия использовалось имущество и материальные ценности, принадлежавшие племени. Когда какой-либо видный представитель тлинкитов, хайда, цим-шيان, квакиютль или родственников им племен выстраивал «длинный дом» или проводил церемонию, связанную со свадьбой, похоронами или другим столь же важным событием, он приглашал всех родственников, а также недругов, конкурентов и недоброжелателей, чтобы поразить их своим гостеприимством и продемонстрировать свои возможности. Слово *потлатч* первоначально использовалось в языке индейцев племени чинук, но вскоре распространилось по всему северо-западу, причем последствиями этого ритуала часто были разорение и нищета.

В хвастливом стремлении продемонстрировать свое могущество вожди и прочая знать северо-западных племен раздаривали гостям то, что накапливалось месяцами, а порой годами, хотя позволить себе подобную расточительность, с учетом реального положения, племя не могло. Раздавались одеяла, которые в этих районах были своего рода валютой. Направо и налево разбрасывали меха, шкуры и изделия из кожи, драгоценности, предметы домашнего обихода, лодки и суда, а также запасы продовольствия. В ход шла даже кухонная утварь, использовавшаяся для приготовления пищи. Для того чтобы продемонстрировать гостям свое величие и пренебрежение к имеющемуся богатству и ценностям, по приказу вождей на глазах присутствующих сжигались или демонстративно выбрасывались в море действительно очень ценные вещи. Иногда враждующие племена устраивали общий *потлатч*, во время которого по приказу каждого из вождей уничтожалось имущество и материальные ценности племени; проигрывал тот, у кого раньше заканчивалось все имущество и

ценности. В охватывавшем всех сумасшедшем угаре потлатча демонстративно уничтожались даже такие уникальные, передававшиеся от поколения к поколению семейные и родовые ценности, как пластины из меди, напоминавшие по форме щит, с нанесенными на них уникальными узорами и украшениями. Племена северо-запада были самыми зажиточными в Северной Америке, и в ходе подобных демонстраций неисчерпаемого изобилия пускалось на ветер и отправлялось на дно моря имущество и ценности на сотни тысяч долларов. Поскольку расходы, связанные с проведением наиболее крупных потлатчей, ложились не только на вождя с его родственниками, а также и на простых членов племени, легко себе представить, к каким последствиям вели подобные «щедрость и гостеприимство». С другой стороны, об успешно проведенном потлатче помнили и рассказывали годами, укрепляя таким образом авторитет клана или племени, его организовавших.

Теперь остановимся на ритуале совсем другого плана, но также имевшем очень важное значение. Он назывался Жертвоприношение плененной девочки и был распространен у индейцев пауни; о нем немало написано как историками, так и авторами художественной литературы.

Этот жертвенный ритуал являлся весенним ритуалом плодородия, который должен был обеспечить успешную посевную и последующий хороший урожай. Жертвоприношение посвящалось Заре, поскольку считалось, что именно от ее брака с Закатом рождаются приходящие в мир свет и тепло. После неизменной четырехдневной подготовки отряд воинов-пауни покидал свой лагерь на заре, чтобы, ворвавшись в чужой лагерь, похитить 13-летнюю девочку. Ее доставляли в лагерь пауни, где к ней относились с величайшим вниманием и почтением. Ее тело натирали специальными мазями, маслами и благовониями; ее одевали в самые дорогие и изысканные наряды; кормили самыми вкусными кушаньями. Когда приходило время четырехдневной жертвенной церемонии¹, мужчин посылали в лес за вязом, кустами бузины, американским тополем и ивой; они ассоци-

¹ Как обращают внимание специалисты, наблюдается безусловное сходство в религиозных и шаманских обрядах индейцев и сибирских шаманов; так, и те и другие обожают число 4.

ировались с каждой из сторон горизонта соответственно, а также со священными животными: медведем, горным львом, дикой кошкой и волком. Из принесенного материала сооружали жертвенный алтарь.

На рассвете урочного дня девочку подводили к алтарю. На ней была раскрашенная одежда из шкуры бизона. Левая часть ее тела была выкрашена в черный цвет, что символизировало ночь; правая — в красный, что символизировало день и Зарю. Происходило торжественное раскуривание табака, часть его насыпалась на алтарь в качестве подношения. Все племя собиралось вокруг алтаря; мужчины, женщины и дети все вместе пели песнопения. Четыре жреца поднимались вместе с девочкой на алтарь и торжественно привязывали ее к деревянной раме лицом к востоку. Как только первый луч зари касался земли, один из воинов выступал вперед и поражал девочку стрелой прямо в сердце. Другой воин делал ей надрез над сердцем освященным кремневым ножом и вымазывал свое лицо ее кровью, которая стекала на жертвенное мясо бизона, положенное в специально вырытую яму рядом с алтарем.

Вот как описывает заключительную фазу этого ритуала Дж. Уэлфиш в своей книге «Затерянная вселенная», посвященной индейцам пауни:

«Когда день полностью наступил, четыре специально отобранных жрецами человека отвязали девочку, отнесли ее тело на 400 м на восток от лагеря и положили на землю лицом вниз. При этом они пели: «Она станет всей землей. Вся земля напитается ее кровью». Затем они говорили о девяти вещах, которые произойдут одна за другой: «Она превратится в пучок травы; муравьи найдут ее; прилетят мотыльки и найдут ее; придет лиса и найдет ее, а также койот, дикая кошка, сорока, ворона; прилетят стервятники и найдут ее, а после всех прилетит белый орел и съест ее».

В завершение ритуала его непосредственные участники собирались в святилище и ели освященное мясо бизона; в это же время все племя пело, плясало, веселилось, устраивало потешные поединки, воздавало хвалу Заре и Матери Кукурузе, а также предавалось сексуальным утехам без всяких ограничений относительно выбора партнера (что в целом было нехарактерно для индейцев, которые всегда отличались сдержанностью в этом плане, даже во время ритуалов, посвященных плодородию).

В 1816 г. 20-летний воин скиди-пауни¹ по имени Главный Человек, сын вождя племени Главного Ножа, решил в одиночку положить конец этому ритуалу, поскольку тот мог дать повод для возмущения все более активно диктующему правила жизни на континенте белому человеку и послужить ему предлогом для дальнейшего вытеснения индейцев. С одобрения отца, на рассвете того дня, когда должен был совершиться ритуал, он подскочил к алтарю и, когда воин уже готовил стрелу, чтобы поразить девочку, разрубил державшие ее веревки, усадил девочку на лошадь и сказал, чтобы она быстрее мчалась домой. Присутствующие замерли в священном ужасе и трепете: ведь он не отдал Заре жизнь чистой и непорочной девочки, а значит, теперь должен был заплатить за это своей жизнью. Но он остался жив. В 1821 г., когда он прибыл в Вашингтон в составе делегации пауни, ему была вручена очень красивая серебряная медаль за мужество и героизм. Своим поступком он подорвал доверие к этому ритуалу, хотя время от времени его проводили и позже; так, в 1838 г. была принесена в жертву девочка из племени оглала-сиу: таким путем пытались остановить свирепствовавшую на Равнинах опустошительную эпидемию оспы. Следует заметить, что ритуал Жертвоприношения плененной девочки является одним из наиболее сильных и эмоциональных примеров прямого влияния Мексики на племена южной и центральной части Северной Америки, поскольку весь этот необычный ритуал в мельчайших подробностях воспроизведен в скульптурном изображении и описан в древних рукописях, обнаруженных на территории Мексики и датированных временем до появления там испанцев.

ОТКРОВЕНИЯ И СНОВИДЕНИЯ

Такие ритуалы, как Окипа и Жертвоприношение плененной девочки, проводились не из садистских побуждений или в силу чьих-то причуд или капризов. Их цель состояла в том, чтобы добиться благосклонности и рас-

¹ Пауни представляли собой союз четырех родственных кэддо-язычных племен: киткехаки, чауи, питахауират и скиди.

положения духов, управляющих природой, и укрепить духовные силы племени. С их помощью в людей должны были войти сила и энергия солнца, луны, дождя, ветра, грома и молнии, а также непостижимая для них сущность животных и птиц. Окипа не только приучала мужчин проявлять стойкость и выдержку и переносить испытания мужественно и твердо — на пике боли и страданий, в состоянии исступления им могло открыться то, как надо жить; их могло посетить видение, наставляющее их на истинный путь. У многих племен, если юноша не имел подобного духовного опыта и не был знаком с видениями и откровениями, он не мог стать воином и даже мужчиной.

Трудно передать ту степень воздействия и влияния, которую имели на североамериканских индейцев откровения, видения и сновидения, а также другие подобные мимолетные отблески сознания человека. На Западе стали придавать значение снам после выхода в свет в 1900 г. работы З. Фрейда «Смысл и значение сновидений». Он называл сны «самым прямым и легким путем в подсознание», значение которого стали понимать, наконец, даже мыслящие сугубо рационально, а потому зачастую поверхностно западные люди¹.

Однако мы еще очень далеки от придания снам и откровениям того значения и от той практически полной и неразрывной связи с ними и зависимости от них, которые были характерны для первобытных народов, причем не только в Северной Америке².

У индейцев не было того недоверия и скептицизма относительно их значения, которые есть у нас.

¹ Используемое Дж.М. Уайтом понятие «эго» означает озабоченность лишь внешними формами жизни, обеспокоенность тем, что скажут и подумают о тебе другие; отказ от попыток понять свое глубокое, истинное предназначение в этой жизни и раскрыть свои глубинные силы и возможности, а также осознать и почувствовать бесконечность и бездонность окружающего мира и его взаимосвязи с человеком.

² Слово «первобытный» автор применяет в этой книге не только в смысле «отсталый», но и как «более близкий к первоначальному»: в их жизни было нечто очень важное, что они ощущали лишь интуитивно; поэтому за кажущейся внешней простотой и наивностью могут содержаться очень важные уроки для современного человека, так же как за детской простотой и наивностью содержатся очень важные уроки для взрослого человека.

Индейцы, как показывают их многочисленные ритуалы, обладали гораздо большим воображением, интуицией и внутренним видением по сравнению с белыми людьми. С.Дж. Юнг в своей книге «Воспоминания, сны, размышления» описывает свое посещение одного из пуэбло в штате Нью-Мексико. Хотя его жители почти не имели тех предметов, наличие которых в окружающем их мире рассматривается как признак благополучия и которые поэтому представляют соответствующую ценность, они считали братьями как друг друга, так и всех остальных людей, несмотря на то что те относились к ним далеко не побратски. Когда Юнг беседовал с вождем пуэбло Таос, тот сказал ему:

«Американцы хотят уничтожить нашу веру. Почему они не оставят нас в покое? Ведь то, что мы делаем, мы делаем не только для себя, но и для них. Мы делаем это для всего мира. Каждому это идет на пользу».

Вождь называл себя «посланником солнца на земле; земным солнцем». Далее Юнг пишет:

«Тогда я понял, на чем основано глубокое чувство собственного достоинства, присущее каждому индейцу, это величавое спокойствие и уверенность... Их жизнь наполнена вселенским, космическим смыслом... Если отбросить в сторону наши отговорки и оправдания, мы увидим, что наша жизнь, основанная лишь на рационализме и доводах здравого смысла, является на самом деле бедной и пустой. Мы с усмешкой относимся к «наивности» индейцев из чувства зависти; нам нужно выставить их в подобном свете, чтобы еще раз похвастаться перед собой тем, какие мы умные, иначе мы бы обнаружили, какой обедненной и приземленной является наша жизнь. Знание не обогащает нас; оно уводит нас все дальше от того таинственного и непостижимого мира, откуда мы родом и который однажды был нашим домом по праву рождения».

Вождь индейцев сказал Юнгу слова, которые страшны своей правдивостью и действительно раскрывают человеку глаза:

«Посмотри, какими ожесточенными и озабоченными выглядят белые люди. Их губы сжаты, нос заострен, все лицо покрыто складками и морщинами. В их взгляде всегда озабоченность; они все время что-то ищут. А что они ищут? Им всегда что-то надо, всегда чего-то не хватает; они всег-

да беспокойны и напряжены. Нам непонятно, чего они хотят. Мы их не понимаем. Нам кажется, что они просто сумасшедшие». Я спросил его, почему он так думает. «Они говорят, что думают головой», — ответил он. «Ну а как же иначе? А чем думаете вы?» — удивленно спросил его я. «Вот чем», — сказал он, показывая на сердце».

Не будучи озабоченными доводами логики и ума, индейцы более внимательно прислушиваются к зову сердца и внутренним побуждениям. А для того чтобы уловить и воспринять этот зов, снам и видениям отводится первоочередное значение. Они являются посланиями из другого мира. Они на короткое мгновение мучительно правдиво и ярко освещают самые потаенные уголки человеческой души. Они являются как изнутри, так и извне. Они соединяют внутренний мир человека с окружающим внешним миром. Они могут указать человеку тот путь, по которому ему необходимо идти. Они являются просветлением, понимая под этим проникновение света в места, окутанные тьмой, света, исходящего от солнца, которое индейцы обожествляли. Они соединяют этот мир с другим, который, возможно, является более реальным, чем этот; они соединяют сон с явью; один уровень сознания с другим; они соединяют прошлое с настоящим, а настоящее — с будущим.

Для постижения того, что Юнг называл «вселенским и космическим смыслом», ирокезские племена проводили Фестиваль сновидений, который также называли Большая Загадка. Все собравшиеся на нем — и мужчины, и женщины, и дети — рассказывали о своих снах, как старых, которые уже были разгаданы и оказались полезными помощниками, так и новых, пока еще не разгаданных. Те, кого считали специалистами по сновидениям, помогали их разгадать, а все собравшиеся активно им в этом помогали, высказывая свои версии и предположения. Такая вера в сны привела в смущение одного миссионера из французских иезуитов, находившегося в Америке в XVII в.:

«Они верят только во сны. Они полностью поглощены ими и следуют им с высочайшей точностью. Они считают себя обязанными немедленно осуществить то, что они увидели во сне. Соседние с ирокезами племена считают необходимым следовать лишь тем сновидениям, которые они считают наиболее важными, а сами ирокезы полагают, что совершают тягчайшее преступление, если

не выполняют то, что увидели в каждом из своих снов. Они только об этом и говорят; их деревянные хижины представлены только снам».

Ирокезы не были исключением в подобном отношении к снам. У ряда племен были Общества видений и откровений, в которых не только изучали и разгадывали сны и откровения, но и помогали сделать так, чтобы они посетили человека. Индейцы мойаве, жившие на юго-западе, считали сны и откровения самым важным в жизни; именно они играют главную роль во всех человеческих начинаниях. Однако, помимо обычных ночных снов, существовало, по их мнению, Главное Откровение, которое человек видел во сне еще во чреве матери, но потом забыл. Если ему повезет, он сможет вновь увидеть во сне это откровение — либо в юности, либо во взрослую пору, — что наделит его мудростью и проницательностью.

У многих племен были разработаны приемы, помогавшие увидеть сны и откровения. Люди постились, подвергались пыткам, принимали рвотные средства, исполняли танцы дервишей; людей, которых должно было посетить откровение, запирали в темных помещениях или оставляли одних в горах или пустынях. Те члены племени, которые сумели развить способность получать откровения и видения и стали, говоря языком современных психологов, «виртуозами сновидений», пользовались в племени большим авторитетом и поклонением. Шаманы часами напролет сидели в бане, чтобы раскрыть и заострить свои способности получать откровения; соперничавшие друг с другом шаманы устраивали специальные состязания, чтобы доказать свое превосходство. Племена, более подверженные «дионисийскому», или «фаустовскому», началу, использовали наркотические средства, вызывающие галлюцинации; они, в частности, использовали корень кактуса и семена дурмана, которые оказывали очень сильное единовременное воздействие на мозг.

В следующей главе мы увидим, что наиболее захватывающие произведения индейского искусства — будь то скальная живопись, узоры, выполненные на боевых щитах или одежде, а также вытканые на одеялах и покрывалах, созданы силой воображения и фантазии и кажутся неземными, сверхъестественными и непостижимыми. На них запечатлены откровения, посетившие художника во

сне; они также помогают увидеть откровение или же являться своего рода путеводителем для души их обладателя, открывая ей таинственные тропы и пути во время путешествия по волшебному миру снов и откровений.

Из племен, уделяющих особое внимание снам и откровениям, можно выделить оджибвеев, или чиппевов, живущих в районе Великих озер. Они носили специальные амулеты, помогавшие получить откровение во сне, а также пели особые «песни откровений». Все наиболее ценные способности, которыми они были наделены в жизни, по их мнению, были получены ими во сне. Вот что пишут по этому поводу Дэвид Коксхед и Сьюзан Хиллер в своей книге «Сны: ночные откровения»:

«Мудрость, знания, способность к врачеванию, мужество, творческий талант — словом, все способности и качества, считающиеся ценными для человека, были дарованы ему свыше в снах и откровениях. Детей с детства приучали к тому, чтобы они старались видеть сны и запоминать их. Когда мальчик достигал половой зрелости, он должен был поститься четыре дня в одиночестве и благоговении, ожидая откровения, которое должно было определить его будущее. Откровение должно было явиться ему во сне или видении в виде песни, которую он мог петь только во время боя, смотря в лицо смерти».

Сегодня оджибвеи, живущие в резервациях на севере Миннесоты, конечно, больше не воюют. Поэтому они не могут произнести вслух откровение, которое они до сих пор получают. А это очень опасно, поскольку откровения накапливаются внутри и не выходят наружу, в результате чего человек может лишиться душевного равновесия или даже вообще подорвать свои внутренние силы. Поэтому тот, кого посещают откровения, вкапывает перед домом высокий столб, к нему прикрепляет флаг, на котором в рисунке изображено явившееся ему откровение. Каждый, проходя мимо и видя флаг, знает, что это, как пишут Коксхед и Хиллер, означает, что здесь живет «тот, у кого никогда не было возможности спеть свою песню, но кто может как врачевать раны и болезни, так и смотреть в лицо смерти».

Ритуалы, связанные с видениями и откровениями, и сегодня занимают важное место в жизни североамериканских индейцев, однако в наибольшей степени это относится к навахо — самому многочисленному из сохранившихся до

наших дней индейских племен. У навахо есть девятидневный ритуал, который называется Песнь откровений, или *Йебичай*. В ходе этого удивительно красочного и очень сложного ритуала воспроизводятся видения и откровения, явившиеся Битахини, Получающему Откровения. В снах Битахини является миф, представляющий собой сокровенную мечту человеческого рода, которая сливается со сном, и они становятся неразделимым единым целым. В ходе ритуала его участники осуществляют благотворное и исцеляющее соединение земного мира с миром видений, откровений, мечтаний и сокровенных надежд, мира материального с миром духовным, нашей маленькой планеты с огромной бесконечной Вселенной вокруг нее.

РОЛЬ ТАБАКА

Табак не обладает сколько-нибудь сильными наркотическими свойствами, но, как мы уже отмечали, без него не обходился ни один важный индейский ритуал.

Табакокурение было важной частью практически всех индейских культур и было распространено у всех коренных жителей Северной, Центральной и Южной Америки, за исключением эскимосов. Именно из Америки табакокурение с удивительной скоростью распространилось по всему миру. Курение было известно в той или иной форме в разных частях мира; однако в Европу табак был завезен именно закрепившимися в Америке испанцами в середине XVI в., а затем в течение века он прочно обосновывался везде, куда ступала нога европейских путешественников или переселенцев.

В Европе новое увлечение рассматривалось как хороший способ отдохнуть и расслабиться, тем более что оно хорошо сочеталось с непринужденной беседой за бокалом вина. Американские индейцы также использовали курение для того, чтобы расслабиться, но с самых ранних времен табак использовался и во время религиозных ритуалов. Табак имеет весьма древние корни — впервые в Северной Америке он появился в ее юго-восточных районах; кстати, там его выращивают в промышленных целях и по сей день. Курительные трубки из камня были обнаружены в местах захоронений и также святилищах в районах рас-

пространения культур лесной зоны на востоке континента; они датируются 2000 г. до н. э.

Ритуалы сопровождали каждую фазу работы с табаком. Специальные церемонии посвящались посевам и сбору урожая; а красиво расшитые кисеты и чехлы для хранения табака и трубок, а также сами трубки были прямо-таки окружены священным ореолом. Интересно отметить, что у ряда племен, таких как, например, хидатсы и ман-даны, выращивание табака доверялось только мужчинам; а у многих равнинных племен, в частности кроу и чер-ноногих, табак продолжали выращивать даже после того, как отказались от занятий сельским хозяйством в связи с появлением лошади. Страсть к табаку была слишком сильна, чтобы от него отказаться.

Наиболее известным в восточных районах сортом табака был *Nicotiana quadrivalvus*, хотя встречались также практически все используемые и сегодня сорта. Табак редко курили в чистом виде — к нему обычно добавляли различные растения и сладкие травы. В восточных районах и на Равнинах добавляли лавровый и кленовый лист, а также внутренний, сладкий слой коры деревьев, таких как вишня, красная ива, тополь и береза. Иногда клали бизоний навоз. Способы использования табака были такими же разнообразными, как и сегодня. Некоторые просто жевали его; другие нюхали, предварительно размолов табачные листья; индейцы юго-запада и района Большого Бассейна скручивали листья и курили их, наподобие нынешних сигар и сигарет, иногда вставляя их в мундштук из тростника. Большинство же курило трубки самых разных форм и размеров, начиная от небольших и элегантных ручных трубок до трубок весьма внушительных размеров, например тех, из которых «выпускали облака» индейцы пима. Трубки делали из глины или из такой каменной породы, как тальк или катлинит¹.

Этот камень, имеющий густой темно-красный цветовой оттенок, иногда еще называют «трубочным камнем»;

¹ Порода названа катлинитом в честь Джорджа Кэтлина (1796—1872), талантливого художника и писателя, двухтомная работа которого «Письма и заметки о манерах, привычках и образе жизни индейцев Северной Америки», вышедшая в 1841 г., является классическим исследованием и настольной книгой по данному вопросу. (Примеч. авт.)

он встречается всего в нескольких местах на севере Миннесоты, в основном на территории, где сейчас находится историческое место Пайпстон. Поскольку изначально он сформировался под водой, то в первое время он довольно легко поддавался обработке, но все более и более твердел, находясь на открытом воздухе. Он пользовался большим спросом с древнейших времен, и восточные сиу, на территории которых он добывался, успешно им торговали, продавая его не только соседям, но и практически по всему континенту.

У племен, живших рядом с Великими озерами на территории Миннесоты, Висконсина, Мичигана и Онтарио, был настоящий культ раскуривания трубки, причем настолько сильно выраженный, что их иногда называли Люди с трубкой (Калюмэ). Слово *калюмэ* имеет французское происхождение; оно является видоизмененным словом *chalumeau*, означающим тростник или трубку из тростника (этим словом также обозначают самый нижний регистр у кларнета); использовать его для обозначения индейской трубки стали первые французские поселенцы. Действительно, трубка была настолько изысканно украшена бисером, перьями, лентами и инкрустацией, что напоминала экзотический музыкальный инструмент. Особенно богато была украшена трубка, принадлежавшая вождю племени, поскольку она считалась священным предметом.

Выкуривание трубки являлось очень важным и торжественным ритуалом, этим скреплялись все заключенные договоры. Сама трубка была гарантией мира и символом братства; ее курили, пуская по кругу, друзья, союзники и бывшие враги. Она также служила пропуском и своего рода охранной грамотой. Знаменитый исследователь и миссионер-иезуит отец Маркетт получил такую трубку от принимавших его индейцев, и она действительно явилась надежной гарантией безопасности во время его путешествия по району Великих озер, заселенному самыми разными индейскими племенами. С другой стороны, покрытая красной гирляндой трубка войны была знаком непримиримой вражды.

Приведем интересное свидетельство другого иезуитского миссионера, отца Де Смета, о ритуале раскуривания трубки индейцами этого же района.

«При праздновании любого очень важного события, при проведении любых церемоний религиозного или политического характера главная роль всегда отводится ка-люмэ. Первые клубы дыма, выпускаемые из трубки, туземцы посвящают Великому Ваконде — Владыке Мира, Солнцу, которое дает им свет, а также Земле и Воде, которые их питают и вскармливают; вслед за этим клубы дыма направляются в каждую сторону горизонта, чтобы высшие силы послали им благоприятный ветер».

Трубка играла такую же важную роль в индейских ритуалах, как кадило в ритуалах, проводимых отцом Маркеттом и отцом Де Сметом. Она и была своего рода кадилом, при помощи которого можно было направлять фимиам на священные предметы, а также к небесам. Успокаивающее воздействие трубки очень помогало сосредоточиться и соответствующим образом настроиться при обращении к высшим силам. У индейца, подобно Шерлоку Холмсу, были «проблемы на три трубки»¹.

Обращения к высшим силам с теми или иными просьбами и пожеланиями сопровождалось выкуриванием положенного количества трубок и направлением клубов дыма на три стороны.

ИНДЕЙСКАЯ МЕДИЦИНА

Когда табак впервые появился в Европе, к нему относились как к лекарству почти от всех болезней. Лишь несколько десятилетий спустя он потерял свою репутацию целительного средства, хотя до конца XVIII столетия считалось, что табачный дым очищает воздух от вредных микробов и дезинфицирует помещение, в том числе и то, где находятся больные чумой. В Северной Америке, правда, он по-прежнему использовался в лечебных целях: племенной шаман выдыхал табачный дым в уши, ноздри и рот больного, для того чтобы изгнать из него демонов.

Индейцы, как и все народы, находившиеся на низкой ступени развития, считали любую болезнь вещь неесте-

¹ Имеется в виду фраза Шерлока Холмса: «Это проблема на две трубки», т. е. что он найдет решение задачи, пока будет выкуривать две трубки табака.

ственной, рассматривая ее как следствие вмешательства злых духов и сил. У них не существовало такого понятия, как «смерть, вызванная естественными причинами». Болезнь и смерть являлись, в их понимании, следствием вмешательства злых сил или колдовства; либо же карой свыше за невыполнение или неправильное выполнение тех или иных религиозных ритуалов. При любом серьезном недуге к больному посылали шамана, который должен был выяснить, в чем корень проблемы, и предпринять соответствующие действия. В конце концов, он был специалистом по духам и демонам, как и вообще по всем вопросам, связанным со сверхъестественными силами, и поэтому приглашать к больному следовало именно его. У индейцев было очень мало традиционных рецептов, в той или иной форме не связанных с магией и волшебством.

Некоторые индейские целители ничего не брали с пациентов, поскольку работали в «службе здравоохранения» племени; те же, кто занимался частной практикой, брали оплату с пациента по строго определенным тарифам. В случае успешного лечения и выздоровления доктору почти всегда делали подарки: ведь его работа требовала больших усилий и напряжения, а подчас была и просто опасной. Злые духи могли выйти из больного и наброситься на шамана, подобно рою пчел. Во многих случаях шаману ничего не оставалось делать, как вступить с ними в борьбу, отвлекая их, по крайней мере временно, от пациента на себя. К тому же для того, чтобы выполнять свою работу, шаману требовались тяжелые и трудоемкие тренировки, чтобы поддерживать себя в форме, и было естественным предложить ему что-либо в качестве компенсации за приложенные усилия: обычно ему дарили лошадь или какое-нибудь домашнее животное. Работа шамана производила впечатление и чисто внешне: он выкрикивал заклинания, пел, бормотал что-то себе под нос, осуществлял ритуальные танцы, часами, а то и днями неотступно находился у постели больного; порой он начинал корчиться в судорогах, впадал в неистовство, бился в припадках или входил в состояние глубокого транса. Следует иметь в виду, что в случае неудачного лечения, особенно если речь шла о человеке, занимавшем в племени важное положение, шамана могли побить, а то и убить, так что у него были

все основания стараться вовсю и демонстрировать все свои способности.

Естественно, такими способностями обладал далеко не каждый индеец или индианка; женщинам также иногда разрешалось работать по этой специальности. Необходимо было иметь призвание и соответствующие способности, обладать особым даром. Такие люди выделялись среди соплеменников и держались особняком. Соответствующие наклонности и способности обнаруживались у такого человека еще в юности, а то и в детстве. Человек замыкался в себе, у него часто менялось настроение, он любил побыть один, а также побродить в безлюдных местах. Шаманам редко завидовали, поскольку им выпадала нелегкая доля; обучение и сама работа были настолько тяжелым и изматывающим делом, что в некоторых племенах молодых людей приходилось заставлять становиться на этот путь. Постоянные, изнурительные процедуры в бане, очищение, пост, нанесение себе ран ножами и камнями, протыкание языка и полового члена сосновыми иглами и шипами кактуса — все это никак не назовешь легким и приятным занятием. Более того, шаману часто запрещалось жениться, и он жил один, изолированно от своих соплеменников, которые не доверяли ему и боялись его. Тем не менее шаман занимал очень важное положение в племени: выше его был только вождь.

В работе шаман главным образом использовал чары, заклинания и известные лишь ему рецепты. Это считалось его собственным достоянием, которое ему было передано предками либо его духом-хранителем. Шаман использовал амулеты, мази и снадобья, жезлы и волшебные камни, а также бутылки из тыквы, трешотки, бубны и барабаны, различные пилюли и зелья, шаманские спицы, маски и веера из перьев. У него имелись курительные трубки и трубчатые приспособления, при помощи которых он обкуривал больного; он также опрыскивал пациента жидким лекарством либо же «высасывал» из него болезнь. Зачастую шаман был талантливым художником и делал целительные рисунки на песке — о них мы подробнее поговорим в следующей главе. Наконец, у него был «ящик шамана», представлявший собой священную связку, в которую входил ряд предметов, обладавших чудодейственной силой. Связка передавалась ему по наслед-

ству либо же была подарена его учителем и наставником или тем шаманским обществом, где он проходил подготовку и обучение. У большинства индейцев была своя личная священная связка, с которой они не расставались; но та связка, которая была у шамана, считалась наиболее сильной и чудодейственной.

Вот, например, что входило в священную связку шамана из племени виннебаго: три выпотрошенные лапы черного медведя, которые использовались в качестве сумок, в них хранились различные травы; костяная трубка, обтянутая кожей с головы орла, со вставленными в нее маленькими перьями; сама трубка была вложена в чехол из шкурки выдры; шкурка выдры со вставленными в нее перьями, закрепленными у основания кусочком кожи с головы орла; две свистелки из тростника; раскрашенная сумка в форме миниатюрного, украшенного вышивкой мокапина с прикрепленной к нему ноговицей, в которой хранились травы; сверху сумка была прикрыта клоком шерсти бизона; четыре змеиные кожи; шкурка белой ласки, в которой были травы и тростниковая свистелка; шкурка бурой ласки с травами; два спинных фрагмента змеи; костяная свистелка; голова большого баклана; голова дятла; шкурка черной белки; две связанные друг с другом маленькие деревянные куклы; высушенная орлиная лапа с когтями, держащая пучок трав и окрашенное перо; глаз животного; фрагмент грудной клетки и зубы гнедой лошади, положенные в вытканый мешок; маленькая деревянная чашка и ложка; восемь красиво вытканых круглых кисетных мешочков, сохранивших множество различных засушенных трав.

При помощи этой связки шаман совершал много разных «чудес». Многие его «фокусы» представляли собой ловкость рук и являлись чистой воды шарлатанством: например, он прятал в руке некоторые предметы, а потом «чудесным образом» извлекал их из груди или изо рта больного. Однако тут не было корыстного умысла; просто было очень важно, чтобы больной поверил тому, кто его лечит, что действия врача приведет к выздоровлению.

В случае простых травм и недугов обходились без приглашения шамана. У индейской женщины, как и у современной домохозяйки, были свои собственные рецепты.

Она знала, какие средства применять против укусов вшей, клещей, блох, комаров и других вредных насекомых, которые порой делали жизнь в поселении невыносимой. Страдавших артритом и ревматизмом отправляла в баню. Она знала, какую оказать помощь при переломах, вывихах и растяжениях; какие использовать припарки при фурункулах и кровоподтеках, что и в каких дозах давать от дизентерии и при других, менее серьезных желудочных расстройствах, а также от головной боли. В ее аптечке были такие средства, как хинин, сассафрас, дурман, рвотный корень (ипепакуана), каскара, лесной орех, которые используются и сегодня; а в Мексике и Южной Америке использовали такие ценные средства, как кураре¹, эфедра (эфедрин), а также целый набор бальзамов и сладкой камеди.

Конечно, против ряда страшных болезней и шаман, и индейская домохозяйка были бессильны. Как мы видели в первой главе, возможно, именно страшная эпидемия выкосила людей культуры анасази — создателей прекрасных скальных зданий, а оставшихся в живых заставила покинуть родные места и уйти на юг — до Рио-Гранде. Возможно, по аналогичной причине погибла высочайшая цивилизация майя, располагавшаяся на полуострове Юкатан, включая район озера Петен-Ица. Да и сама Европа потеряла треть населения, когда по ней прошла Черная Смерть. С появлением европейцев в Америке ситуация для коренного населения стала близкой к критической: ведь у них не было иммунитета против самых обычных болезней, распространенных в Европе, таких как ветряная оспа, корь, скарлатина и обычная простуда, и эти болезни унесли жизни огромного количества индейцев. Жестокие потери понесли коренные жители Америки также от гриппа, воспаления легких, туберкулеза, коклюша, дифтерии, сифилиса и других болезней, ставших настоящим бедствием для индейцев.

Наиболее смертоносными и разрушительными были две массовые эпидемии оспы в 1781 и 1837 гг. В 70-х годах XVIII столетия племена восточной части континента были уже в значительной степени покорены и ограблены белыми и вскоре должны были окончательно лишиться

¹ Помимо лечебных целей, из этого растения добывали яд для отравленных стрел.

своей земли и имущества; однако племена Равнин в то время еще жили спокойной и процветающей жизнью. В 1781 г. эпидемия началась среди испанских поселенцев в Сан-Антонио в Техасе и стала стремительно распространяться на север; по пути она унесла множество жизней команчей, перекинулась за реку Ред-Ривер и достигла канадской границы, нанеся серьезный урон черноногим, крикам и ассинибойнам; от нее также очень сильно пострадали арапахо, шошоны и кроу. Всего эпидемия унесла жизни 130 000 индейцев; численность многих племен сократилась наполовину; полностью вымерли многие поселения.

Эпидемия 1837 г. имела столь же страшные последствия. Ее распространили по всей Миссури торговцы алкоголем и экипаж судна, принадлежавшего Американской меховой компании. Последние заразили индейцев, приходивших на пристань, чтобы продать или обменять шкуры и кожу. Как и в 1781 г., большинство индейцев не догадывалось, что неизвестная болезнь является заразной, поэтому они не старались держаться подальше от зараженных судна и шкур. Также они не смогли удержаться от искушения нападать на охваченные эпидемией поселения, в результате чего заражались через добычу, захваченную у своих беспомощных противников, а также через их скальпы. Баня не помогала, а наоборот, только усиливала жар и агонию; есть много душераздирающих рассказов о том, как индейцы топились в реке, прыгали вниз со скал или перерезали себе горло, чтобы избежать ужасной боли и не дожидаться страшной и мучительной смерти. Черноногим, сумевшим восстановиться от прошлых эпидемий, на этот раз был нанесен смертельный удар. Очень тяжелые последствия имела эпидемия и для пауни, хидатсов, дакотов и ассинибойнов. Арикары потеряли 2000 человек из 4000. Племя манданов было уничтожено практически полностью. Из 1600 членов племени в живых остался лишь 31 человек; они буквально доползли до поселений родственников им хидатсов в поисках пристанища и защиты. Кроу и шошонам удалось остаться почти невредимыми. Пережив ужас невидимой смертоносной болезни 50 лет назад, на этот раз они спешно снялись и ушли высоко в горы под защиту благотворного и чистого горного воздуха.

Развивалась бы новая история Америки по-другому, не будь этих эпидемий? Пришлось бы молодому американскому государству, только что взявшему под полный контроль восточную часть континента, столкнуться с более серьезным сопротивлением индейцев Равнин, моральный дух которых был бы выше, а численность больше? Конечный результат был бы, безусловно, таким же. Остановить продвижение белых людей на запад было так же невозможно, как остановить Джагернаут¹.

Но индейцы сохранили бы больше сил и энергии, что позволило бы им в значительно большей степени мобилизовать свои внутренние духовные силы в наступающий период, когда они оказались морально сломлены и потерпели полное и окончательное поражение. А так в 70—80-х гг. XIX в. белые солдаты и переселенцы столкнулись с ослабленным противником, которого они без особых усилий просто презрительно отшвырнули в сторону со своего пути.

СМЕРТЬ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

В разгар эпидемий индейцы, жившие на Равнинах и в южных районах Канады, привыкли к видам обезлюдевших сел и горам трупов, лежавших по всему поселению. Однако каково было в целом отношение индейцев к уходу из жизни, непосредственно к смерти, а также к умершим?

В первую очередь следует подчеркнуть, что, несмотря на очень серьезное отношение к этим вопросам со стороны людей древних культур хоупвелл и Миссисипи (а у возводивших маунды людей культуры Миссисипи, как уже отмечалось, существовал настоящий культ умерших), индейцы более поздних времен относились к ним намного спокойнее. В том, что касалось смерти, индеец был фаталистом. Когда приближался момент смерти, будь то естественная смерть, смерть в бою, под пытками врагов или на виселице белого человека, он просто начинал петь свою песню смерти. Это была его личная, самая главная песня, к исполнению которой он готовился всю жизнь, чтобы исполнить ее

¹ В индийской мифологии *Д ж а г е р н а у т* — несокрушимая колесница; одно из воплощений бога Вишну.

в самый важный и ответственный момент своей жизни. От этого протяжного гортанного пения застывала кровь в жилах у тех белых людей, которые ее слышали.

Саму смерть индеец воспринимал стоически. Он выказывал свое полное безразличие к ней, подобно мусульманину, который просто принимает волю Аллаха. Он совершенно не суетился и был абсолютно спокоен. О смерти в старости жалеть было нечего. У эскимосов, например, а также некоторых племен Равнин, в частности у апачей, старых людей иногда просто оставляли умирать, если у сообщества было очень трудное материальное положение и оно переживало трудные времена, а также в том случае, если старые люди были слишком слабы, чтобы кочевать дальше вместе с племенем. Индейцы спокойно смирялись со своей судьбой. Больше смерти они боялись мучений от рук врагов как до, так и после нее. У многих племен считалось, что снятие скальпа убивает душу скальпированного; если человек задушен, то гибнет от удушья и его душа; а если лицо умершего обезображено, то с таким лицом он отправится в иной мир. На людей с изувеченными лицами ложилось проклятие, и они были обречены после смерти скитаться по миру живых в виде призраков и оборотней.

После смерти человека его родственники громко оплакивали его и скорбели; эта церемония могла продолжаться до четырех дней. Скорбящие били себя в грудь, рвали на себе волосы и наносили себе ножевые раны. Мужчины также участвовали в оплакивании, чтобы, раз отскорбев и отгоревав, впоследствии никогда не допускать в себя горечи и печали по этому поводу. У натчезов, унаследовавших древнемексиканские традиции в этом вопросе, похоронная церемония сопровождалась жестокостями и кровопролитием. В случае смерти правителя Великое Солнце или Великого Военачальника, согласно ритуалу, убивали также их родственников, ближайших приближенных и рабов, чтобы все они сопровождали умершего на его пути в вечность. Однако этот ритуал, как и многое другое, связанное с натчезами, был исключением среди индейцев, хотя было общепринятым убивать коня или собаку умершего и хоронить вместе с хозяином, чтобы они служили ему в ином мире.

Церемония погребения или кремации обычно была довольно простой. В первом случае человека помещали в

могилу, а рядом с ним клали его вещи и оружие, а также воду и пищу, чтобы он поддерживал силы по пути в мир иной; во втором — умершего клали на настил, лежавший на опорах, и тело предавали огню. Иногда людей хоронили в пещерах, в скальных расщелинах или под большим камнем. У тетон-дакотов было принято класть тело умершего в раздвоенный или разветвляющийся ствол дерева, где его так и оставляли.

Индейцы редко сколько-нибудь явно помечали места захоронений. Не считая эпохи строительства маундов, у индейцев не было принято устанавливать надгробные памятники или знаки. Землю на месте захоронения разравнивали, а иногда на ветку над этим местом прикрепляли кусок материи, наподобие флага. Через некоторое время об умершем уже ничто не напоминало. Он тихо и неприметно растворялся в Матери-Земле, откуда он пришел в этот мир. Для того чтобы полностью ликвидировать все его следы пребывания в мире живых, сжигали его одежду, жилище, домашнюю утварь. Хотя у некоторых племен процедура скорби по умершему могла продолжаться до года, предпринимались самые энергичные усилия, чтобы от человека не осталось никакого следа. Запрещалось не только произносить его имя, но также, в течение определенного времени, даже слова, из которых можно было составить хотя бы часть имени умершего. Такие запреты кажутся нелепыми, тем не менее они строго соблюдались. Иногда приходилось «переделывать» родословную всего рода или племени, для того чтобы вычеркнуть из нее какого-то видного его члена.

Насколько индейцы не боялись смерти, настолько же панически боялись они духов и призраков. Как бы хорошо к человеку ни относились при жизни, после смерти он должен был навсегда оставаться в мире умерших и никогда, ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в дела живых. Считалось, что если человек принял смерть должным образом, то после смерти он обретал мир и покой. Только пораженные проклятием, злом или несчастьем продолжали бродить после смерти по миру живых.

Большинство индейцев имело очень слабое представление о том, что происходит с душой человека после смерти, даже если смерть была подобающей и достойной. Многие племена не верили в загробную жизнь, но боль-

шинство считало, что иной мир представляет собой просто сказочное место, где всегда светит солнце, леса полны животных, а реки кишат рыбой. До появления христианских миссионеров индейцы не имели такого понятия, как ад, куда человек попадает после смерти в качестве наказания. Они также не считали, что после смерти человек попадает на Землю Счастливой Охоты или Землю, Где Много Типи, в качестве награды за какие-то прижизненные заслуги. Каждый умерший имел право попасть туда. Воин, павший в бою, не мог рассчитывать на какие-то посмертные привилегии, за исключением того, что он мог встретиться со своими погибшими товарищами. В целом индейцы, как и большинство народов, находившихся на низкой стадии развития, предпочитали думать об этом мире, а не о каком-то ином. В отличие от западного человека, которого как религия, так и постулаты социализма и коммунизма призывают сконцентрировать внимание на «счастливом завтра», а не на «плохом сегодня», индейца не интересовали картинки совершенного человеческого общества. Он не был утопистом. Он жил сегодняшним днем и хотел получить от него максимум возможного.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КУЛЬТЫ

За последние четыре столетия в результате контактов с белыми людьми у индейцев появился целый ряд религиозных культов и обрядов, о которых следует упомянуть даже при самом кратком рассмотрении вопроса о религиозных верованиях индейцев.

Более 30 000 лет жизнь индейцев, в том числе религиозная, не была подвержена внешнему воздействию; индейские племена лишь взаимодействовали между собой. Картина изменилась коренным образом с появлением в начале XVII в. испанцев. Последний непродолжительный этап борьбы индейцев за сохранение своей независимости и образа жизни был отмечен неизбежным воздействием и усиливавшимся влиянием вторгнувшегося белого человека как в материальной, так и в культурной области.

Индеец, вся жизнь которого была буквально пронизана и пропитана религиозными верованиями и окутана ре-

ШАМАНЫ

лигиозным ореолом, не смог устоять перед чарами веры белых людей. В ходе войн с белыми он убедился, что Бог белых является более могущественным, чем Великий Дух, которому поклонялись индейцы. На него успехи белых производили особо сильное впечатление, поскольку его собственная вера была основана на том, чтобы обращаться к высшим силам с просьбой послать успех в том или ином деле; а в данном случае успех был явно на стороне белых. Значит, вера белых была более сильна, их религия — более действенна. Поэтому индейцы либо включили в свои религиозные верования некоторые элементы христианства, либо вообще отказались от прежней веры и обратились в новую, либо, наоборот, еще тверже стали следовать вере отцов, не допуская никакого проникновения религии белого человека.

Индейцы пуэбло впервые столкнулись с испанцами в 1540—1541 гг. во время похода Франсиско Васкеса де Коронадо по Рио-Гранде (в ходе него он достиг Канзаса, а один из его подчиненных обнаружил Большой каньон).

В течение столетия испанцы открыли религиозные миссии в Техасе, Нью-Мексико и Аризоне; в Калифорнии они появились лишь в 1776 г. в результате крупного похода Хуана Батиста де Анца. К этому времени испанцы уже имели твердые позиции во Флориде и Луизиане, где также были открыты религиозные миссии.

Сегодня в пуэбло Рио-Гранде можно увидеть настоящий сплав традиционных индейских религиозных верований и традиций римской католической церкви. На индейцев пуэбло простые проповеди францисканских и иезуитских монахов о нестяжательстве и целомудрии произвели столь же сильное впечатление, как за столетие до этого на мексиканцев. Их также сильно впечатляло и то, что священники продолжали приезжать и принимать мученическую смерть и после того, как в ходе ряда индейских восстаний десятки священнослужителей были убиты, а их тела брошены на их же алтари. Наверное, Бог, который давал им силы, был действительно очень могуществен. Однако святые отцы не относились к традиционным индейским верованиям с такой же терпимостью. Католическая церковь с помощью светских властей попыталась искоренить индейскую веру. Это привело в 1680 г. к мощному восстанию индейцев пуэбло на Рио-Гранде,

в результате которого испанцев вышвырнули вон из Нью-Мексико на целых 12 лет.

Однако в конце концов христианская вера благодаря убедительности ее подвижников и хорошей церковной организации глубоко проникла в традиционные индейские верования, и они стали вполне мирно сосуществовать вместе. Традиционные индейские ритуалы и религиозные праздники продолжались; по-прежнему на них исполнялись Пляска кукурузы, Пляска оленя, Пляска змеи; люди были в тех же ритуальных одеждах и так же проводили церемонии и обряды внутри святилищ — кив, но во время праздника также можно было увидеть образы христианских святых и самого Иисуса Христа. Праздник открывался торжественным крестным ходом, во время которого выносили распятие или образ одного из святых. На площади пуэбло выставлялись расписанные цветными красками фигуры Иисуса Христа и Девы Марии; рядом с ними были фигуры бога кукурузы и Эрнандо Кортеса.

В другой части континента, на северо-востоке, картина была иная. Этот район являлся зоной влияния англичан и французов; и хотя относящиеся к одному из ответвлений христианства квакеры оказали некоторое влияние на местных индейцев, в основном те самым решительным образом пытались защитить веру отцов от какого бы ни было проникновения религии белого человека.

В начале 60-х гг. XVIII столетия в Мичигане объявился индеец из племени делаваров, которого стали называть Делаварским пророком. Он рассказывал о посетившем его видении, согласно которому индейцы смогут отстоять свою свободу и независимость, если объединятся, будут относиться друг к другу как братья, откажутся от алкоголя, огнестрельного оружия и будут поклоняться только лишь Великому Духу. Учение Делаварского пророка быстро распространилось по центральным и северо-восточным районам континента; именно оно вдохновило алгонкинские племена на крупное восстание против англичан, которое возглавил знаменитый вождь оттавов Понтиак. В 1763 г. восставшие захватили девять английских крепостей, разгромили колонну английских войск и осадили Форт-Детройт. Но к 1765 г. учение Делаварского пророка в значительной степени утра-

тило свое влияние; сам Понтиак потерял веру в успех, и его авторитет был в значительной степени подорван¹.

Сорок лет спустя шаман из племени шауни по имени Тенксватава (Открытые Двери) вдохновил своего брата, великого индейского вождя Текумсе (Летящая Стрела), предпринять решительную попытку объединить индейские племена и создать единое индейское государство. Тенксватава, как и Делаварский пророк, призывал отказываться от всего, что несли с собой белые люди, и быть верными традиционным индейским ценностям в их первоизданной чистоте. Однако именно Тенксватава помешал пожать плоды столь блистательно проведенной Текумсе работы, в результате которой он организовал широкую коалицию индейских племен вокруг возглавляемых им шауни с центром в его родном поселении в долине Огайо².

Несмотря на категорический запрет Текумсе, Тенксватава убедил индейских воинов осуществить авантюристическое и совершенно неподготовленное и неуместное нападение на позиции американских войск в Типпеканоз, внушив им, что они неуязвимы для американских пуль.

С гибелью воинов погибло и их дело. На следующий год Текумсе получил звание бригадного генерала английской армии³.

¹ Большинство индейских племен, стоявших под Форт-Детройтом, ушли, и Понтиак фактически остался один вместе со своими оттавами. Он вынужден был отказаться от осады и ушел на территорию, традиционно занимаемую оттавами, где вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах. Одна из причин неудачи восстания состояла в том, что у индейцев не было опыта осады и штурма большой и мощно укрепленной крепости.

² В 1807 г. Текумсе, действуя исключительно политико-дипломатическими методами, организовал проведение конгресса представителей всех индейских племен американского востока, который потребовал от Соединенных Штатов вести переговоры о приобретении индейских земель не с отдельными племенами, а «только с представителями всего индейского народа»; это требование было подтверждено на конгрессе в 1811 г.; американцы были почти на грани того, чтобы признать независимую Индейскую конфедерацию.

³ После начала в 1812 г. войны между Англией и Соединенными Штатами Текумсе принял сторону англичан, которые присвоили ему звание бригадного генерала английской армии. Текумсе погиб 5 октября 1813 г. в бою на канадской реке Онтарио. В свой последний бой он пошел не в парадной форме английского генерала, а в одеянии индейского воина — в рубахе из оленьей шкуры, с индейскими знаками отличия.

Религиозное учение Делаварского пророка и Тенксва-тавы оказало более глубокое воздействие и пустило более глубокие корни, чем можно было предположить. Оно постепенно и незримо вызревало, и именно оно вдохновило индейцев оказывать длительное сопротивление белым в 70—80-х гг. XIX в., на последнем этапе их борьбы за независимость. Именно это учение лежало в основе культа откровений, который стал проповедовать таинственный и обладавший выдающимися способностями мистик Смоалла, объявившийся в штатах Орегон и Вашингтон в 60-х гг. XIX столетия. Смоалла родился в индейском поселении в штате Вашингтон, которое было расположено в месте слияния рек Снейк и Колумбия. Он был воспитан в традициях римской католической церкви. Его родственники происходили из индейцев неперсе и йакима. Смоалла считал, что он погиб в ходе военных действий, в которых участвовали йакима в 1855—1856 гг., но потом был воскрешен Великим Духом. Из-за его способности впадать в глубокие трансы последователи стали называть его Получающим Откровения. Смоалла считал, что Великий Дух первоначально создал только индейцев, и поэтому они являются первородными людьми и имеют право считаться хозяевами всей земли. Он призывал следовать старым традициям и ритуалам; в то же время им был предложен новый ритуал, получивший название Пляска откровений, который должен был помочь человеку войти в состояние, когда он был бы способен воспринимать откровения и видения. Смоалла хотел, чтобы его учение несло мир; в то же время, когда индейцы неперсе во главе со своим вождем Джозефом подняли в 1877 г. восстание, вызванное тем, что американцы постоянно угоняли их скот, именно учение Смоаллы вдохновляло их вести мужественную и длительную борьбу, хотя, в конце концов, она и окончилась неудачей.

Смоалла был духовным основоположником самых разных вариаций культовых ритуалов, родственных Пляске откровений и Пляске духа. Некоторые из них носили мирный и созерцательный характер, а некоторые, наоборот, подталкивали к насилию. От Орегона и Вашингтона и далее, по всей Калифорнии, получили распространение культ земляного дома, культ теплого дома и культ священного дерева. Все они заимствовали элементы традиций римской католической церкви, но в очень своеобраз-

ной и неожиданной интерпретации. Другое своеобразное религиозно-духовное направление возникло на границе между Невадой и Калифорнией; здесь объявился пророк Водзивоб, происходивший из индейцев павиоцо, который в 1869 г. предложил свою вариацию Пляски духа. Участники ритуала двигались вокруг тотемного столба по часовой стрелке, взявшись за руки, и исполняли песню, слова которой Водзивоб услышал во время посетившего его видения. Несмотря на внешнюю простоту, ритуал был эмоциональным и очень красочным, как и многие другие схожие ритуалы, родившиеся в Орегоне, Вашингтоне и Калифорнии. Для Западного побережья вообще были характерны красочные обряды и ритуалы.

Водзивоб был по характеру лидером, и он передал свои полномочия человеку такого же типа. Его звали Вовока; он был сыном одного из основных последователей и учеников Водзивоба.

Его также называли Джон Уилсон, в честь белого фермера, который усыновил и вырастил его. Вовока был из племени северных пайутов, живших в Неваде. В 1888 г. он серьезно заболел, причем это совпало по времени с солнечным затмением. Как и Смоалла, он считал, что умер и был позднее воскрешен. «Когда солнце умерло, я оказался на небесах. Я увидел Бога и много людей, которые давно умерли. Бог сказал мне, чтобы я вернулся к моему народу и передал им, чтобы они хорошо относились друг к другу и любили друг друга, не враждовали и не воевали между собой, не крали и не лгали. Он также дал мне танец, который я должен был передать моему народу».

Вариация Пляски духа, предложенная Вовокой, быстро распространилась вдоль всей Миссури, по району Скалистых гор и Великим Равнинам. Ее исполнение должно было привести к возрождению индейцев: умершие воскреснут, индейцы снова станут хозяевами своей земли; крупных животных, как и раньше, опять будет в изобилии. Как и при исполнении вариации Водзивоба, участники ритуала двигались по кругу, взявшись за руки, причем на их одежде были нарисованные магические знаки, которые должны были сделать их неуязвимыми от пуль белых людей. Ритуал продолжался в течение четырех ночей подряд.

Вовока, как и Смоалла, хотел, чтобы его учение несло мир. Но индейцы Равнин, по натуре очень страстные и эмоциональные, объединили вариацию Вовоки с Пляской солнца и стали исполнять Пляску солнца и духа. Вскоре жившие в этих же районах белые переселенцы столкнулись с настоящим танцевальным безумием и неистовством. Особенно яростно и страстно этот ритуал исполняли сиу. Когда для поддержания порядка был послан 7-й кавалерийский полк американской армии, это привело к кровопролитию. 29 декабря 1890 г. в Вундед-Ни были убиты 200 сиу: мужчины, женщины и дети. Вовока был потрясен этой трагической новостью; он внес серьезные изменения в свое учение, подчеркивая необходимость немедленно искать компромисс с белыми и учиться сосуществовать с ними. Умер Вовока в Неваде в 1932 г.

Однако неистовое безумие и одержимость Пляской духа и солнца охватило весь район Равнин и вдохновляло те племена, которые во главе со своими вождями вели полномасштабную вооруженную борьбу с американцами в 70—80-х гг. XIX столетия. Но даже после того, как вожди сиу Бешеный Конь и Сидящий Бык проиграли свои последние сражения и погибли от рук своих белых врагов, Пляска духа по-прежнему оставалась символом возрождения и надежды. Такие ее приверженцы, как Альберт Хопкинс, Фрэнк Уайт, Черный Бизон, Тоший Бизон, Дейткан, Пэйнгья и Деревянное Копье, познакомили с этим ритуалом кайовов, шайенов, арапахо, вичитов и пауни. От них менее известные проповедники и духовные лидеры разнесли ритуал надежды практически по всем местам, где были созданы индейские резервации. Единственным крупным племенем, не принявшим Пляску духа, были навахо. Причина была проста и традиционна — они боялись духов и призраков. Перспектива того, что в результате этого ритуала из могил поднимется целый сонм умерших — чинди, — удерживала навахо от его исполнения.

Рассмотрим теперь вкратце распространенное в южных районах течение, не имевшее никакого отношения к Пляске духа и Пляске откровений, но основой возникновения которого стала последняя фаза Пляски солнца. Его основоположником и проповедником был пророк из племени команчей Исатай.

Исатай, так же как и другие проповедники, говорил о том, что он был на небесах и встретился с Великим Духом лицом к лицу, после чего стал обладать даром воскрешать умерших, а также о том, что его приверженцев не берут пули белых людей. В 1873 г. он убедил индейцев из объединенных сил команчей, шайенов и кайовов предпринять необоснованное и неподготовленное нападение на укрепленный лагерь белых охотников на бизонов в Адоб-Воллз, после чего его авторитет и влияние сошли на нет. Свои полномочия он передал молодому и прагматично настроенному вождю Куана Паркеру. Хотя тот и капитулировал в 1875 г. перед американскими войсками, ему удалось создать конфедерацию команчей, кайовов и апачей, которая оказалась вполне действенной и полезной.

«Я знаю, как иметь дело с белыми», — говорил он. В течение 30 лет Паркер неоднократно посещал американскую столицу Вашингтон в качестве руководителя делегаций индейцев и проявил себя умелым переговорщиком. Времена изменились. Необходимы были новые методы сопротивления белому человеку. События в Вундед-Ни показали, что вооруженному противостоянию пришел конец. Необходимо было искать способы сосуществования с белыми, поэтому любые ритуалы, которые, пусть и непреднамеренно, могли привести к волнениям, становились не только бесполезными, но и вредными. Возглавляемые Паркером команчи, апачи и кайовы в сотрудничестве с другими племенами предложили новое течение — пейотизм, или культ пейотля, которое хотя и являлось более сдержанным и спокойным по форме, но по содержанию было столь же яростной и непримиримой, как и прежде, борьбой за сохранение традиционных индейских ценностей и ограждение их от проникновения чуждой им белой культуры.

Пейотль представляет собой небольшое растение семейства кактусовых, часто встречающееся на территории Мексики и штата Нью-Мексико. Он содержит вещество, вызывающее цветные галлюцинации, действующие до 24 часов; в то же время растение не создает наркотической зависимости. Его активно использовали в Мексике еще в древности; затем, в 40-х гг. XIX в., оно попало на Рио-Гранде и Равнины. В 1890 г. популярность культа пейотля резко возросла благодаря усилиям Джона Уилсо-

на, в жилах которого текла индейская (его родные были из племени делаваров) и французская кровь (не путать с Вовокой, которого также называли Джон Уилсон). Уилсон явился основоположником нового направления, которое он назвал культ луны. Его вдохновил на это ритуальный сбор, посвященный Пляске духа, который состоялся в Оклахоме под руководством Сидящего Быка.

Культ луны должен был направить индейца «по пути пейотля», что в конечном итоге должно было привести к возрождению традиционных индейских ценностей. Культ луны первоначально отвергал любые элементы религии и культуры белых людей; но после безвременной смерти Уилсона его последователи стали все больше подпадать под влияние таких религиозных направлений, как святые последнего дня, свидетели Иеговы, Церковь коренных американцев. Пророк из племени виннебаго Джон Рейв предложил своеобразный вариант соединения христианства и язычества: приверженцам пейотля должно было открыться видение слияния Великого Духа с Иисусом Христом. Согласно этому учению, белый человек отверг Иисуса Христа, и он, таким образом, стал Спасителем индейцев.

Культ пейотля получил широкое распространение по всей территории Америки и Канады; при этом всячески подчеркивался и его целительный и врачующий характер. Со временем он полностью сомкнулся с Церковью коренных американцев. Это направление подверглось гонениям, как и другие, связанные с религиозными верованиями индейцев. Пляска солнца и Пляска духа были официально запрещены в 1880 г. и могли исполняться только тайно; принятый Перечень нарушений религиозного характера строго соблюдался до 20-х гг. XX столетия. Эта политика была пересмотрена лишь в 1934 г., когда уполномоченным по делам индейцев при президенте Ф. Рузвельте стал такой знаменитый и выдающийся человек, как Джон Кольте. Он заявил: «С настоящего момента не допускается никакое вмешательство в религиозную жизнь индейцев или церемонии, являющиеся ее проявлением». Сегодня Церковь коренных американцев имеет 250 000 приверженцев; еще столько же индейцев являются приверженцами пейотля. Применение пейотля не запрещено американским федеральным законодательством, хотя оно запрещено законодательством многих штатов. Племенной совет

ШАМАНЫ

навахо запретил использование пейотля, но многие навахо все равно продолжали регулярно употреблять «священный пейотль».

Следует отметить, что одна из главных целей всех вышеупомянутых ритуалов состояла и состоит в том, чтобы покончить с алкоголизмом среди индейцев. «Огненная вода», завезенная белыми, нанесла в конечном итоге индейцам ничуть не меньший урон, чем ружья белых и болезни. Испанцы, англичане, французы и американцы пытались при помощи алкоголя подорвать физические и духовные силы индейцев, их силу воли и самоуважение. И европейцы и американцы сразу поняли, что с учетом тяги индейцев к видениям и откровениям и достижению экстатического состояния им очень легко привить пагубную страсть к алкоголю, который позволяет испытать в течение короткого времени иллюзию того, к чему они стремятся. Позднее, когда и культура индейцев, и весь их образ жизни стали рушиться, алкоголь стал для них средством ослабить чувство горечи и стыда. Пляска откровений, пляска духа и культ пейотля должны были оторвать индейца от бутылки, позволить достигать столь необходимого для него, особенно в условиях кризиса культуры, экстатического состояния, но разумными способами, которые не подрывают его силы, а, наоборот, укрепляют и мобилизуют.

Мы более подробно остановимся на проблеме алкоголизма среди индейцев в последней главе, посвященной современному состоянию жизни североамериканских индейцев.

Глава 6

ХУДОЖНИКИ

Индеец жил в неразрывной связи с природой, относясь к ней с трепетом и глубоким почтением; он постоянно обращался в своих молитвах к духам и силам, воплощавшим ее, пытаясь умилоствовать и задобрить их. Его связь с природой была одновременно и прочной, и хрупкой: с одной стороны, она давала ему средства к жизни, с другой — постоянно напоминала и предупреждала о том, каким уязвимым созданием является человек и насколько менее и хуже он приспособлен к жизни в окружающем его мире, чем другие живые существа, находящиеся рядом с ним. Поэтому неудивительно, что в искусстве индеец пытался выразить свои глубоко личные чувства и ощущения, связанные с окружающим миром, — свои страхи, надежды и верования, которые жили в самой глубине его души.

Искусство индейцев было глубоко связано с их религиозными верованиями. К сожалению, в связи с разрушением традиционного образа жизни и старых религиозных верований и традиций была утрачена и способность как выражать, так и понимать тот, глубочайший внутренний смысл, который был заключен в произведениях индейского искусства в период его расцвета. Этот смысл является сегодня недоступным не только белым искусствоведам, но и большинству самих индейцев. Как и искусство белого человека, индейское искусство сегодня является приятным приложением к жизни, причем легким и поверхностным; своего рода изящным жестом и улыбкой, посылаемой жизни. Оно уже больше не подпитывается той могучей и непреодолимой силой и мощью, которая обеспечивалась прямой связью с затаенным в глубинах человеческой души источником всей гаммы человеческих чувств и страстей. Лишь в тех немногих местах, в частности кое-где на юго-западе и

северо-западе, а также в арктических районах, где традиционный образ жизни и культурные традиции удалось в значительной мере сохранить, могут иногда промелькнуть образцы подлинного индейского искусства.

Другая причина того, что индейское искусство в целом остается непонятым и недооцененным, состоит в том, его произведения выполнены в непривычном стиле. Западные люди, возможно, уделили бы ему больше внимания и изучали бы его более серьезно, если бы оно относилось либо к реализму, либо к абстракционизму, поскольку оба этих стиля на Западе хорошо известны. Однако традиционное искусство индейцев не является ни реалистическим, ни абстракционистским. Оно схематично и символично, и в этом оно напоминает искусство Древнего Египта. Древнеегипетская настенная живопись считалась забавной, необычной и «любительской», поскольку внешний рисунок выглядел очень простым и наивным. Древнеегипетская скульптура была удостоена большего внимания критиков и специалистов, поскольку ее отнесли к «реалистической», хотя она столь же пропитана символическим и религиозным смыслом, как и живопись. Индейское искусство пострадало от подобных же ошибочных и упрощенных оценок.

Индейское искусство никогда не ставило целью объективно отразить внешний мир. Его интересовала не внешняя сторона вещей; оно было обращено вовнутрь, его волновали прежде всего отзвуки и проявления внутренней жизни человека: видения, откровения, заветные мечты, чувства и ощущения. Это питало и самого художника, и это же он хотел увидеть в объекте своего творчества. В индейском искусстве эстетическое начало не было на первом плане, хотя у индейцев это чувство было очень сильно развито. Его главной задачей было передать и выразить некий таинственный, мистический смысл. Даже рисунки и изображения на одежде и домашней утвари носят оберегающее и врачующее предназначение; выражают связь со священным духом-хранителем или служат магическими символами, которые должны обеспечить удачу и процветание. Индейский художник, как и его древнеегипетский коллега, не стремился к написанию точного портрета человека или изображения животного. Его интересовала не внешняя оболочка, а душа и скрытая внутренняя сущность всего того, что его окружало. А как еще можно

передать и изобразить такую тонкую и неуловимую вещь, как душа, если не через символы и другие подобные средства передачи своих ощущений и самовыражения?

За исключением памятников архитектуры, американские индейцы, судя по всему, не создали большого количества произведений искусства. Мы могли убедиться, что произведения древних строителей скальных поселений и маундов не уступают образцам как древней, так и средневековой европейской архитектуры. С другой стороны, в Северной Америке не было обнаружено — по крайней мере пока — ничего, что можно было бы сравнить с шедеврами настенной живописи, найденными в Альтамире, в Испании, или не менее знаменитыми образцами наскальной пещерной живописи в Ласко, во Франции. Сохранились лишь несколько скромных наскальных рисунков на возведенных в скалах «домах-поселениях», но они были сделаны индейцами навахо, появившимися здесь спустя много лет после того, как эти места покинули создатели этих уникальных архитектурных сооружений. Несколько рисунков было обнаружено и на стенах кив, доступ в которые был разрешен. Возможно, конечно, что ряд шедевров настенной живописи может быть обнаружен внутри кив, в ряде пуэбло, когда туда будет открыт доступ посторонним; ведь ряд памятников живописи и скульптуры Древнего Египта тоже был длительное время скрыт от посторонних глаз. Однако вполне вероятно, что сколько-нибудь значительное количество памятников индейского искусства так и не будет обнаружено. У индейцев просто не было склонности и желания их создавать. Исключение, о котором следует упомянуть, составляли художники и мастера резьбы по дереву северо-западных районов тихоокеанского побережья. Они украсили настоящими шедеврами стены знаменитых «длинных домов», а также опорные столбы жилых домов, столбы у мест захоронений, памятные столбы и знаменитые тотемные столбы (выражение «тотемный столб», хотя оно и применяется часто, является неправильным; на столбе изображались не только священные символы; это могли быть просто эмблема или отличительный родовой знак).

Единственным серьезным сходством между искусством Нового и Старого Света было использование специфических средств изображения — пиктографов, или петроглифов. Петроглифы — это смысловые знаки или символы,

которые нарисованы, выдолблены или высечены на поверхности скалы, камня, в скальном укрытии или углублении, а также на стенах пещер. Они встречаются практически по всей Северной Америке. В качестве знаков-символов иногда используются человеческие фигурки, вытянутые и продолговатые, а также ступни, руки, ноги и пальцы. Более часто встречаются геометрические фигуры различной формы (круглой, овальной, квадратной, треугольной, трапецевидной) и их комбинации, а также удивительные ансамбли из своеобразно изображенных животных, птиц, пресмыкающихся и насекомых или их фрагментов. Иногда петроглифы изображены очень кучно, практически сведены в своего рода большое пятно, а иногда изображение одиночно, причем в отдаленном и труднодоступном месте.

Что петроглифы означали? Для чего были нарисованы? В некоторых случаях их, возможно, нанесли просто так, «от нечего делать», без какой-либо определенной цели. Какие-то «надписи», вероятно, оставили влюбленные, чтобы таким образом выразить свои чувства. Возможно, их оставили охотники, коротая время, пока поджидали добычу, или делая пометки о добытых трофеях. Может, это была памятная запись о встрече различных племен, собравшихся для того, чтобы заключить договор. Многие знаки имеют, скорее всего, отношение к охоте: это, возможно, своего рода «заговор» или талисман на удачную охоту. Но ряд из них, вполне вероятно, имеет сугубо личный характер: молодые люди, которые специально уходили, чтобы уединиться в безлюдном месте и получить откровение от духа-хранителя, могли оставить личный знак, чтобы выразить таким образом свои ощущения и впечатления. Автор этой книги часто поднимался на холм в долине в окрестностях Карризо в штате Нью-Мексико. На его вершине, на камнях вулканического происхождения можно увидеть тысячи петроглифов самой разной формы, размера и представляющих самые различные сюжетно-смысловые комбинации. Они были нанесены 500—1000 лет назад людьми культуры *джорнада*, являющейся ветвью культуры *могальон*, которая, в свою очередь, имеет отдаленное родство с культурой хохокам. Находясь там, испытываешь ощущение, что находишься в священном месте и стоишь на священной земле, а эти знаки — не случайные каракули, а нечто очень таинственное и важное.

То, что североамериканский индеец не был увлечен монументальными видами искусства, в значительной степени объясняется тем, что он вел в основном кочевой образ жизни. Еще в большей степени это, возможно, объясняется его священным страхом и трепетом перед природой, боязнью и нежеланием нанести какой-либо ущерб живому окружающему миру. Природа была для него священна. Даже во время передвижений с одного места на другое он старался делать это таким образом, чтобы причинить природе как можно меньше ущерба. Он пытался не оставлять следов, ступая по земле, передвигаясь буквально «на цыпочках»; не сломать ни одной ветки, не сорвать ни одного листка; убирал с лица земли все следы от кострищ и лагерных стоянок. Он пытался передвигаться подобно легкому ветру. И как мы видели, старался, чтобы даже его могила была скромной и незаметной. Некоторые индейцы длительное время отказывались от использования предлагаемого белым человеком плуга, хотя и занимались сельским хозяйством, поскольку опасались, что железный лемех, врезаясь в тело матери-земли, причинит ей боль.

Однако, хотя индеец был практически незнаком с теми видами искусства, которые считаются наиболее значительными (хотя миниатюрное произведение искусства может быть столь же искусно выполнено и представлять такую же ценность, как и фреска), но в создании «домашних», бытовых вещей он достиг высочайшего уровня. Оружие, одежда, украшения, предметы и для религиозных ритуалов являлись образцами выдающегося мастерства. На этом уровне индейцы Северной Америки не имели себе равных. К тому же, в отличие от нашего общества, у индейцев художественные и творческие способности не были уделом лишь ограниченного круга лиц. Индейцы не считали эти способности каким-то исключительным даром. Есть все основания полагать, что насколько быстро эти способности гаснут и затухают в нашем обществе, настолько широко они развивались и распространялись среди индейцев. Практически любой индеец мог сделать кувшин или другое узорное изделие из керамики, сплести корзину, сшить кожаную одежду, изготовить конскую сбрую или нанести красками узор на боевой щит или палатку-типи. Большинство индейцев имели «золотые» руки и «живые» пальцы. Этому научили их условия жизни; а их постоянный контакт и общение с ми-

ром живой природы, божеств и священных духов, откровений и видений, магических знаков и символов был нескончаемым источником творческого вдохновения.

Опять же подчеркнем, что те образцы индейского искусства, которые сегодня можно увидеть в галереях и музеях, на самом деле не представляют подлинное, традиционное индейское искусство в том виде, в котором оно тогда существовало. Индейцы создавали шедевры из недолговечных материалов: кожи, дерева, перьев, шкур. Те образцы, которые, несмотря на их активную эксплуатацию и природное воздействие, сохранились и по сей день, редко когда были сделаны ранее середины XIX в., то есть уже в ту эпоху, когда влияние белого человека и его культуры было достаточно ощутимым. Предметов из более раннего периода до нас, к сожалению, дошло крайне мало. Как только европейцы появились на континенте, они немедленно начали торговать с индейцами, обменивая на мех и пушнину ножи, топоры, ружья, стеклянные бусы, колокольчики и бубенцы из латуни, металлические пуговицы, а также шерстяные и хлопчатобумажные ткани яркой расцветки. Можно сказать, что с середины XVIII в. индейцы уже подпали под влияние моды и вкусовых пристрастий белого человека. С одной стороны, ассортимент одежды и украшений у индейцев расширился, а с другой — их вкус, традиционно тонкий и изысканный, огрубел в ходе контактов с промышленной цивилизацией. Значительная часть того, из чего состояли те яркие и пышные наряды, в которых индейские вожди изображены на фотографиях XIX в. и которые вызывают у нас такое восхищение, была куплена у торговых компаний белых людей либо у белых лоточников.

Однако использование европейских материалов массового производства отнюдь не всегда наносило ущерб индейской культуре и искусству. Хотя они несли, с одной стороны, внешнюю мишурную пестроту и яркость, но, с другой, давали возможность индейцам вполне проявить свое богатое воображение и реализовать тягу к ярким и богатым цветовым палитрам, поскольку краски только природного происхождения и те материалы, которыми они пользовались раньше, не имели такого цветового многообразия, как промышленные, а подчас были неяркими и блеклыми. Конечно, влияние европейцев не было лишь

поверхностным. Оно серьезно изменило вкусы, моду и фасон в одежде, да и саму внешность индейцев. До контактов с белыми индейские мужчины не носили курток, рубах и вообще верхней одежды, а большинство индейских женщин не носили блузок. Позднее индианки попали под очарование туалетов жен белых военных, которых они видели в фортах и гарнизонах. Они стали носить шелковые, атласные и бархатные вещи, украшать себя лентами, а также носить широкие юбки и накидки. Сегодняшние навахо, одежду которых туристы считают «традиционной одеждой индейцев», на самом деле имеют очень мало сходства с их соплеменниками, жившими 200 лет назад. Даже знаменитые ювелирные украшения навахо в общем-то являются современными, но никак не древними. Индейцев навахо научили их делать мастера-ювелиры по серебру из Мексики в 50-х гг. XIX столетия. Жизнь индейцев полностью изменилась с тех пор, как испанцы в 1540 г. пересекли Рио-Гранде и познакомили коренных жителей Северной Америки с лошадьми, огнестрельным оружием и другими диковинными и доселе неизвестными вещами.

Это, конечно, не означало, что индейцы растеряли свои традиционные творческие навыки и способности и перестали создавать произведения именно своего, индейского искусства. Индейцы впервые увидели белых четыре столетия назад, а их культура и постоянно развивавшиеся на ее основе самобытные творческие навыки и способности, как минимум, в 30 раз старше.

Во всех пяти основных районах распространения культур, выделенных нами на североамериканском континенте, наблюдается большое сходство в орудиях и всевозможных рукотворных изделиях, хотя доступное сырье для их изготовления в разных районах было различным. В лесной зоне основным материалом было дерево; на равнинах — кожи и шкуры; племена океанского побережья имели в изобилии морские раковины и материал, который они получали от охоты на морских животных. Несмотря на упомянутые сырьевые различия, благодаря распространению культур — диффузии и торговле — во всех районах, даже в тех, которые не являлись непосредственными соседями, мы наблюдаем сходство в создававшихся там орудиях и произведениях искусства.

Термином «диффузия» археологи и антропологи обозначают способ, которым материальная и духовная культура распространяется от одного народа к другому. Материальные предметы, а также религиозные и культурные идеи могут распространяться мирным путем: посредством смешанных браков или установлением союзнических отношений между различными племенами и сообществами. Они также могут распространяться и в результате войны: когда с убитых снимают оружие, одежду и личные вещи; а также когда берут пленных, то есть начинают общаться с людьми другой культуры, обычаев и традиций. Происходит взаимное влияние, причем иногда культура и традиции пленных постепенно могут оказать очень серьезное воздействие на тех, кто их пленил. Другим важным источником распространения культур является миграция населения. Например, только благодаря перемещению больших групп населения из Мексики на север стало возможно появление здесь имеющих мексиканские культурные корни площадок для игры в мяч, характерных для юго-запада, и маундов, столь широко представленных на юго-востоке Северной Америки.

Даже во времена древних охотников в Северной Америке наблюдалось родственное переплетение различных культур. Это подтверждает повсеместное распространение остроконечников, пластин, скребел и других каменных орудий, относившихся к различным культурам: кловис, скотсблаф и фолсомской. Торговля была распространена практически у всех племен, а некоторые специализировались на ней. Мойаве осуществляли торговые операции между Калифорнией и юго-западными районами, причем в обоих направлениях. Хопи были искусными посредниками в торговле солью и шкурами. Они также успешно распространяли красную охру, использовавшуюся для натирания тела, в том числе во время религиозных церемоний, которую добывали их соседи — хавасупаи в укромных и скрытых от посторонних глаз расщелинах Гранд-каньона.

Вполне вероятно, существовала активная торговля и недолговечными материалами, а также продуктами питания. Это могли быть сушеное мясо, кукурузная мука и различные деликатесы. Например, нам известно, что люди культуры хохокам экспортировали соль и хлопок. Но естественно, больше информации о торговых операциях

нам предоставляют обнаруженные орудия из долговечных материалов, таких как камень и металл. Более 10 000 лет назад кремьень из рудников в Элибейтс в Техасе активно распространялся по другим районам, а кремьень из Флинт-Ридж в Огайо доставляли на атлантическое побережье и во Флориду. Большим спросом пользовался обсидиан, как черный, так и блестящий. Его добывали лишь в нескольких местах на юго-западе, а оттуда доставляли в районы, расположенные за тысячи километров от места добычи. Мы уже могли убедиться, каким большим спросом пользовался добываемый в Миннесоте катлинит, из которого делали «трубки мира».

Когда какое-то племя становилось зажиточным, а особенно когда оно начинало вести оседлый образ жизни и строить изысканные и дорогие дома, у него появлялась возможность покупать и предметы роскоши. Людям культуры хоупвелл, одной из самых ярких древнеиндейских культур, требовалось огромное количество очень дорогих материалов, чтобы обеспечить тот демонстративно роскошный и «транжирный» образ жизни, который они вели, не говоря уже о требовавших не меньших затрат церемониях при похоронах умерших, включая возведение гигантских могильных холмов. Из Алабамы они привозили нефрит; из района Аппалачских гор — пластинки слюды и кристаллы кварца; из Мичигана и Онтарио — куски кованой меди и кованого серебра. Помимо этого, люди культуры хоупвелл завозили и один из самых в то время востребованных товаров на континенте: морские раковины.

РАКОВИНЫ И БУСЫ

Люди культуры кочизе, жившие на территории нынешней Аризоны, завозили морские раковины из районов тихоокеанского побережья 5000 лет назад. Их прямые потомки — люди культуры хохокам — приобретали у рыбаков далекой Калифорнии полный набор самых разных раковин: кардиум, оливелла и другие сорта. Раковины были особо притягательны благодаря их необычной, оригинальной форме и расцветке; они как бы хранили в себе таинственность и безбрежность океанских глубин. Художники хохокам использовали большие раковины моллюска для того,

чтобы наносить на них узоры; они были первыми в мире, кто стал применять метод гравировки травлением, причем, как минимум, на три столетия раньше, чем его стали применять в Европе. На приподнятые части раковины наносился слой смолы, а на открытую часть — кислота, которую получали из забродившего сока сагуаро.

В скальных «домах-поселениях» и в пуэбло на юго-западе как раньше, так и сейчас из раковин вырезают кольца, подвески и амулеты, следуя традициям людей культуры хохокам. Ювелиры пуэбло, в особенности зуни, украшают ювелирные изделия жемчугом, кораллом и абалоном; а во время церемоний и праздников можно услышать звук труб, сделанных из раковин гигантского моллюска, которые достали из океанских глубин несколько столетий назад. Люди, возводившие маунды в юго-восточных районах, также играли на трубах из раковин гигантских моллюсков и пили свой «черный напиток» из чаш, представлявших собой покрытые гравировкой раковины. Из раковин брюхоногого моллюска делали украшенные гравировкой ожерелья, которые носили на груди жрецы и вожди племен.

Из более мелких раковин, таких как колюмелла, каури и маргинелла, делали украшения для накидок, головных уборов, поясов и ножных браслетов; на севере Равнин вошло в моду использовать зубчатую раковину — денталиум не только как украшение, но и в качестве платежного средства. В качестве денег эта раковина длительное время использовалась индейцами хупа и другими племенами центральной Калифорнии, которые приобретали ее на острове Ванкувер, расположенном далеко на севере.

Каждая раковина имела четко зафиксированную стоимость в зависимости от размера.

Наиболее известным примером использования бус и как украшения, и как платежного средства является вмпум¹, который использовался ирокезскими и алгонкинскими племенами.

Вампум состоял из многочисленных дисков или трубочек из раковин белого, светло-коричневого, пурпурного

¹ В а м п у м — индейский пояс, украшенный нитками бус; служил украшением, меновой единицей, а также для передачи сообщений.

и лавандового цвета; все они были тщательно обработаны и отшлифованы и соединены вместе в виде пояса. Их использовали во время важных ритуалов; в частности, вампум пускали по кругу вместе с трубкой мира как символ дружбы и примирения. Английские и голландские переселенцы очень быстро сориентировались и поставили на поток производство и реализацию вампумов. Фабрика по их производству работала в Нью-Джерси вплоть до Первой мировой войны. Сегодня вампум является основным индейским украшением; его носят либо отдельно, либо надевают между рядами бисера или бирюзы, коралла и других камней.

Индейцы умели искусно делать бусы из раковин и камней с древних времен; бусины тщательно вырезали из раковины, сверлили, отшлифовывали. Изготовление бус вручную было очень трудоемким делом, и на индейцев произвели очень сильное впечатление европейские бусы, сделанные промышленным способом: и количеством, и богатым разнообразием расцветки. В итоге изменился весь стиль индейской одежды. Колумб записал в вахтенном журнале, что, когда он впервые сошел на берег и предложил индейцам стеклянные бусы пурпурного цвета, «они схватили их и тут же надели на шею». В течение XVI—XVII вв. белые торговцы — испанцы, французы, англичане и русские — продали индейцам множество больших и крупных стеклянных бус самых разных видов. Большинство из них представляло собой очень искусную работу стеклодувов Испании, Франции, Англии, Голландии, Швеции, Венеции. Изделиям давали такие запоминающиеся названия, как «Падре», «Корналин д'Алеппо», «Солнце» и «Шеврон». Сегодня они пользуются таким же спросом у коллекционеров, как тогда у индейцев.

Ввиду крупного размера бусин изделия в основном использовали в качестве ожерелий. Когда в 1750 г. появились более мелкие бусины — «Бисер пони» (он был так назван, поскольку мешки с ним белые торговцы перевозили на пони) и «Зернистый бисер», — индейцы сталишивать его на одежду или делать изделия с бисером на ткацком станке. Вскоре украшение бисером практически вытеснило украшение изделий при помощи игл дикобраза или перьев. В современную эпоху наибольшим успехом на юго-западе пользовался бисер бирюзового цвета

сорта «Хаббл», сделанный в 20-х гг. XX столетия в Чехословакии. Он был продан индейцам навахо на торговой ярмарке в Аризоне и пользовался таким успехом, что индейцы его обменивали на кусочки настоящей бирюзы. Со временем в разных местах появились собственные стили украшения бисером, отличавшиеся как по цветовой гамме, так и по рисунку, который представлял собой либо геометрические фигуры различных форм и комбинаций, либо своеобразный природный пейзаж. Украшения наносили на одежду, занавески и домашнюю утварь, используя различные способы: на Равнинах и прилегающих к северо-западу плоскогорьях — ленивым швом; на северо-западе — крапчатым; ирокезские племена использовали украшение рельефом и набивку; сетчатую вышивку и ажурную строчку применяли в Калифорнии и на юго-востоке Большого Бассейна; на юге прерий делали заплетенные складки; чиппевы, виннебаго и другие племена района Великих озер использовали для этой цели небольшой ткацкий станок. Исключительные по красоте и качеству узоры и сегодня делают в индейских резервациях в штатах Айдахо, Северная Дакота, Оклахома, Нью-Мексико и Аризона.

Хотя украшения иглами дикобраза и перьями уступили пальму первенства бисеру, они по-прежнему остаются в моде у ряда племен. Сегодня орел, ястреб и другие птицы, оперение которых использовалось в боевых и прочих головных уборах из свисающих рядов перьев, находятся под защитой государства. Белые торговцы стали использовать перья страуса, раскрашенные в яркие цвета; а в случае необходимости — перья индюка. На религиозных праздниках и церемониях в пуэбло на Рио-Гранде вы увидите множество людей в шляпах с перьями, в масках, в праздничных одеждах с молитвенными жезлами в руках. Дикобраз также теперь стал редким животным. Сейчас изысканные узоры и украшения из его игл уже не наносятся на одежду и домашнюю утварь в северо-восточных штатах и на севере Равнин, где это животное когда-то водилось в изобилии. На таких украшениях специализировались ирокезы, гуроны, оттавы, чиппевы и виннебаго, а также сиу, арапахо и шайены. Иглы дикобраза длиной 12,5 см вымачивали в мыльной воде, чтобы они стали податливыми, а потом наносили на материал путем сгибания, нашивки или обертывания. Часто украшения из би-

се́ра и игл дикобраза наносили одновременно: гладкие отшлифованные иглы хорошо оттеняли места, покрытые бисером. Помимо бисера и игл дикобраза при ткачестве для художественного украшения использовался волос; он также применялся при вышивании, плетении и вязании. Как мы отмечали в первой главе, люди культуры *анасази* срезали волосы умерших и использовали их для украшений, а также для плетения сетей. Помимо этого часто использовали конский волос и собачью шерсть, а на Равнинах — шерсть лося и бизона.

В третьей главе мы рассказывали о способах получения кожи для изготовления одежды и для других целей; а ранее обращалось внимание на то, что кость, олений рог и рога других животных были главным сырьем для производства необходимых человеку вещей начиная со времен, когда первые древние охотники добывали мясо, шкуры и бивни мамонтов и мастодонтов. Также мы рассказывали о каменных орудиях на отщепях, которые первые охотники умели делать задолго до XX в. до н. э.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

Металлические орудия появились у североамериканских индейцев с таким же запозданием, как и у их коллег-охотников в Европе. К этому времени они уже использовались в других районах, бывших своего рода «культурными очагами» и посылавших культурные импульсы по всему миру. Единственным исключением являлись изделия из меди. В Северной Америке умели работать с медью еще во времена распространения культур раннего медного века в ходе архаического периода; основными «медными» центрами являлись Висконсин, Миннесота и Мичиган. В те бесконечно далекие времена — в V—III вв. до н. э. — талантливые мастера из района Великих озер уже делали, возможно раньше всех в мире, медные наконечники стрел и копий, а также ножи и топоры. Позднее люди культур адена, хоупвелл и Миссисипи, особенно те представители последней культуры, кем исповедовался южный культ умерших, делали превосходные медные украшения в виде тарелок и блюдов, а также подвески и прикладные украшения. Знаменитые декоративные, изысканно украшенные медные блюда, ко-

торые высокомерно уничтожали в ходе упоминавшегося потлатча, были сделаны из листов кованой меди. Однако, несмотря на эти достижения, обработка меди велась примитивным способом. Плавка была неизвестна; медь добывали из наиболее чистых рудных жил, затем расплющивали при помощи молота, а когда она достигала достаточно мягкого и податливого состояния, нарезали листы необходимой формы. Прямо на них выгравировывали узор, используя резцы из камня или кости. Медь обрабатывали холодным способом; иногда, вероятно, ее нагревали над огнем перед началом обработки молотом. Использование отливных форм из камня или глины было абсолютно неизвестно. Другие металлы, такие как атмосферное железо, свинец и серебро, обрабатывали тем же холодным способом, что и медь, правда, изделий из этих металлов делали мало.

Когда европейцы научили индейцев более простым и надежным способам производства серебра, страсть к серебряным украшениям просто захлестнула все индейское сообщество. Европейцы продавали индейцам листовое серебро, либо те сами делали листы, используя серебряные слитки и монеты, полученные в ходе торговли от европейцев. К 1800 г. ирокезские племена района озер, а также племена Равнин уже сами делали серебряные броши, пуговицы, серьги, подвески, гребни, пряжки, ожерелья, ручные и ножные браслеты. Сначала изделия полностью копировали английские, канадские и американские образцы. Вскоре индейцы стали покупать немецкое серебро, которое на самом деле не являлось серебром, а представляло собой сплав из цинка, никеля и меди. Оно было более дешевым по сравнению с чистым серебром, что позволило индейцам не только увеличить производство серебряных изделий, но и делать их по своему, самобытному замыслу — это касалось как вида изделия, так и его художественной обработки.

Своей популярности в юго-западных районах серебряные изделия обязаны кочевым племенам Равнин, которые были связующим звеном между этими районами и оседлым северо-западом. Почти сразу же появились тут мастера по серебру из Мексики, которые научили индейцев «песчаной отливке» с использованием форм из туфа и пемзы. Мексиканцы также продемонстрировали свой стиль изготовления серебряных изделий — испанский и

испанский колониальный. Эти стили были быстро и хорошо усвоены навахо, которые стали их блестяще применять в своей собственной самобытной интерпретации. Сегодня, по прошествии более чем столетия, серебряные ювелирные украшения навахо представляют собой одно из наиболее высоких достижений современного американского искусства; достойно развивают традиции навахо и их соседи — зуни и хопи, с которыми они в свое время поделились секретами мастерства.

Знаменитые пояса *кончо* и типичные браслеты навахо являются созданием мастеров Равнин; а форма бисера и пуговиц, используемых навахо, серебряные украшения для седел и сбруи, а также «тыквенное ожерелье», напоминающее венки из распустившихся цветков тыквы, заимствованы у испанцев. Ожерелье напоминает по форме застежку на шлеме испанского кавалериста времен Кортеса; у него также был *найя* — талисман-оберег в форме перевернутого полумесяца, который всадник вешал на грудь коня — своего верного боевого друга. Испанцам же подобный талисман был навеян гербом мавров времен захвата Испании арабским халифатом; гербовая эмблема у мавров как раз была в форме полумесяца.

Обычно серебряные изделия навахо делались из цельного куска металла и были довольно крупными и массивными, а если их усыпали кусочками бирюзы, то они выглядели еще более внушительно. Ювелирные изделия зуни по сравнению с ними были скромными и миниатюрными. Они в основном представлены изящно выполненными грациозными изображениями птиц, бабочек, насекомых и мифологических существ, искусно сложенных из черного янтаря, коралла, граната и маленьких кусочков бирюзы; каждое изделие — это изумительная разноцветная мозаика, притягивающая и радующая взгляд. Зуни являются также признанными мастерами инкрустации и нанесения на изделия миниатюрных желобков и выемок. Что касается хопи, то изделия их мастеров напоминают изделия мастеров зуни миниатюрностью и изяществом; правда, хопи редко используют цветные камни, а на их серебряные изделия нанесена гравировка, мотивы которой напоминают узоры на керамических изделиях этого же племени. Хопи часто используют технику «накладки»: два листа серебра спаивают вместе, причем нижний за-

чернен посредством добавления серы; таким образом в изделии обеспечивается контраст — светлый и темный слои серебра взаимно оттеняют друг друга.

Навахо, зуни и хопи никогда не имели возможности самим добывать серебро — даже во времена настоящего «серебряного бума» в юго-западных районах. Дело было не только и не столько в технических сложностях, сколько в том, что белые уже давно наложили лапу на все недра и месторождения полезных ископаемых. Первоначально мастера-ювелиры навахо использовали в качестве сырья мексиканские песо и американские доллары, а когда им это запретили, стали покупать бруски и слитки у перекупщиков. Сегодня они покупают и серебро, и бирюзу у торговых агентов, которые, в свою очередь, берут их в странах Азии, на Ближнем Востоке и в Мексике. Очень часто бирюза в сегодняшних ювелирных изделиях является подделкой: на самом деле это не бирюза, а «коктейль» из стекловидной массы и цветного стекла. Сейчас очень немного настоящей бирюзы добывается на юго-западе, однако ее качество, увы, невысоко; 12—15 главных месторождений этого района, откуда она раньше добывалась, сейчас истощились, а ведь качество бирюзы было замечательное, и его сразу же подмечал опытный наметанный глаз. К сожалению, подавляющее большинство сегодняшних «ювелирных украшений навахо» вообще не имеет к индейцам никакого отношения, а производится в массовом порядке в Японии и на Тайване, а также белыми дельцами в Альбукерке или Лос-Анджелесе¹.

Сами индейцы, естественно, не стали понижать качество своих изделий, а тем более опускаться до подделок; они вынуждены были наблюдать, как свора жуликов и проходимцев беззастенчиво пользуется созданным усилиями мастеров навахо высоким спросом на эти изделия, фактически обесценивая индейцам рынок и дискредитируя сами изделия. За последние столетия эта печальная картина стала привычной для индейцев.

¹ Альбукерке — город в штате Нью-Мексико; автор не столько хочет подчеркнуть, где конкретно изготавливаются подделки, сколько выразить общее разочарование, что произведения искусства, созданные талантом индейцев, теперь «копируются» чуть ли где ни попадя и превратились, как у нас говорили, в «импорт, изготовленный на Малой Арнаутской улице».

ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН, ПРОИЗВОДСТВО КЕРАМИКИ И ТКАЧЕСТВО

Плетение корзин и производство керамики были теми видами деятельности, где творческий гений американского индейца, возможно, проявился наиболее ярко. Именно эта сфера индейского искусства, а также ткачество, на котором мы остановимся чуть позже, могут служить мерилем того, насколько утонченной, глубокой, открытой навстречу прекрасному была душа индейца. Белый человек не пользовался наконечниками для копий и стрел; перья, морские раковины, кость и рога животных, шкуры бизона, типи, томагавки и тотемные столбы мало что значили в его жизни. Однако ему каждый день приходится пользоваться корзинами, керамическими изделиями и самыми разными сосудами и емкостями, а также застилать одеялами свою кровать. Поэтому он может сравнить эти вещи своего повседневного обихода с теми, что окружают индейца. И если он будет честным перед самим собой, он вынужден будет признать, что вещи, которыми пользуется индеец, не только ничуть не хуже, а во многом и удобнее, и полезнее, и внешне привлекательнее.

В области плетения корзин и производства керамики индейцам не было равных; в значительной степени это верно и сейчас. Интересно отметить, что плетение корзин считается более сложным делом, чем производство керамики, и поэтому вроде бы должно быть «младше» по возрасту. Известно, однако, что по меньшей мере 10 000 лет назад в засушливых районах запада, где были распространены «культуры пустынь», от Орегона до Аризоны древние охотники умели делать плетеные и кольцевидные корзины, а также сандалии и охотничьи капканы и ловушки, используя те же технические приемы. В то же время первые керамические изделия появились в Америке, согласно датировке обнаруженных археологических находок, лишь примерно в 2000 г. до н. э., то есть на 6000 лет позже того, как индейцы овладели искусством плетения корзин.

Как ни странно, керамика впервые появилась и получила распространение не на юго-западе, который был лидером различного рода культурных достижений и нововведений по сравнению с другими районами и где уже в течение 1000 лет было известно земледелие, а на юго-

востоке лесной зоны, где сельского хозяйства еще не знали. На юго-западе керамика появилась лишь где-то в 500—300 гг. до н. э. Но творческий созидательный импульс и в тот и в другой район пришел из древней Мексики, которая на протяжении всей истории имела более высокий уровень культуры по сравнению с районами, расположенными к северу. Опять же следует иметь в виду, что в то время не было границы между Центральной и Северной Америкой, не было никакой разделительной линии, препятствующей людям пересекать Рио-Гранде; они спокойно передвигались, неся с собой свои пожитки, обычаи и традиции.

В конце концов, искусство плетения корзин достигло на юго-западе более высокого уровня по сравнению с юго-востоком и любым другим районом. Однако все индейские племена Северной Америки прекрасно владели этим искусством. Они делали корзины для хранения, для переноски груза, для приготовления пищи. Корзины были и маленькие и огромные; и круглые и квадратные; с петлями и с ручками. Корзина-ящик, корзина-сито, корзина для помола, корзина для промывания кукурузы и желудей, корзина для отбива семян, корзина-ранец, корзина — ловушка для птиц и рыбы, корзина-шляпа, циновка, детская люлька и колыбель, корзины для праздничных церемоний, корзины для использования во время свадеб и похорон — все это мастерски делали индейцы. Ямы для хранения продуктов накрывали ветками, прутиками и узкими полосками коры; это натолкнуло на мысль плести циновки. Циновками и плетеными занавесками завешивали вход в пещеры и дома, чтобы не залетала пыль и не уходило тепло. В них также заворачивали тела умерших. Корзины плели настолько плотные, что в них можно было переносить пищу, семена и воду. В корзинах готовили пищу на кипятке, стирали, красили одежду, а также варили *тисвин* — индейское пиво и другие похожие алкогольные напитки. Для плетения использовался самый разнообразный материал: на юго-западе, в частности, использовали тростник, медвежью траву, иву и сумах; на юго-востоке — тростник, дуб, корни растений и кору; на северо-востоке — сладкую траву, твердую древесину, кедр и липу; на Равнинах — орешник и бизонью траву; в Калифорнии и на северо-западе — ель, кедр, кору вишни и «индейскую траву». Практически любой имеющийся под рукой

природный материал можно было пропарить, покрасить и сделать достаточно податливым и удобным для плетения.

Сами изделия были столь же разнообразными, как и материалы, из которых их делали. Было три основных способа работы с сырьем и изготовления готовой продукции: сплетение, заплетание и свертывание кольцами. Изделия отличались замечательным разнообразием и по форме, и по рисунку. Изображения представляли либо геометрические фигуры и их комбинации, либо были связаны с человеком или природными мотивами. Готовые изделия часто украшались бубенцами, перьями, ракушками, бахромой из оленьей кожи, бисером, иглами дикобраза или другими украшениями. Буйная и богатая фантазия индейца, его неисчерпаемо глубокий и яркий внутренний мир полно отразились в тех замечательных произведениях искусства, которыми являлись и являются сделанные им плетеные изделия. До сих пор корзины высокохудожественного качества делают жители пуэбло, апачи и навахо, а особенно индейцы пима и папаго, живущие в Аризоне. Такие корзины являются дорогими, поскольку их изготовление требует много усилий и времени. Их делают для творческого самовыражения, а также для музеев и тех туристов, которые обладают высоким художественным вкусом и умеют ценить прекрасное. Если индейцу пима или папаго требуется какая-то емкость для личного пользования, ему сегодня проще купить металлическое изделие в магазине. Классические корзины относятся к той эпохе развития человечества, в том числе и индейцев, когда придавали большее значение предназначению и качеству вещи, чем сейчас.

В западных и юго-западных районах были распространены техника сплетения и кольцами; на востоке изделия «заплетали». Различные приемы использовались и при изготовлении керамики. На западе и юго-западе изделия делали, накладывая один кольцевидный слой глины на другой, а на востоке и юго-востоке глину разглаживали внутри или снаружи кувшина, служившего формой или шаблоном. Гончарный круг был неизвестен. Керамика не получила такого повсеместного распространения, как плетеные изделия; во многих районах, включая Калифорнию и северо-запад, ее вообще не производили, а пользовались лишь корзинами и другими плетеными изделиями.

Керамические изделия в основных районах их распространения — на юго-западе и на востоке — были схожими как по форме, так и по общему замыслу. В том, что касается видов и формы изделий, индейская керамика была гораздо более консервативной по сравнению с плетеными изделиями. Самобытностью отличались в основном рисунки и узоры на керамических изделиях, хотя люди культур хоупвелл, Миссисипи и южного культа умерших делали изделия в форме фигур людей и животных; сегодня эту традицию продолжают индейцы пуэбло. Рисунок выполнялся в краске или выгравировывался при помощи резцов из кости и камня; либо же отштамповывался при помощи пальцев, шнура, а также деревянных печатей и матриц. Скромное количество видов и форм изделий вполне компенсировалось сочной и разноцветной раскраской: белая, коричневая, красная и желтая краски, вместе и по отдельности, наносились при помощи кистей, тряпичных лоскутов или клоков меха. Краски наносились на влажную поверхность изделия до термообработки на разведенном огне. Устойчивый черный оттенок достигался путем обугливания на малом, закрытом пламени. После обжига изделия отборного качества для придания им атласного блеска и яркости шлифовались специальным приспособлением из кости или камня либо натирались влажной материей. Для того чтобы законченное изделие было особенно сверкающим и искрящимся, глину иногда смешивали с цветным песком или частицами слюды.

Лучшие образцы сегодняшней индейской керамики делаются на юго-западе. Именно благодаря творческим усилиям живущих здесь индейцев в течение последних 50 лет мы наблюдаем возрождение и настоящий всплеск интереса как к керамическим изделиям, так и другим рукотворным творениям индейских мастеров. Конечно, керамику делают далеко не во всех пуэбло юго-запада. В некоторых местах навыки этого искусства уже утрачены, в других основное внимание уделяется более доходному производству ювелирных украшений, а где-то делают простые изделия лишь для домашнего пользования. Наиболее высокого качества изделия делаются в пуэбло Сан-Ильдефонсо, Санта-Клара, Сан-Хуан, Акома и Зия. Именно в Сан-Ильдефонсо выдающиеся мастера керамики Мария и Хулио Мартинес создали в 1919 г. свои замечательные образцы, в которых

выполненный матовой черной краской рисунок был нанесен на отшлифованную черную поверхность. Хулио Мартинес нарушил традицию, согласно которой керамические изделия изготавливались только женщинами¹.

Двенадцать лет спустя жительница этого же пуэбло Розали Агийяр стала делать знаменитые изделия с инкрустированным рисунком. Из других племен юго-запада, сохранивших традиции производства керамики, следует выделить хопи, производящих, правда в ограниченном объеме, кувшины потрясающего качества, и марикопа, которые изготавливают замечательные вазы и великолепные кроваво-красные кувшины с высоким горлышком.

В 1900 г. гениальная индианка по имени Нампейо стала делать керамические изделия в духе древних традиций индейцев хопи. Однако хопи сегодня известны не только своими керамическими изделиями и серебряными украшениями; они в первую очередь знамениты куклами — «качинами». Искусство вырезать эти фигурки высотой от 7,5 до 45 см из куска хлопкового дерева не является древним; им владеют неполные сто лет. Эти куклы стали делать для того, чтобы помочь детям запомнить 250 божеств в мужском и женском облике, которых «качины» изображают. Но если сами фигурки не являются древними, то изображаемые ими священные духи, живущие в горах на севере Аризоны и приходящие в селения хопи каждую зиму, безусловно, таковыми являются. Одно из таких селений, Ораиб², расположенное на возвышенности Хопи-Сорд-Меса, является, вероятно, старейшим на территории США местом, где постоянно проживают люди.

«Качины» делались так: на основание наносился слой белого каолина, поверх — рисунок яркой раскраски и разноцветные перьевые украшения. Руки, ноги, голова, головной убор куклы, а также предметы, вместе с которыми она изображалась, изготавливались отдельно и затем аккуратно приклеивались к основе. Эти оригинальные фигурки являются прекрасным образцом миниатюрного искусства. По-

¹ Супруги Мартинес были лауреатами премии Американского института художественной архитектуры, французской премии «Академическая пальма» и др.

² О р а и б и — город в штате Аризона, где люди непрерывно живут с XII в. н. э.

скольку это не культовые предметы, а обычные изображения, не считается неэтичным покупать их. И приезжие с радостью приобретают эти очаровательные маленькие шедевры, изображающие божество или загримированного под него индейца, исполняющего ритуальный танец во время религиозного праздника.

Численность индейцев хопи сейчас менее 6000 человек; лучшие произведения искусства индейцев пуэбло создаются мастерами из полдюжины поселений, в которых проживают менее 5000 человек. Самым многочисленным индейским племенем юго-запада являются навахо — их численность составляет около 80 000 человек. Они являются сносными «корзинщиками», безразличны к керамике и, безусловно, выдающиеся мастера по выпуску рукотворных изделий из серебра. Однако следует особо отметить ту область, в которой они за последние несколько столетий продемонстрировали по-настоящему неподражаемый собственный и самобытный стиль: это ткачество.

Ткачество было известно в Северной Америке еще в древние времена. Люди культур адена и хоупвелл делали вещи из текстиля 2000 лет назад, а спустя короткое время это искусство распространилось на Калифорнию и на район Великих Равнин. Изделия в то время делались вручную, без ткацкого станка. Из применявшихся приемов можно назвать вязание, вышивание тамбуром, петлей, сеткой, складками, скручивание и другие способы рукоделия. Безусловными лидерами в этой области были индейцы северо-западной части тихоокеанского побережья, особенно чилкаты, жившие на крайнем севере, на границе между Аляской и Канадой. Чилкаты, являющиеся ответвлением глинокитов, делали парадные рубахи, а также одеяла, покрывала и знаменитые накидки¹, используя смесь из кусочков коры кедра и шерсти горного козла, выкрашенную белым, желтым, синим и черным цветом. Эти изделия пользуются большим спросом у коллекционеров и собирателей образцов художественного народного творчества. Как и селиш в северной Калифорнии, которые делали шерстяные одеяла и покрывала весьма высокого качества, чилкаты начали использовать в работе элементарную ткацкую раму, на которой работали вручную.

¹ Накидка так и называется — *чилкат*.

Настоящий ткацкий станок вошел в употребление только на юго-западе. Здесь большого успеха в ткачестве добились хопи; некоторое распространение оно получило и среди индейцев пуэбло. Но именно навахо обеспечили технический прогресс в этой области: начав с простого ременного станка, в котором один конец крепился к поясу ткачихи, а другой закреплялся вокруг дерева или одного из опорных столбов жилища, они усовершенствовали его до сложного вертикального ткацкого станка. Возможно, что местом его изобретения был американский юго-запад. Вначале в качестве сырья использовались растительные волокна и шерсть животных; затем стали применять хлопковую нить, а с 1600 г. и далее — овечью шерсть, которая стала доступна после того, как пришедшие в Нью-Мексико испанские переселенцы пригнали с собой стада овец. Сегодня главными мастерами ткачества в этих местах являются навахо, которые научились этому искусству у жителей пуэбло в 1700 г. Они делают одеяла и покрывала смелого фасона и расцветки в ряде мест на обширной территории, занимаемой резервацией навахо. Среди мест, прославившихся своими мастерами, можно назвать Чинле, Назлини, Клагето, Ти-Но-По, Лукачукай, Ганадо, Уайд-Руинз и два десятка других.

Искусством ткачества занимаются женщины-навахо. А вот искусство песчаных рисунков — это уже прерогатива мужчин. Выполнение подобных рисунков относилось к компетенции шамана, поскольку они имели не только религиозное, но и лечащее назначение. Больной садился на землю, и под чтение молитв и исполнение песнопений шаман начинал рисовать вокруг него рисунок на песке. По мере выполнения рисунка болезнь должна была уходить в него, а изображенные на рисунке божества должны были явить свои чудодейственные силы. Затем, на закате солнца, рисунок стирался с лица земли, и болезнь должна была исчезнуть вместе с ним. Выполнение рисунков на песке было распространено среди навахо, папаго, апачей и жителей пуэбло; хотя надо сказать, что термин «песчаный рисунок» или «рисунок на песке» является неточным и вводит в заблуждение. Только основание, на которое наносится рисунок, состоит из песка; сам же рисунок наносится не цветными красками, а цветными, растолченными в порошок материалами: растениями, древесным углем и пылью, которые искусно высыпаются тонкой струйкой меж-

ду пальцами на песок. Для выполнения такого рисунка требовались точность, терпение и выдержка и исключительная память, поскольку нужно было точно воспроизвести на песке традиционный рисунок, предусмотренный ритуалом, причем исключительно по памяти.

ЖИВОПИСЬ

В области живописи, как и в ювелирном деле, изготовлении плетеных изделий и керамики, юго-западный район шел во главе индейского Возрождения, которое наблюдается в последнее время. Его лидерство отчасти объясняется тем, что жители этого района избежали уничтожения своего образа жизни и культуры, с чем столкнулись племена Восточного и Западного побережья, а также полного выселения и сгона с родных земель, которые пережили индейцы Равнин и юго-востока. Индейцы юго-запада прошли через унижение и нищету и периоды горькой ссылки и изгнания; но в целом они сумели остаться на землях предков и смогли сохранить определенную преемственность образа жизни и культуры.

В целом в Соединенных Штатах очень много художников самых разных школ и направлений; но это такая большая страна, что между различными культурными центрами существует весьма слабая связь; о существовании и плодотворной деятельности исключительно одаренных и талантливых художников могут ничего не знать в расположенных на большом отдалении Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Эти два города не являются такими же культурными центрами, какими являются в своих странах Лондон, Париж и Рим. По этой причине существование на юго-западе уникальной школы индейских художников если и не было проигнорировано, то не сыграло роли, сопоставимой с теми талантами, которые в ней представлены. В меньшей по масштабам стране подобное самобытное направление безусловно получило бы немедленное и долгосрочное признание. В течение полувека индейские художники юго-запада создавали замечательные работы, полные яркой самобытности. Интерес к ним, а также к индейской литературе дает надежду на возрастание роли индейского искусства во всей американской культуре.

Вскоре после окончания Первой мировой войны небольшая группа белых художников, ученых и жителей Санта-Фе и его окрестностей создали движение, получившее название движение Санта-Фе. Они ставили задачей познакомить мир с тем мощным творческим потенциалом, которым обладали индейцы. В результате их усилий в 1923 г. была создана Академия индейского изобразительного искусства. Она всячески помогала художникам, организовывала выставки, и в конце концов Санта-Фе стал одним из важнейших центров изобразительного искусства США, причем имеющим одинаково важное значение как для индейских, так и для белых художников.

Как ни удивительно, колыбелью современного индейского искусства стал Сан-Ильдефонсо — небольшое поселение пуэбло, где именно в это время восходила звезда знаменитых мастеров керамики Хулио и Марии Мартинес. Даже сегодня Сан-Ильдефонсо является одним из самых маленьких пуэбло; его население — всего 300 человек. Еще более удивительным является то, что основателем движения по возрождению индейского искусства считается Кресченцио Мартинес, двоюродный брат Марии Мартинес. Кресченцио (Обитель Лося) был одним из молодых индейских художников, которые в начале XX в. экспериментировали с водяными красками по примеру белых живописцев. В 1910 г. он уже работал очень плодотворно и привлек внимание организаторов движения Санта-Фе. К несчастью, он безвременно умер от испанского гриппа во время эпидемии; это произошло в 1918 г., когда ему было всего 18 лет. Но его почин был продолжен; вскоре в Сан-Ильдефонсо работали уже 20 молодых художников; вместе с талантливыми гончарами они плодотворно трудились в этих маленьких Афинах на берегах Рио-Гранде.

Их творческий импульс проник в окрестные пуэбло и в конце концов достиг апачей и навахо, вовлекая и их в эту «творческую лихорадку». В самом Сан-Ильдефонсо появился еще один знаменитый художник — это был племянник Кресченцио по имени Ава Цире (Алфонсо Ройбал); он был сыном знаменитого гончара, и в его жилах текла кровь навахо. Из других выдающихся мастеров искусств периода настоящего всплеска творческой энергии, наблюдавшегося в 20—30-х гг. XX в., можно назвать та-

оских индейцев Чиу Та и Еву Мирабаль из пуэбло Таос, Ма Пе Ви из пуэбло Зия, Руфину Виджил из Тесуке, То Пове из Сан-Хуана и индейца хопи Фреда Каботи. Одновременно выдвинулась целая плеяда художников из племени навахо, известного своей способностью к быстрому усвоению и оригинальной, самобытной переработке творческих идей; вот имена наиболее выдающихся из них: Китс Бигэй, Сибил Яззи, Ха Со Де, Куинси Тахома и Нед Нота. Говоря об апачах, следует упомянуть Алана Хаузера. И как бы в довершение к упомянутому, в это же время на Равнинах была создана собственная художественная школа кайовов при финансовой поддержке белых энтузиастов; основателем этой школы считается Джордж Кибоун. А художник из индейцев сиу Оскар Хауи оказал влияние на развитие всего индейского изобразительного искусства.

Сегодня индейское изобразительное искусство является одной из самых быстро и буйно растущих ветвей на дереве американской скульптуры и живописи. Современному индейскому художнику близки абстрактные и полубабстрактные мотивы, хорошо знакомые ему по традиционным индейским узорам на кожаных изделиях из бисера и игл дикобраза, а также на керамике. Проявляя все более растущий интерес к своему прошлому, индейские художники пытаются переосмыслить таинственные геометрические изображения на древних керамических изделиях и найти на их основе новые творческие подходы и решения. Они изучают такие направления в современном искусстве, как реализм и перспектива, чтобы на их основе найти свою собственную самобытную стилистику. Они пытаются соединить реализм с фантазийными мотивами, навеянными природой, поместив их в ограниченное двухмерное пространство, что еще раз вызывает аналогию с искусством Древнего Египта. Издревле индейские художники использовали яркие, чистые, полупрозрачные краски, часто только главных составляющих цветовой гаммы, придерживаясь при этом индивидуальной цветовой символики. Поэтому если, на взгляд белого человека, он видит лишь обычный узор, то смотрящий на картину индеец проникает в нее гораздо глубже и пытается воспринять истинный посыл, исходящий от создавшего картину художника.

ДЖ.М. УАЙТ. ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

В палитре индейского художника нет места для мрачных тонов. Он не использует тени и распределение светотени (то, что называется игрой света и тени). Вы ощущаете простор, чистоту окружающего мира и природы, кипучую энергию движения. В его работах чувствуются бескрайние просторы американского континента, что очень сильно контрастирует с мрачной, замкнутой и тесной атмосферой, исходящей от картин многих европейских художников. Работы индейского художника можно, наверное, сравнить, пускай только по настрою, с жизнеутверждающими и открытыми в бесконечность полотнами импрессионистов. Более того, эти картины отличает глубокое духовное содержание. Они только кажутся наивными: в них присутствуют глубокие импульсы традиционных религиозных верований.

В последние годы индейские художники успешно экспериментировали с абстрактным направлением современного искусства, сочетая его с теми абстрактными мотивами или, по крайней мере, могущими таковыми казаться, которые присутствуют в плетеных изделиях и керамике, а также аналогичными мотивами религиозных знаков и символов. Индейцы проявили способности и в области скульптуры; они успешно выполняли пространные, переходящие друг в друга фрески и лишней раз доказали, что практически в любом виде современного искусства их талант и фантазия могут быть востребованы и в любом из них они смогут проявить свою самобытность.

Можно сделать вывод, что, несмотря на общий упадок традиционных форм индейского искусства (хотя и имеется ряд очень важных исключений из этой тенденции), индейцы не только не растратили свой творческий потенциал и не утратили своих творческих способностей, но и пытаются все более и более активно применять их, в том числе и на новых, пока нетрадиционных для них направлениях. По мере того как индейский народ вступает в XXI в. с надеждой и все возрастающей энергией, будет расти интерес не только к отдельным индейским художникам, но и к индейцам в целом; к их духу, к их отношению к жизни и образу жизни. В свою очередь, искусство белого человека только обогатится, впитав в себя яркую и уникальную самобытность индейского искусства и всей индейской культуры.

Глава 7

В РЕЗЕРВАЦИИ

Первые серьезные контакты европейцев с индейцами состоялись в первой половине XVI в. В 1534 г. французская экспедиция во главе с Жаком Картье исследовала район вдоль реки Святого Лаврентия; в 1539 г. Эрнандо де Сото провозгласил власть испанской короны во Флориде; в 1540 г. Франсиско Васкес де Коронадо совершил поход по юго-западным районам континента. После этого проникновение европейцев значительно ускорилось. Первое английское колониальное поселение было создано в Роаноке в 1585 г., правда, этот первый опыт успеха не имел; Хуан де Онато основал испанское поселение в Нью-Мексико в 1598 г.; в 1607 г. была основана колония в Джеймстауне; в 1608 г. был возведен Квебек; в 1620 г. на американской земле высадились «плимутские пилигримы»¹; а в 1626 г. губернатор Новой Голландии купил за 24 доллара остров Манхэттен.

Ввиду больших размеров американского континента и ограниченного количества прибывших европейцев, индейцы в течение столетия с момента появления белого человека в Америке не усматривали в этом какую-либо угрозу для себя и не чинили белым каких-либо препятствий. До середины XVIII в. большинство индейцев вообще ничего не знало о существовании на континенте европейцев; до них лишь доходили слухи о появлении белого человека. Отношение к европейцам было доброжелательным и даже дружеским, взаимоотношения установились вполне хоро-

¹ В этом году к американским берегам причалил корабль «Майский цветок» («Mayflower»), на борту которого находился 101 переселенец из Англии; они покинули ее по причинам религиозного характера; кстати, первыми французскими переселенцами были гугеноты, спасавшиеся от преследований у себя на родине.

шие, а когда возникали определенные трения, они сглаживались тем, что, как казалось, на такой бескрайней земле найдется место для всех.

До американской революции индейцы считали, что в случае необходимости продвижение белого человека может быть остановлено и его влиянию будет положен предел, несмотря на обладание им огнестрельным оружием и лошадьми. Иногда казалось, что белым нужна лишь ограниченная территория и их аппетиты не будут расти бесконечно. В 1763 г. был издан указ короля Георга III, согласно которому никто из его подданных не имел права проникать на земли, расположенные к западу от Аппалачей; и хотя, ввиду все более активного проникновения европейцев на восточную часть континента, опасения индейцев возрастали, к 1776 г. европейцы не продвинулись далее реки Огайо; индейцы были уверены, что им удастся остановить белого человека на этой естественной границе и не допустить его дальнейшего проникновения в глубь континента.

Накануне американской революции влияние европейцев на юго-востоке ограничивалось линией побережья Флориды и Луизианой, а также несколькими укрепленными поселениями во внутренних районах континента. Что касается юго-запада, то испанцам, в результате восстания индейцев пуэбло в 1680 г., пришлось уйти на территорию Мексики; их колониальное поселение в Аризоне также прекратило существование из-за враждебного настроения индейцев. Что же до тихоокеанского побережья, то там европейцами было открыто всего лишь несколько скромных религиозных миссий. В течение всего XVIII столетия индеец рассматривался европейцами не как враг, а как союзник. Одни племена воевали против французов на стороне англичан, другие — против англичан на стороне французов. Европейцы щедро платили за поддержку. Племена получали часть военных трофеев; индейским вождям присваивали звание полковника или бригадного генерала английской армии, им давали награды, делали подарки, назначали пенсии. Вождей племен приглашали в Лондон и Париж, где их представляли коронованным особам; приезд обставлялся пышно, старались всячески польстить самолюбию гостей. Если европейцы активно воевали друг с другом, чем можно было выгодно восполь-

зоваться, какую же опасность они могли представлять для индейцев?

С образованием Соединенных Штатов ситуация коренным образом изменилась. Белый человек больше не был колонистом; это был гражданин молодого, энергичного, уверенного в себе государства. Белые люди были объединены, у них была общая идея и цель, для достижения которой они сомкнули свои ряды. Несмотря на временные неудачи и некоторые превратности судьбы, как то война 1812 г. и Гражданская война, они постоянно наращивали силу, численность и ресурсы, которые вскоре достигли такого уровня, что индеец был просто не в состоянии сколько-нибудь серьезно противостоять белому человеку. Численность белых все росла, и им нужна была земля индейцев. Индеец мог пытаться оказывать сопротивление, даже добиваться время от времени отдельных успехов, но окончательный результат был все равно очевиден и не вызывал сомнения.

Последние два столетия были для индейцев временем невиданных потрясений и смятения. Они прошли через эпоху тяжелейших и мучительных испытаний, от которых только теперь начинают оправляться, но шрамы и рубцы у них останутся навсегда. Гордость и самобытность индейцев были растоптаны. Их согнали с тех бескрайних территорий, которые они всегда считали своим домом, и заперли на чужой для них земле. Из хозяев всего, что они видели вокруг себя, они превратились в тех, чье положение хуже, чем у самого презренного раба. Когда чернокожие начали обрести свободу, краснокожие начали ее терять.

История падения индейцев является сложной и запутанной. Конечно, как и большинство перемен в человеческой истории, это стало следствием войн и кровопролития. Сыграли свою роль и вероломство, и предательство, и массовая резня, а также голод и болезни. Но активные военные действия представляли собой только часть общей картины. Индейцы также пытались оказать пассивное сопротивление, используя нормы права, дипломатию, заключение вынужденных союзов. С 1778 г., когда делавары заключили договор с Соединенными Штатами, дававший им надежду обрести какую-то форму государственности, и до 1868 г., когда США достигли договоренности с персе, было заключено 370 договоров

и соглашений между США и отдельными индейскими племенами, и все они были нарушены и фактически расторгнуты в одностороннем порядке. Индейцам, как они сами говорят, пришлось идти по «тропе нарушенных договоров».

Они не могли тягаться со своим противником ни в военном деле, ни в искусстве переговоров. Однако вина за всю ситуацию лежит не только на белых. Индейцы также не выполняли договоров, убивали женщин и детей, мучили и пытали пленных. Многие индейцы сотрудничали с белыми. Одни делали это искренне, веря слову белого человека, считая его цивилизацию более высокой по сравнению с собственной или же видя в признании власти белых единственный шанс индейцев к выживанию. Другие просто вели себя как квислинги¹. Они сотрудничали с белыми за деньги, распродавали принадлежавшие племени земли в корыстных целях, использовали поддержку белых во внутренней борьбе за власть. Бессовестно и постыдно вел себя не только белый человек; и нельзя забывать, что на всем протяжении этого мрачного периода среди белых были люди — государственные деятели, военные, писатели, священнослужители и даже сами переселенцы, — которые пытались не допустить развития событий по тому ужасному и отвратительному сценарию, по которому они развивались, и мужественно поднимали свои голоса в защиту индейцев. Их было немного, не так много, как должно было бы быть, и их усилий оказалось недостаточно, чтобы остановить грязный поток алчности и истерии; но они мужественно выступили против этого, и о них всегда надлежит помнить.

С самого начала наибольший ущерб индейцам нанесли белые переселенцы. Решающую роль всегда играла степень воздействия белых жителей окраин на центральные власти².

¹ К в и с л и н г — премьер-министр Норвегии, сотрудничавший с фашистами; слово «квислинг» стало синонимом предателя.

² *Границей*, или *фронтиром* (от англ. frontier), в США называли оконечность заселенных белыми людьми земель, граничащую с территорией свободных индейских племен. Она никогда не была четко определена и с продвижением белых переселенцев на запад постоянно менялась.

У переселенцев на местах были свои газеты, свои продажные и фанатично настроенные политиканы, наконец, у них были избирательные права (индейцы получили американское гражданство только в 1924 г., а избирательные права — лишь в 1948 г.). Центральное правительство хоть и провозглашало человеческие ценности и гуманизм, но на деле руководствовалось ими крайне редко; оно было слишком слабым и трусливым, чтобы противостоять столь активному и шумно выражаемому групповому влиянию с мест. И справедливости ради следует отметить, что у центрального правительства было много других проблем, не связанных с индейцами.

До того как президентом стал Эндрю Джексон, центральные власти еще придерживались какого-то уровня порядочности и приличия по отношению к индейцам. Джордж Вашингтон, участвовавший в молодости в индейских войнах и друживший с некоторыми вождями индейцев сенека, проводил традиционную для него открытую и разумную политику. Джефферсон же, наоборот, разочаровал. Существовала очень большая разница между его заявлениями на посту президента о необходимости уважать свободу и независимость людей и тем, что он писал на бумаге и делал на практике. Именно он был инициатором программы перемещения, а фактически выселения индейцев. Как отмечается в книге «Перемещение индейского племени чоктавов», Джефферсон призывал официальных лиц, занимавшихся делами индейцев, «применять обман и запугивание», и, как отмечает автор, «реализация этих указаний привела к тому, что индейцев стали сгонять, как скот».

Предложенное Джефферсоном перемещение индейцев, которого он так активно добивался и так ревностно пытался реализовать на практике, было очень трудно остановить или хотя бы смягчить в условиях шовинистического угара, последовавшего за войной 1812 г. В этой связи следует особо отдать должное Джону К. Келхауну, молодому военному министру при президенте Д. Монро, который в течение восьми лет, с 1817 по 1825 г., противодействовал антииндейским усилиям поселенцев пограничных районов и их представителей. Будучи вынужден по долгу службы осуществлять перемещение индейцев, он старался, насколько возможно, максимально оттянуть его прак-

тическое осуществление, а когда это уже стало невозможно, то делать все максимально гуманно. Именно Келхаун организовал в 1824 г. Ведомство по делам индейцев, которое возглавил полковник Томас Б. Мак-Кенни, ставший первым уполномоченным по делам индейцев. С 1824 по 1830 г. это ведомство пыталось проводить на практике просвещенную и гуманную политику, предложенную Келхауном; однако все эти усилия были сведены на нет, когда в 1830 г. президентом США стал Э. Джексон. Это был по натуре воинственный человек, он уже продемонстрировал жестокость по отношению к индейцам, когда был генералом американской армии. Именно он положил начало той практике, когда выбранный президент раздает должности старым друзьям и приятелям, и это неизбежно привело к тому, что решение вопросов, от которых зависела жизнь индейцев, оказалось в руках земельных акул-спекулянтов, тупых «жлобов» и откровенных эксплуататоров. В 1830 г. Джексон подписал Закон о перемещении индейцев, который предусматривал немедленное выселение индейцев с родных мест и перемещение их на запад от Миссисипи. С этого момента и вплоть до 1890 г., не считая короткого перерыва в связи с Гражданской войной, худшие и наиболее реакционно настроенные военные и гражданские официальные лица осуществляли линию на беспощадное подавление и истребление индейцев, что привело к быстрому и трагическому концу.

ЗАХВАТ КОНТИНЕНТА БЕЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Процесс вытеснения и фактического уничтожения индейцев легче себе представить и понять, если рассмотреть, как он проходил в тех основных районах континента, которые мы выделили в качестве основных районов распространения культур. От индейцев фактически очищали район за районом; как только белые заканчивали в одном, они переходили к другому. Начали с северо-восточной части атлантического побережья; именно этот район стал первоначальной ареной борьбы индейцев с белыми. Затем борьба перенеслась в район Великих озер и северную часть Америки; после этого — на юго-восток и во Флориду. Затем последовали Калифорния, северо-за-

падное побережье, район Большого Бассейна и, наконец, район Равнин. Именно в такой последовательности, шаг за шагом, белый человек захватывал позиции на континенте, либо уничтожая при этом коренное население, либо загоняя его на узкую полосу чужой и негостеприимной земли, малопригодной для проживания.

Первые европейские колонии, как мы видели, появились на северо-востоке. Вновь прибывшие колонисты испытывали нужду в продовольствии, одежде и материалах; зачастую у них просто не было крыши над головой. Скванто, один из вождей племени вампаноаг, помог отцам-пилигримам пережить их первую зиму в Америке, которая была очень суровой и трудной для них. Покахонтас, дочь верховного вождя 34 алгонкинских племен Поухатана¹, дважды спасала известного своими пиратскими «подвигами» капитана Джона Смита от смертной казни. Она вышла замуж за виргинского колониста и фермера (и английского дворянина) Джона Ролфа, приняла христианство и жила с мужем в Англии, где умерла в 1617 г. от оспы в Грейвзэнд (восточнее Лондона) в возрасте 22 лет.

Покахонтас, как и Малинче, мексиканская супруга Эрнандо Кортеса², была посредницей между своим народом и европейцами. Но так же как и Малинче, она не смогла предотвратить неизбежного столкновения своих соотечественников с европейцами. По смерти Поухатана в 1618 г. его брат Опенканух, лютый и свирепый старик, втайне ненавидевший колонистов, развязал первую индейскую войну. По его приказу в марте 1622 г. индейцы совершили неожиданное нападение и уничтожили 300 колонистов. Те в ответ убили группу индейских вождей, пригла-

¹ Речь идет о членах Конфедерации Поухатана, объединявшей в XVI—XVII вв. алгонкинские племена, жившие на территории нынешнего штата Виргиния.

² У Кортеса уже была на Кубе законная жена Каталина; во время похода за золотом в Мексику испанцы после одной из побед получили в дар 12 красивых молодых рабынь, среди которых была Малинче (Малинцин), которой испанцы позднее дали имя Марина. Она стала переводчицей, помощницей, а затем и спутницей Кортеса, родила ему сына. Вернувшись с золотом в Испанию и значительно пополнив королевскую казну, Кортес женился на Хуане де Суньига, племяннице герцога Бихарского, одного из влиятельнейших лиц при испанском дворе; Каталина продолжала оставаться на Кубе, а Марино он отдал одному из своих офицеров.

шенных на мирные переговоры. В течение 22 лет с трудом поддерживался мир, но затем Опенканух, которому к этому времени было почти 100 лет, организовал еще одно выступление, во время которого было уничтожено 500 белых поселенцев. Те опять ответили убийствами индейцев.

В более северных районах во время войны с пекотами в 1637 г. колонисты прибегли к тактике использования одного индейского племени против другого. При помощи могикиан и наррагансетов колонисты уничтожили большую часть пекотов, а оставшихся в живых сослали в качестве рабов на Бермуды. Пекоты были первым из более чем 400 племен, прекративших свое существование в течение ближайших 250 лет.

В течение последующих 30 лет столкновения между белыми и индейцами носили эпизодический характер, пока в январе 1675 г. не разразилась война, которую называли «войной Короля Филиппа». В ходе этого вооруженного конфликта вождь вампаноагов Метаком, которого жители Новой Англии называли Король Филипп, призывал сбросить колонистов в море. Наррагансеты поддержали вампаноагов и вместе с ними потерпели поражение в следующем году в сражении при Кингстоне, на Род-Айленде. Король Филипп был взят в плен и обезглавлен¹.

Могикане опять поддержали колонистов, однако предательство своих соотечественников в конечном итоге не принесло им ничего хорошего. На территории Новой Англии индейцев практически не осталось. И сегодня здесь проживает лишь горстка коренных жителей Америки.

К несчастью для индейцев, их силы в этом районе были подорваны в результате печальных событий, произошедших еще до начала решающих боев с белыми. В период с 1630 по 1675 г. Лига пяти ирокезских племен (в нее вхо-

¹ Сэчем племени вампаноагов Метаком объединил индейские племена Новой Англии в конфедерацию, осадил две трети из девяти десятков городов, существовавших тогда в британской Америке, двенадцать из них были взяты приступом и разрушены до основания. 12 августа 1677 г. в непредвиденной стычке на Род-Айленде Метаком погиб. Оставшиеся без вождя индейские отряды были рассеяны. Победители в торжественной обстановке отрубили мертвому Метакому голову, и в течение 20 лет она была выставлена на всеобщее обозрение в Плимуте, Новая Англия.

дили могаука, сенека, онейда, кайюга, онондага; позднее присоединились тускарора) в буквальном смысле слова «вырубила» для себя место в районе реки Гудзон, безжалостно покорив и в значительной степени истребив своих соседей — алгонкинские племена. Не случись этого, именно этот район мог бы стать сердцевинной эффективного и гораздо более упорного сопротивления англичанам, французам и американцам. Что еще хуже, индейцы нередко ошибались в выборе той стороны, которая должна была, по их мнению, победить в междоусобной борьбе белых за влияние на континенте и занять ведущее положение. Так, во время англо-французской войны ирокезы, сенека и могауки выступили на стороне Англии, в то время как оттавы, оджибвеи, делавары, шауни, майами, сак, чиппевы, гуроны, потаватоми и другие племена — на стороне Франции. Французы потерпели поражение, и их индейские союзники пострадали в результате соответствующих последствий. После того как англичане под командованием Вольфа победили французов, которыми командовал Монккам, в сражении под Квебеком, и Франция была вынуждена подписать Парижский мирный договор, многие племена сочли разумным поддержать победоносных англичан в их предстоявшей борьбе против восставших американцев. Даже красноречивый и бесстрашный вождь оттавов Понтиак, который уже давно понимал, к чему идет дело и чем все это для индейцев может кончиться и который в течение двух лет пытался объединить индейцев, чтобы остановить вторжение европейцев, пока не поздно, в конце концов, даже после того, как захватил девять английских фортов, вынужден был стать союзником англичан; вскоре он погиб от руки наемного убийцы.

Военный вождь могауков Джозеф Брант, индейское имя — Тайенданега, оказал англичанам неоценимые услуги и как солдат, и как военачальник. Это был человек большого ума; он учился военному делу у англичан, и в его лице они получили решительного и верного союзника. Он организовал выступление на стороне англичан четырех из пяти племен Лиги (за исключением онейда). Дважды он посещал Англию и встречался с Георгом III, а также обсуждал ряд вопросов с английскими официальными лицами. Художник Ромни написал его портрет.

Когда ему шел четвертый десяток, он возглавил силы, куда входили и солдаты регулярной английской армии. Ему удалось одержать ряд побед; а когда, после битвы при Джонстауне, для англичан все было кончено, он увел своих людей в Канаду, дав слово выступить против только что возникшей американской республики, как только англичане предпримут вторжение против нее. Он умер в Онтарио в возрасте 65 лет на земле, дарованной ему за заслуги перед английской короной.

По окончании Войны за независимость отцы-основатели молодой республики были настроены по отношению к индейцам далеко не благожелательно, поскольку в самые критические моменты войны им приходилось отвлекать серьезные силы, чтобы нейтрализовать угрозу со стороны индейцев. Индейцы же продолжали испытывать терпение американцев: майами, жившие на территории Огайо, под руководством своего вождя Микичимкивы (Маленькая Черепаха) устроили засаду, в которую попала колонна американских войск, в результате чего 900 американцев были убиты. Спустя два года американская армия численностью в 3000 штыков под командованием генерала Уэйна, которого называли Бешеный Энтони, сумела покончить с ними, одержав победу в сражении у Фоллен-Тимбер¹.

Однако эта победа отнюдь не решила проблем, с которыми американцы сталкивались в Огайо. Страстное и неистребимое стремление индейцев к свободе и независимости породило выдающегося лидера, превзошедшего и затмившего даже Понтиака и Джозефа Бранта; имя его стало широко известно далеко за пределами его родных мест. Вождь шауни Текумсе (Летящая Стрела) практически в одиночку, лишь за счет силы ума и характера, чуть было не осуществил мечту индейцев остановить наступление белого человека путем их объединения. Текумсе пытался создать единое независимое индейское государство, которое было бы своего рода буфером между Канадой на севере и Соединенными Штатами на юге и получило бы признание и четкие гарантии от этих стран. Он провел серию переговоров с США и Канадой, а с 1808 по 1811 г. сумел заручиться поддержкой оттавов, делаваров,

¹ Это сражение, произошедшее 20 августа 1794 г., еще называют «сражение у лежащего дерева».

вандотов, оджибвеев и кикапу на севере и криков, чоктавов и чикасавов на обширной территории юго-востока. Будь англичане дальновиднее, относись американцы с большей порядочностью, добросовестностью и честностью к собственным обещаниям и обязательствам или оказалась коалиция, созданная Текумсе, более сплоченной, возможно, ему удалось бы создать на американском континенте третье независимое государство, помимо Канады и США. Конечно, с учетом реальной ситуации того времени такая возможность была в лучшем случае довольно отдаленной и имела немного шансов на успех. Однако нельзя не отдать должное Текумсе как за самую смелую идею, за усилия по ее осуществлению, так и за то, с каким благородством и мужеством он воспринял неудачу в осуществлении своего замысла. В результате обманов и интриг со стороны американцев Текумсе проиграл сражение у Типпеканоэ в 1811 г. Как мы уже упоминали, он погиб в ходе войны 1812 г., в которой принимал участие в звании бригадного генерала английской армии, во время сражения на Темзе, в Онтарио. Ему было 45 лет.

Мечта Текумсе умерла вместе с ним. Один из его соратников Черный Ястреб, вождь сауков и лис, попытался объединить на территории Иллинойса и Висконсина то, что осталось от созданной Текумсе конфедерации. Однако его отряды потерпели тяжелое и окончательное поражение в сражении на Висконсинских холмах в 1832 г. Сам Черный Ястреб попал в плен; лейтенант американской армии Джефферсон Дэвис доставил его, закованного в кандалы, к генералу Уинфилду Скотту. Многие индейцы из племен Среднего Запада, в частности делавары, поттаватами и каскаския, давно поняв и почувствовав, что надвигается буря, оставили свои земли и ушли за Миссисипи, подальше от белого человека.

Укрепив свои северные и северо-восточные границы, Соединенные Штаты теперь могли сконцентрировать внимание на южных и юго-восточных районах. Два крупнейших индейских племени, жившие в этих районах: чоктавы, на территории штата Теннесси, и чоктавы, на территории штатов Миссисипи и Алабама, не представляли никакой угрозы для американцев. Эти могущественные племена стремились развивать мирные и добрососедские отношения со своими белыми соседями. Главной мише-

нью американцев были два воинственных племени отдаленных районов юга: крики в Луизиане и семинолы во Флориде.

В течение большей части XVIII в. крики и семинолы имели очень хорошие отношения с испанцами и в особенности с французами; Франция лучше, чем кто-либо из колониальных держав, умела управлять своими колониями, населенными индейцами, — достаточно мягко. Крики были очень беспокойными и неугомонными, хотя и занимались сельским хозяйством. Сказывалась кровь европейских торговцев и искателей приключений, находящихся в этих местах уже в течение 300 лет. У трех главных вождей криков: Александра Макгиллврея, Уильяма Уэзерфорда и Уильяма Макинтоша — отцы были шотландцами, а матери — индианками. Макгиллврей был весьма колоритной фигурой: сначала был полковником английской армии, потом занимал одну из руководящих гражданских должностей у испанцев и, наконец, стал бригадным генералом армии США. Макинтош также принял сторону США. Самым противоречивым из них был Уэзерфорд. В августе 1813 г. он спровоцировал войну криков с американцами, совершив неожиданное нападение на укрепленное гражданское поселение на реке Алабама, во время которого было убито 500 белых поселенцев. Отомстить за это трусливое зверство был послан уже упоминавшийся Эндрю Джексон во главе армии из 5000 штыков. Джексон преследовал Уэзерфорда в течение года, пока наконец не загнал его в излучину Лошадиное Копыто, где и разгромил в решающем сражении. После этого он конфисковал более половины земель, которые занимали крики — 9,2 млн га, и передал ее белым поселенцам, среди которых было много его личных друзей, получивших немалую часть этой земли.

Хотя США официально присоединили Флориду путем аннексии в 1821 г., война между американцами и семинолами вспыхнула лишь в 1832 г. Поводом послужил новый Земельный договор, навязанный семинолам¹, согласно которому они, вместе с криками, должны были покинуть Флориду и переселиться в Оклахому; в качестве компенсации им предлагалась общая единовременная сумма

¹ Новый договор фактически отменял прежний — подписанный в Маультри в 1823 г.

в 15 000 долларов, причем 7000 долларов из нее должно было быть выплачено белым поселенцам «за причиненный ущерб». Большинство семинолов отвергло этот договор и стало на тропу войны. Борьбу возглавил талантливый и энергичный молодой воин по имени Оцеола. В жилах Оцеолы текла индейская и европейская кровь, ему было 30 лет, он обладал красивой, романтической внешностью. Хотя Оцеола не был до этого вождем или военачальником, он прекрасно маневрировал со своими силами по родным болотам и низинам, изрядно измотав за два года преследовавших его американцев, нанося им при этом чувствительные неожиданные удары. В 1835 г., в канун Рождества, воины Оцеолы уничтожили колонну американских войск, убив при этом генерала и четырех высших офицеров. Оцеола стал легендарным героем этих мест. В конце концов он был вероломно взят в плен по приказу американского генерала Джессапа, войска которого ранее были разгромлены Оцеолой в одном из сражений. Джессап пригласил Оцеолу на переговоры для заключения перемирия, а когда тот прибыл, приказал заковать его и прибывших с ним в кандалы.

Спустя три месяца Оцеола умер в тюрьме, но борьба семинолов не ослабевала. Американские войска во главе с генералом З. Тейлором понесли очень большие потери, и лишь в 1841 г. им удалось выдавить восставших из низин и пленить их. Большинство семинолов было немедленно выслано в Оклахому.

По иронии судьбы, вождь чоктавов Пушматаха вместе с 700 воинами участвовал в войне против криков под командованием генерала Клейборна. Затем, под командованием генерала Джексона, чоктавы отличились в сражении против англичан под Новым Орлеаном. Их северные соседи, чироки, также участвовали в войне против криков; под командой Джексона они приняли участие в сражении у излучины Лошадиное Копыто.

Чоктавы и чироки были прекрасными воинами, но, в отличие от творивших грабежи и беззаконие криков, были миролюбивыми людьми. Они хотели показать белому человеку, что могут вносить созидательный вклад в развитие североамериканского общества, если им будет предоставлена такая возможность. В конце концов, они ведь были включены в состав «цивилизованных племен». Ис-

пользуя свои богатые традиции сельскохозяйственной деятельности, эти племена быстро восприняли и развили опыт белого человека в этой области и вскоре стали успешными и рачительными фермерами, прекрасно владевшими искусством как земледелия, так и животноводства. Они обладали огромными стадами крупного рогатого скота и не менее внушительными табунами лошадей, давно уже переселились из палаток-типи в прочные деревянные дома, строили школы, дороги, храмы. Благодаря алфавиту, который изобрел Секвойя, большинство чироков были грамотными; они выпускали свою газету «Феникс». В 1819 г. чироки выбрали председателем Национального совета великого Джона Росса. Этот голубоглазый молодой человек был сыном шотландского иммигранта; его воспитали индейцы и дали ему имя Цан Усди (Маленький Джон). Он был инициатором объединения всех чироковских племен в единое государственное образование, имевшее свою конституцию, со столицей в Нью-Экоте, штат Джорджия¹.

В 1928 г. Джону Россу был торжественно присвоен титул верховного вождя.

Чоктавы и чироки были умными и развитыми людьми, очень восприимчивыми ко всему новому и полезному. Уничтожение их жизненного уклада и культурной среды обитания, а также изгнание их из родных мест является одним из самых тяжких преступлений белых переселенцев. Судьба этих племен давно была предreshена. Еще в начале XIX в. раздавались требования о немедленном перемещении их на запад. Это требование было выполнено во время президентства Джексона, который проводил непримиримую и твердолобую политику в отношении индейцев и которого Джон Квинси Адаме называл «варваром». С 1831 по 1834 г. две трети чоктавов, а также их соседей чикасавов были переправлены гужевым транспортом на запад — на «индейскую территорию», располагавшуюся за Миссисипи. В качестве компенсации каждому индейцу дали 13 долларов и одеяло.

В 1838 г. 7000 американских солдат под командованием генерала У. Скотта вошли в селение чироков и загна-

¹ Чироки первыми среди североамериканских индейцев составили собственную конституцию и заменили старые племенные советы выборным двухпалатным парламентом.

ли всех жителей на специально огороженные и обнесенные частоколом места, чтобы отконвоировать их на запад, на «индейскую территорию». Джон Росс пытался доказать незаконность выселения и перемещения через суд, но понял, что это безнадежно. Людей выпустили из мест концентрации лишь после его энергичного вмешательства и обещания самому лично возглавить переход на «индейскую территорию». Этот переход состоялся зимой 1838 г. 15 000 чироков оправились вслед за чоктавами на «индейскую территорию». Во время шестимесячного перехода 4000 человек погибли, в их числе и жена Джона Росса. До сих пор индейцы называют этот переход «Дорогой слез». Но Джон Росс не сдался, трагедия не сломила его, и он сумел поддержать дух своих соплеменников, увлечь их на созидательный труд на новом месте. Собрав всех оставшихся в живых на территории Оклахомы, Джон Росс возглавил обустройство жизни практически заново. Была разработана новая конституция, был восстановлен традиционный жизненный уклад; сплотившиеся вокруг своего вождя чироки восстановили и свою государственность; их новой столицей стал Талекуа. Умер Джон Росс в 1866 г. во время одного из своих многочисленных приездов в Вашингтон, в ходе которых он пытался убедить федеральное правительство, с тупой черствостью проводившее политику уничтожения индейцев, проявлять хоть какую-то долю справедливости и благородства.

Если индейцы восточной части США вели в течение 300 лет непрерывную борьбу с европейцами, то их собратья на западе были фактически избавлены от этого. Во время испанской оккупации юго-западных районов и Калифорнии, длившейся до 1819 г., европейцев здесь было очень немного: солдат, священнослужителей и поселенцев. Они контролировали лишь небольшую территорию вокруг укрепленных испанских поселений и религиозных миссий. Аналогичная картина наблюдалась и с 1819 по 1848 г., когда этот район находился под властью Мексики. Плотность рассредоточившихся по этим районам мексиканцев была столь мала, что их влияние практически не ощущалось. И хотя жившие здесь, как их называли, «миссионерские» индейцы периодически становились жертвами эпидемий или жестокости со стороны белых, в целом можно сказать, что индейцы запада, жившие вла-

леке от основных очагов присутствия белого человека, не испытывали каких-либо проблем или беспокойств. Большинство, вероятно, вообще ничего не знало о появлении на континенте европейцев, а многие племена считали присутствие белых полезным как с материальной, так и с духовной точки зрения.

Оценки того, сколько индейцев изначально проживало на восточной части тихоокеанского побережья и прилегающих районах, разнятся весьма существенно. Как можно предположить, здесь жило около 250 племен, которые составляли несколько народностей и сообществ. Они говорили более чем на 100 различных диалектах. Кажется невероятным, но спустя лишь 20 лет после появления белого американца практически все они прекратили свое существование: виселицы, пули, яды, травля собаками, умышленно вызванный голод и депортации сделали свое дело.

Начало массовому истреблению индейцев в этих районах было положено в 1848 г. После подписания договора Гуадалупе-Идальго между США и Мексикой, столица которой, Мехико, была занята 43-тысячной американской армией, под контроль Соединенных Штатов перешла вся ранее принадлежавшая Мексике территория севернее Рио-Гранде. За этот кусок территории, превышающей по размерам Европу, США заплатили Мексике 15 миллионов долларов.

Всего год спустя началась «золотая лихорадка». На эти земли буквально хлынули преступники, авантюристы, искатели приключений — те, кто не сумел ничего добиться в восточных районах и надеялся разбогатеть здесь. В течение трех лет белых здесь стало больше, чем индейцев. В течение только одного года в Калифорнию прибыли 100 тысяч иммигрантов, которые буквально превратили в ад то, что когда-то было почти райским местом. О мерзостях и злодеяниях первых переселенцев и золотоискателей лучше не говорить. Читатели, имеющие достаточно крепкие нервы, чтобы ознакомиться с историей Западного побережья с 1850 по 1875 г., могут прочитать работы таких авторов, как Шербурн Ф. Кук или Роберт Дж. Коэн, а также считающуюся классической небольшую книжку, написанную Теодорой Кребер, о которой мы упоминали в первой главе этой книги.

Проникновение белых в юго-западные районы осуществлялось медленнее, однако, в конце концов, и эти районы получили свою порцию алчных земельных аферистов, а также искателей золота и серебра. И ущерб они нанесли не намного меньший, чем их «коллеги», о которых говорилось выше. С 1850 по 1900 г. индейское население сократилось в этих местах где наполовину, а где на две трети. Наиболее крупным юго-западным племенам, таким как пима, папаго, навахо, и индейцам пуэбло пришлось проявить неимоверную стойкость и упорство, чтобы выжить. А некоторые племена были настолько малы и беззащитны и жили в таких тяжелых условиях в неблагоприятных для проживания засушливых районах, что белые перестали их преследовать, видя, что с них нечего взять, и «благородно» забыли об их существовании. А вот боевые и воинственные племена Равнин, которые оказали белым вооруженное сопротивление, были за это буквально раздавлены.

Последние попытки спасти и отстоять ту жизнь, которой они жили 30 000 лет, индейцы предприняли в 70-х гг. XIX в. Первая из четырех индейских войн, либо начавшихся, либо достигших наивысшей точки в этот период, произошла на юго-западе. Пользовавшийся большим уважением и почитанием вождь чирикауа, одного из крыла апачей, которого звали Кочизе, держал оборону в горных районах со своими отрядами в течение девяти лет. Другие пять крыльев, включая воинственных апачей-мескалоро, к этому времени были согнаны во временные резервации после того, как их сопротивление было подавлено. Апачи в то время не пользовались особыми симпатиями, да и, честно говоря, не особенно их и заслуживали. Но нельзя не отдать должное тому, с каким упорством они вели неравную борьбу в течение столь длительного времени. Это тем более удивительно и вызывает особое уважение, поскольку общая численность апачей в западных районах никогда не превышала 5000—6000 человек, включая женщин и детей.

Величественный и обладавший большим чувством собственного достоинства вождь апачей Кочизе производил сильное впечатление. Он встал на тропу войны в 1861 г., после того как ему удалось уйти, с тремя пулями в теле, после вероломного нападения на него во время перегово-

воров, которые он вел на территории 7-го кавалерийского полка армии США¹.

Вначале он действовал совместно с легендарным Мангасом Колорадосом (Красная Рубаха). Американская армия численностью в 3000 штыков, посланная из Калифорнии, чтобы покончить с ними, с трудом избежала поражения в сражении с отрядами этих двух воинов в Ущелье Апачей. Спустя пять месяцев, в январе 1863 г., Мангас Колорадос был убит. Американцы, действуя в своей обычной тактике, пригласили его на переговоры, а когда он пришел с флагом парламентарера, арестовали его, подвергли пытке раскаленными штыками, а затем застрелили «при попытке к бегству».

Лишь спустя восемь лет, в сентябре 1871 г., американский генерал Джордж Крук, известный своей порядочностью и справедливостью и поэтому пользовавшийся уважением и доверием апачей, называвших его Серый Волк, убедил Кочизе заключить мир и войти со своими 200 воинами на территорию резервации. Но вспышки сопротивления со стороны апачей случались и после этого. С 1871 по 1886 г. ряд их вождей один за другим уводили часть индейцев из резервации и начинали самую настоящую, неистовую партизанскую войну. Некоторые отряды насчитывали до 100 воинов, некоторые — не больше дюжины. Независимо от численности, они наводили ужас на белых своими вылазками. Такие вожди, как Викторио, Нана, Чато, Локо и Ульзана, внесли неоценимый вклад в тактику партизанской войны. Последним военным командиром апачей был Херонимо. Его, строго говоря, нельзя назвать ни вождем, ни командиром; это был болтливый, злобный, полусумасшедший человек, испытывавший потребность сеять хаос и разрушения. Американскому командованию опять пришлось пригласить генерала Крука, чтобы убедить Херонимо сдаться. После того как Круку удалось это сделать, его откомандировали в другое место, а 500 апачей-чирикауа, не разбираясь, кто прав, кто виноват, отправили в опечатанных вагонах в крепости-тюрь-

¹ Американцы постоянно применяли подобный недостойный прием по отношению к индейцам; многие индейцы были захвачены в плен или убиты во время переговоров, когда они находились под защитой флага парламентарев.

мы, располагавшиеся во Флориде и в Алабаме. В течение последующих 20 лет большинство апачей умерли от тоски по родине и отчаяния. Лишь в 1913 г. 200 оставшимся в живых разрешили вернуться в родные горы.

Судьба апачей оказалась незавидной, но команчам, возглавившим вторую из войн 70-х гг. против белых, повезло еще меньше. Сегодня команчи представляют собой лишь бледную тень некогда могущественного и грозного племени. В 1874 г. 30-летний Куана Паркер, молодой и горячий вождь команчей-квахад¹, сын команча и белой женщины, во главе сводного отряда команчей, кайовов и шайенов численностью в 700 воинов атаковал укрепленную стоянку 30 белых охотников на бизонов, которая называлась Адоб-Воллз.

Штурм продолжался три дня, но индейцы так и не смогли захватить укрепление; охотники успешно отразили все атаки при помощи своих крупнокалиберных винтовок, потеряв при этом лишь троих человек убитыми. При поверхностном рассмотрении этот эпизод может вызвать ассоциации с лихим нападением на караван, которое автор сатирически описал в самом начале книги. На самом деле все обстояло гораздо серьезнее, хотя Паркер и потерпел неудачу. Согласно Нерушимому договору 1867 г. («Договор, скрепленный клятвами в вигваме шамана»), крупнейшим племенам южной части Равнин отводились обширные территории для резерваций, на которых им предоставлялось исключительное право охоты на бизонов, от которой напрямую зависело их существование и выживание. Однако, несмотря на договор, на закрепленную за индейцами территорию ринулись белые охотники, в основном такие же грубые и бессердечные негодяи и головорезы, как и калифорнийские золотоискатели. Они полностью истребили животных, к которым индейцы относились с трепетом и поклонением в течение столетий. Бизоны были выбиты белыми охотниками за четыре года: с 1870 по 1874 г.; за это время спрос на шкуру, а также жир и сало бизонов сначала неожиданно появился и резко взлетел, а потом также неожиданно и резко прекратился, в результате чего весь рынок рухнул. В 1860 г. пого-

¹ Во второй половине XIX в. наиболее крупными племенами команчей были пенатеки, котсотеки, нокони, ямпарики и квахади.

ловье бизонов в западной части Равнин составляло, по оценкам, 100 миллионов животных; в 1900 г. их осталось лишь 1000. С рассвета до заката один член команды охотников с легкостью уничтожал из своей «бизоньей винтовки» до 200 животных.

После своей неудачной атаки Паркер оставался в этих местах еще в течение года, пока его отряд не был окружен и принужден к капитуляции силами генерала Майлза, в подчинении у которого находился Дж. Крук. Свирепый и безжалостный Майлз не стал церемониться с команчами, так же как ранее с апачами, и фактически отправил их умирать во флоридскую тюрьму. Судьба американского индейца становилась все более похожей на судьбу американского бизона.

Сиу и шайены, жившие в северной части Равнин, также взялись за оружие, чтобы защитить свои охотничьи земли от американцев.

В 1865 г. вождь сиу-оглалов Красное Облако¹ не дал, под угрозой применения силы, специально посланному американскому отряду произвести разведку местности вдоль «пути Бозмана», шедшего через Монтану².

Американцы проигнорировали это предупреждение и направили армию в Вайоминг для обеспечения строительства дороги вдоль реки Паудер.

В результате начались военные столкновения, вошедшие в историю как «война Красного Облака». В 1866 г. под Форт-Кирни был уничтожен отряд американской армии в составе 80 человек, а два года спустя был подписан Договор Форт-Лэрэми, по которому американские военные, пойдя на уступки, согласились убрать с территории, занимаемой сиу, все форты и укрепленные посты и вывести все гарнизоны. Красное Облако был единственным индейцем, которому удалось одержать победу в войне с США.

Однако его решение заключить мир и согласиться оставаться на территории только что созданной Великой ре-

¹ Равнинные сиу состояли из семи самостоятельных племен: оглалы; миниконжу; брюле, или сичангу; охенонпы; итазипчо; сихасапы; хункпапы. Самыми многочисленными из них были брюле и оглалы.

² В начале 60-х гг. Джон Бозман нашел новый путь на золотые прииски Монтаны, лежащий через земли сиу, по которому двинулись караваны переселенцев и золотоискателей.

зервации сиу вызвало яростные протесты среди молодых воинов, которые отказались вступить на территорию резервации. Под энергичным руководством решительного и храброго Бешеного Коня, которому тогда едва исполнилось 19 лет, они пытались остаться на своих традиционных охотничьих землях. В 1876 г. в этот район был направлен старый генерал Крук для того, чтобы убедить их уйти в резервацию. Сиу не просто отказались, но, разъяренные грабежами и мародерством белых рудокопов в горах Блэк-Хилс в Дакоте¹, перерезали пути снабжения частей Крука и атаковали их у реки Розбад.

После упорного боя, длившегося весь день, Крук отступил, а Бешеный Конь направился с 1200 своими воинами — оглалами и шайенами — в долину реки Литтл-Бигхорн. Здесь он соединился с основными силами — с 3000 воинов под командованием Сидящего Быка, вождя сиу-хункпапов.

Сидящему Быку в то время было уже за сорок. Это была выдающаяся личность — он был не только вождем, воином и военачальником, но также шаманом и ясновидящим. За несколько дней до битвы при Литтл-Бигхорн он выполнил ритуал Пляски солнца, чтобы получить откровение свыше, напутствие перед сражением. На груди и спине у него были глубокие раны, и он был еще слишком слаб, чтобы принять участие в сражении. Однако, находясь в своем жилище, он разработал план боя и осуществлял общее руководство всей операцией; непосредственное руководство воинами и воплощение разработанного плана в жизнь он передал в надежные руки Бешеного Коня. Индейцам, безусловно, повезло, что американскими силами командовал жаждущий славы генерал Д. Кастер, лживый и некомпетентный в военных вопросах человек, которого уже отстраняли от должности за жестокость и недисциплинированность. Однако он был восстановлен в должности благодаря вмешательству своего покровителя генерала Ф. Шеридана, бывшего тогда военным министром².

¹ Горы Блэк-Хилс расположены на границе Южной Дакоты и Вайоминга; иногда места, где происходили описываемые события, называют «районом Черных Холмов».

² Под его командованием Кастер участвовал в зимней кампании 1868—1869 гг. против шайенов и арапахо; индейцы называли Кастера Вождем Воров.

Шеридан недвусмысленно сформулировал свою политику в отношении индейцев: они должны быть уничтожены. Перед сражением на реке Литтл-Бигхорн, произошедшим 25 июня 1876 г., протеже Шеридана, относившийся к индейцам вполне в духе своего покровителя, не только проигнорировал приказы и установки вышестоящего командования, но и в своем презрительном пренебрежении к противнику допустил элементарную ошибку, разделив свои силы. Расплата последовала незамедлительно: в течение часа Кастер и 224 солдата 7-го кавалерийского полка армии США были уничтожены¹.

Это была великая победа, но, право, для индейцев было бы лучше, если бы они ее не одержали. Началась самая настоящая антииндейская истерия; в белых газетах поднялся вой с требованиями мести и реванша. Были направлены обладавшие подавляющим численным превосходством силы во главе с генералом Майлзом; Бешеный Конь искусно маневрировал, уводя свои отряды от преследования, но зимой того же года, чтобы спасти людей, вынужден был привести их на территорию, контролируемую частями генерала Крука, чтобы сдать именно ему и обеспечить людям убежище. Спустя несколько месяцев молодой вождь был убит. Он узнал о планах отправить его, закованного в кандалы, в Драй-Тортугас², попытался уйти и получил смертельный удар штыком в спину. Сидящий Бык, после недолгого пребывания в Канаде, был застрелен во время стычки в резервации Стэндин-Рок в 1890 г.; белый агент³ подумал, что Сидящий Бык хочет самовольно покинуть резервацию. Вместе с ним был убит и его 17-летний сын.

¹ Этот разгром считается самым тяжелым поражением американцев за всю историю войн с индейцами; отряд Кастера был уничтожен практически полностью: приблизительно 253 солдата и офицера были убиты и 43 ранены; индейцы потеряли убитыми 35 человек; сейчас на месте сражения, на юге Монтаны, располагается историческое место Литтл-Бигхорн—Баттлфилд.

² Д р а й - Т о р т у г а с — островная тюрьма рядом с Флоридой; сейчас там расположен национальный парк Драй-Тортугас.

³ Агентство — административный центр резервации, в котором располагались постройки, где жили белые работники. Главой агентства был так называемый индейский агент (который здесь упомянут как белый агент), назначаемый из Вашингтона. Стычка произошла тогда, когда индейский агент Д. Маклафлин приказал арестовать Сидящего Быка.

Стремительно разыгрывался последний акт этой драмы. Характерно, что он происходил в самом отдаленном уголке США, показывая этим, что в Штатах для индейца не было места и идти ему было больше некуда.

Индейцы неперсе жили на территории штатов Орегон и Вашингтон с 1855 г. на основании договора с Соединенными Штатами, по которому они получали право на эту землю. Племя было многочисленным, люди — очень способные и одаренные. Название *неперсе* было дано французскими трапперами¹ либо потому, что неперсе вставляли себе в ноздри раковины, либо потому, что они надрезали ноздри своих лошадей апалусской породы, чтобы увеличить приток воздуха в их легкие и обеспечить им быстроту бега. Когда на территории резервации было обнаружено золото, белые дельцы попытались отхватить себе три четверти территории, принадлежавшей индейцам. Разгорелся спор за плодородную центральную часть долины реки Уаллауа; молодой вождь неперсе Джозеф попытался остановить произвол через суд, однако длительная тяжба не дала никаких результатов, и он оказался перед выбором: либо покинуть территорию добровольно, либо быть выдворенным американской армией. Чтобы не подвергать опасности жизнь соплеменников, Джозеф решил покинуть спорную территорию, и началась подготовка к уходу. Однако в племени возникли волнения, во время которых несколько белых было убито. Для восстановления порядка были направлены войска, но они были разгромлены в сражении, произошедшем в каньоне Уайт-Берд. Американцы направили дополнительные силы, произошло еще 18 вооруженных стычек, но индейцам удавалось избежать поражения: командиры индейских отрядов Пять Ран, Зеркало и Тухулхулзот умело маневрировали вокруг своих преследователей, не позволяя им воспользоваться своим численным превосходством.

После двухдневного сражения с силами генерала Говарда численностью в 600 штыков, произошедшего в районе города Камайя, штат Айдахо, Джозеф, у которого с самого начала было намного меньше воинов, оказался

¹ Трапперы (от англ. trap — капкан, ловушка) — белые охотники, добывавшие пушнину с помощью капканов; по-французски *неперсе* означает «проколотые носы».

перед выбором: или отходить, или сдаваться. Он принял решение попытаться увести оставшихся 200 воинов и 600 женщин и детей в Канаду и получить там убежище.

Организованное отступление неперсе в тех условиях, в которых они оказались, и при постоянном преследовании войсками Говарда было проведено блестяще; оно напоминало лучшие образцы подобных операций, проводимых апачами. Двигаясь на восток, индейцы перешли через перевал Лоло и хребет Биттеррут; пересекли территорию четырех штатов; дважды осуществляли переход через Скалистые горы; прошли через Йеллоустон, по пятам преследуемые Говардом, у которого уже было 2000 штыков, и форсировали Миссури. К тому моменту, когда Говарду удалось настичь Джозефа и его людей в горах Биар-По, они сумели пройти тяжелейший путь длиной в 3200 км, стоивший им больших усилий и потерь. До канадской границы оставалось менее 50 км. Несмотря на потери и усталость, а также подавляющее численное превосходство противника, индейцы сражались яростно и отчаянно и в ходе упорнейших пятидневных боев нанесли войскам Говарда серьезный урон; он был вынужден применить артиллерию.

Когда 7 октября 1877 г. Говард получил подкрепление, положение стало безнадежным. Чтобы спасти людей, Джозеф был вынужден объявить о сдаче. Вот его знаменитое письмо Говарду с уведомлением об этом:

«У меня больше нет сил сражаться. Наши командиры погибли. Зеркало мертв. Тухулхулзот мертв. Все старые и пожилые люди умерли. Все теперь решают молодые, но их командир, мой брат Оликут, мертв. Наступили холода. У нас нет одеял. Дети замерзают. Некоторые из моих людей ушли в горы без еды и теплой одежды. От них нет никаких вестей. Возможно, они замерзают. Я хочу попытаться найти их. Может, их уже нет в живых.

Я отдаю себя вашей власти. Боги видят, как я устал. Говорю об этом с тоской и болью в сердце. С того момента, который сейчас отмечен солнцем, я обещаю больше никогда не брать в руки оружие».

Это пропитанное болью письмо, напоминающее некролог, является одним из свидетельств, а таковых было немало, которые должны показать будущим поколениям, каким страшным ударом явилось для индейцев то жестокое и сокрушительное поражение, которое они потерпели.

Соседями неперсе были плоскоголовые. Их вождь Шарлот отказался уступить белым долину Биттеррут в Монтане; после 30-летнего сопротивления он, уже будучи совсем пожилым человеком, увел своих людей в Канаду. Вот выдержки из его речи, произнесенной в 1876 г.:

«Зимний снег более чем семьдесят раз выпадал и таял с тех пор, как наши предки однажды впустили в свой дом белого человека. Он заполнил могилы останками наших братьев. Он сеет разрушение. Он портит и уродует тот мир, который Великий Дух, властелин нашей страны, создал чистым и прекрасным...

Кто он? Зачем он пришел сюда? Мы были рады встрече с ним, когда впервые увидели его. Мы думали, что он принес с собой свет. Но он оказался подобным сгущающимся вечерним сумеркам, а не занимающейся утренней заре. Его приход погрузил наше будущее во мрак ночи. Клеймо «ВОР И ЛЖЕЦ» должно быть выжжено у него на лбу, так же как он выжигает клейма на боках наших лошадей, которых он крадет у нас. Если бы Великий Дух предостерег нас, мы бы не впустили белого человека в наш дом. Но мы не отвергли его. Когда он был беден и слаб, мы приютили и накормили его. Мы научили его ходить по нашей земле; показали ему броды через наши реки, проходы и тропы в наших горах. Он предложил скрепить нашим именем те бумаги, на которых стояло и его имя; он клялся Солнцем и своим Богом, что выполнит все свои обещания. Он обещал нам то, что он не только никогда не дал, но и никогда не собирался давать. А потом он стал угрожать нам своими солдатами, тюрьмами и железными цепями... Братья, у нас ничего не осталось. Мы осиротели. Белый человек — это горе и рок для тех из нас, кто пока еще жив и кто сможет еще увидеть какое-то время восход солнца... Вы знаете, что он высокомерен, властен, черств и беспощаден. Что вы видите, когда смотрите на него, стоя рядом с ним? Что вы чувствуете? Холодный взгляд его пустых рыбьих глаз. Хитрость, коварство и зависть, которые являются такой же неотъемлемой его частью, как его руки и ноги... Разве написанные им законы дали нам хоть один пучок травы, хоть одно дерево, утку, тетерева, треску? Он подкрадывается, как росомаха, чтобы украсть то, что принадлежит нам. Он приходит все чаще и забирает все больше. А то, что он не может забрать, он портит и разрушает».

Таковы были чувства и настроения индейца в 70-х гг. XIX в.

Как мы видели, политика сгона индейцев с их родных земель с помощью силы и обмана, неизбежно ведшая к кровопролитию, начала осуществляться в XVII в.; в этом столетии, как и в следующем, она проводилась разрозненно и эпизодически, а вот в XIX в. она была вполне четко разработана и оформлена и стала проводиться на постоянной и систематической основе. Джефферсон разработал крупномасштабный план, согласно которому в 1802 г. от индейцев должна была быть очищена территория штата Миссисипи, в 1803 г. — Индиана, в 1804 г. — Луизиана, в 1808 г. — Арканзас. Эта политика нашла «достойных» исполнителей в лице таких людей, как Уильям Генри Гаррисон, который был губернатором Индианы с 1800 по 1812 г. Гаррисон аннулировал все права индейцев на землю в Индиане, Иллинойсе, Огайо, Мичигане и Висконсине и принудительно выкупал ее по цене 2,5 цента за 1 га. Согласно последнему из 15 навязанных индейцам договоров, известному как Договор Форт-Уэйн, подписанному в 1809 г., у индейцев отобрали 1 млн га земли, что подтолкнуло Текумсе выступить с оружием в руках против Соединенных Штатов. Индейцы не могли воспрепятствовать этой официальной политике властей, которая проводилась решительно и последовательно. В течение пяти лет, с 1853 по 1857 г., США приобрели 63 млн га земли в соответствии с 52 различными договорами, условия ни одного из которых американцы впоследствии не выполнили.

К 1860 г. политика сгона индейцев с занимаемых ими земель проводилась совершенно откровенно и все более и более агрессивно. Лишь во время Гражданской войны южане-конфедераты попытались применить новый, весьма интересный подход к решению этой проблемы, однако, к сожалению, с победой северян все это было свернуто. К 1880 г. двадцать пять из сумевших выжить к этому времени индейских племен, общее число которых значительно сократилось, были размещены на территории нынешней Оклахомы или в других местах, находившихся на большем или меньшем удалении от родных мест. Обсуждался вопрос о создании отдельной «индейской территории», населенной одними индейцами, которая была бы офици-

ально провозглашена американским штатом. От этой идеи отказались, поскольку в случае ее осуществления за индейцами пришлось бы закрепить очень большую территорию, на которой впоследствии могли бы быть обнаружены ценные залежи полезных ископаемых или земли, пригодные для сельскохозяйственного использования. Задача же заключалась в том, чтобы в случае обнаружения таких земель как можно быстрее переселить индейцев на другую территорию. И так происходило постоянно. Из-за подобной политики некоторым племенам приходилось по нескольку раз переходить с одной территории на другую, а тем, кому особо не повезло, приходилось по многу раз менять место жительства. Так, апачей-мескалеро перемещали с места на место восемь раз, пока они наконец не поселились на небольшом участке земли, не представлявшем никакого интереса для белого человека. На мытарствах индейцев, связанных с переселением, делали грязный, но весьма прибыльный бизнес всякие проходимцы, находившиеся на госслужбе и имевшие отношение к этим вопросам по своим служебным обязанностям. За взятку в 20 000 долларов они «уступали» темным дельцам право продавать индейцам списанные, полуистлевшие и кишачие жучками галеты, а также одеяла из армейских запасов, часто мало пригодные к использованию. Знаменитый вождь сиу Пятнистый Хвост обращался к федеральным властям с вопросом: «Почему Великий Отец¹ не может выделить повозки и телеги, ведь на колесах ему было бы легче перевозить своих краснокожих детей?»

В начале 80-х гг. XIX в. индейцы обладали 55 млн га земли. Пятьдесят лет спустя, в начале 30-х гг. XX в., в результате махинаций, ставших возможными благодаря закону Дауэса о разделе резервационных земель от 1887 г.² и принятому в его развитие в 1907 г. закону Бурке, количество земли в распоряжении индейцев сократилось на две трети и составляло 21 млн га. В соответствии с законом Дауэса в индивидуальную собственность индейцам

¹ «Великий Белый Отец» — так индейцы обращались к президенту США.

² Согласно этому закону «президент США имеет право разбить земельные угодья резервации на участки и распределить их между индейцами»; цель закона состояла в том, чтобы затем прибрать к рукам максимальное количество индейских земель.

было передано 12 млн га резервационных земель; к 1934 г. 11,6 млн га из них уже были собственностью белых. Индейцы теряли 600 000 га земли в год, то есть 1800 га в день. Даже когда индеец получал надел и был его номинальным хозяином, он не мог использовать лучшую часть этого участка для проживания, поскольку она «арендовалась» белым человеком.

Как уже отмечалось в начале этой главы, среди белых американцев безусловно были люди, которые пытались помешать бесстыдной и отвратительной политике по отношению к индейцам. Как мы рассказывали ранее, Ведомство по делам индейцев, созданное в 1824 г., пыталось изменить ситуацию к лучшему, но в 1849 г. его включили в состав министерства внутренних дел, в результате чего оно потеряло и те небольшие возможности самостоятельно влиять на ситуацию, которые у него до этого были. Но и тогда глава ведомства, уполномоченный по делам индейцев Джордж Манипенни предпринял в 1854 г. попытку остановить политику перемещения индейцев или хотя бы положить конец наиболее отвратительным формам ее проведения. В 1869 г. президент У. Грант создал новый орган — Совет уполномоченных по делам индейцев. Во главе его он поставил индианку из племени сенека Эли Паркер, которая была его сотрудницей во время Гражданской войны. К сожалению, в этом органе слишком часто оказывались либо временщики, либо нечистые на руку люди. Саму Паркер пришлось вскоре освободить от должности за некомпетентность. Тем не менее энергичные усилия таких мужественных людей, как Хелен Хант Джексон, а также таких организаций, как Национальная индейская ассоциация, Ассоциация по правам индейцев и Национальная ассоциация в защиту индейцев, приносили большую пользу, хотя их возможности и были ограничены.

Еще в 1793 г. конгресс проголосовал за ежегодное выделение 20 000 долларов на приобретение для индейцев домашних животных и сельскохозяйственных орудий и материалов. По мнению Джорджа Вашингтона, единственная возможность спасения и выживания для индейцев заключалась в том, чтобы принять образ жизни белых людей. В 1819 г. конгресс выделил дополнительные средства на «оцивилизовывание» индейцев. Однако к середи-

не XIX в. программа была свернута, и политики всех мастей стали открыто говорить о том, что индейцы — грязные, отсталые, неграмотные, неумелые, что они не поддаются обучению, являются тормозом и препятствием прогресса и поэтому следует всячески способствовать их вымиранию.

Увы, к середине 20-х гг. XX в. индейцы действительно оказались на грани вымирания. Небольшая служба медицинской помощи, созданная в 1910 г. внутри Службы по делам индейцев, не могла справиться с выкашивающими их болезнями. Смертность превысила рождаемость. Народ, бывший когда-то хозяином континента, стал умирать.

Однако именно в тот момент, когда падение достигло самой нижней точки и конец казался неминуем, началось постепенное, но неуклонное возрождение.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Фактором, содействовавшим началу движения в этом направлении, явился скандал вокруг нефтяного месторождения Типот-Доум. Президент У. Гардинг, администрация которого была известна своей нечистоплотностью, назначил министром внутренних дел адвоката Альберта Б. Фолла, который приобрел известность во время работы судьей на юго-западе, когда он откровенно защищал «баронов» — владельцев крупного поголовья домашнего скота, земельных собственников-«акул», занимавшихся крупными махинациями с землей, мошенников, аферистов, гангстеров и наемных убийц¹.

Первое, что сделал Фолл на новом посту, это выдвинул законопроект «Об общедоступности индейской собственности», имевший целью отобрать у индейцев и то немногое, что у них пока оставалось. Когда на территории резервации навахо в Аризоне было обнаружено нефтяное

¹ Президентство Уоррена Гамалиеля Гардинга считается временем, когда коррупция достигла одного из наиболее высоких уровней в истории США и расцвела буквально махровым цветом. При этом сам Гардинг, находясь на посту президента, ни в чем себе не отказывал; так, его охране приходилось неоднократно прятать подруг Гардинга в платяных шкафах служебных помещений, чтобы спасти шефа от скандала.

месторождение Типот-Доум, Фолл издал административное распоряжение, не имевшее никакой законодательной основы, согласно которому месторождение надлежало рассматривать как собственность федерального правительства, а не навахо, на чьей земле оно было найдено. Вместе со своими приятелями-подельниками Фолл начал собирать взятки с частных компаний за предоставление им для выработки этого и других нефтяных месторождений, но в конце концов был отдан под суд и оказался в тюрьме. Одновременно сенатор Роберт М. Лафолетт сумел провалить и похоронить этот законопроект.

У американцев, наконец, стала просыпаться совесть и появляться чувство неприятия подобных бесстыдных, отвратительных и циничных действий. К индейцам в американском обществе стали относиться все с большей и большей симпатией. Со дня разгрома на Литгл-Бигхорн прошло пятьдесят лет, и индейцы давно уже перестали восприниматься как источник угрозы или вообще каких-то проблем. В общественной атмосфере были уже другие веяния. На американцев произвели сильное впечатление симпатии ко всему индейскому президента Теодора Рузвельта, известного поклонника активного отдыха на свежем воздухе.

Вспомнили и то, какими умелыми и мужественными воинами проявили себя индейцы на фронтах Первой мировой войны. Изменению общественных настроений в пользу индейцев способствовало опубликование Институтом Брукинга подготовленного им доклада о положении индейцев, известного как Доклад Мериам. В нем откровенно разоблачались злоупотребления и некомпетентные действия федерального правительства, Ведомства по делам индейцев, а также комиссии сената по делам индейцев. Президент Г. Гувер поддерживал необходимость соответствующих преобразований на этом направлении, кульминацией которых стало назначение президентом Ф. Рузвельтом на пост уполномоченного по делам индейцев человека действительно выдающегося как по способностям и уму, так и по уровню государственной культуры.

Это был Джон Колье, обществовед по образованию. За дело он взялся последовательно и решительно. Находясь на этом посту практически в течение всего президентства Ф. Рузвельта, он уверенно проводил свой «новый курс» в

отношении индейцев. В 1934 г. принятый по его инициативе закон об изменениях правил и положений, регулирующих жизнь индейцев, известный как Индейский реорганизационный акт, положил конец разделу резервационных земель и фактическому изъятию их у индейцев. Своей последовательной и неутомимой деятельностью Кольте закладывал основы совершенно нового отношения белого человека к индейцам, что было настоящей революцией, с учетом того, каким было это отношение в прошлом. Он также предпринял усилия, чтобы и сам индеец смотрел на себя по-другому. Были отменены запреты на религиозные и культурные мероприятия индейцев, им разрешалось носить национальную одежду, заниматься народным творчеством — словом, делалось все, чтобы вернуть индейцам чувство собственного достоинства и самоуважения¹.

К сожалению, после отставки Дж. Кольте прогресс в улучшении положения индейцев явно замедлился. Точнее было бы сказать, что наблюдалось не улучшение, а стабилизация положения после долгих десятилетий ухудшения и упадка. Увы, Ведомство по делам индейцев не подхватило и не продолжило темп, предложенный Дж. Кольте. Сегодня индейцы относятся к этой организации с негодованием и отвращением. Индейцы не занимают сколько-нибудь важных постов в этой организации и редко участвуют в принятии решений. Дж. Хайуотер, составитель

¹ В разработанном Дж. Кольте законопроекте, в частности, предусматривалось:

1. Право политического и экономического самоуправления
2. Право на племенной суд.
3. Прекращение дальнейшего раздела общинной земли между индейскими частными собственниками.

4. Создание индейских производственных и потребительских кооперативов, чтобы оградить индейцев от засилья перекупщиков и т. д. Большая часть статей законопроекта Кольте была принята и одобрена; новый закон вошел в историю как закон Уиллера—Говарда. Одновременно правительство Ф. Рузвельта увеличило финансовую помощь индейским резервациям; за счет государственной казны индейцам была возвращена часть насильственно отобранной у них земли. Во многих резервациях выросло поголовье скота, повысились урожаи.

Деятельность Дж. Кольте наглядно подтвердила, что уважение к людям и гуманность — не только важнейшие качества в личном общении, но и имеют огромное общественное и государственное значение.

справочника «Путеводитель по индейской Америке», выпущенного издательством «Фодор» в 1975 г., в разделе, посвященном этой организации, пишет:

«Есть известная индейская шутка, что первыми бранными словами, выученными в резервации, являются SOB и VIA¹.

Многие из тех, кто давно здесь работает, покидают организацию. Причем, как это ни печально, это как раз наиболее образованные, подготовленные, одаренные и лично порядочные люди. Остаются же в основном отставные военные, получившие назначение сюда после выхода в отставку. Работающих здесь волнует не поиск созидательных решений, а лишь то, чтобы эту организацию не закрыли».

Читатель может спросить: чем положение индейцев в Канаде отличалось от того, с чем они сталкивались в США? Почему такие известные индейские вожди, как Джозеф и Шарлот, а ранее Понтиак и Джозеф Брант, уводили своих людей из США, чтобы найти убежище в этой еще одной великой стране Северной Америки? Почему канадская земля казалась им более гостеприимной и желанной? Для ответа на этот вопрос лучше всего процитировать работу Джона Коле «Индейцы Америки». Вот что он писал:

«Изначально, политика Канады основывалась на том же, что и политика Англии: уважение прав индейцев на землю и поддержание добропорядочных отношений с индейскими племенами, основанных на доверии и выполнении взятых на себя обязательств. Эта политика также предусматривала максимальное сбережение и сохранение природных ресурсов. Компания Гудзонова залива, созданная по указу Карла II в 1670 г., сама являлась гарантом сохранности и сбережения жизни индейцев и всего индейского общества. Эта компания была первым институтом современного западного мира, которая, как сама, так

¹ SOB — это сокращение, означающее по-английски «сукин сын» (son of a bitch); именно в таком виде оно часто применяется и в устной и письменной речи; именно в таком виде его в свое время употребил Даллес в своей известной фразе «он сукин сын, но он наш сукин сын» («he is SOB, but he is our SOB»), и эта фраза именно в такой редакции с тех пор многократно повторяется, в т. ч. и по американскому телевидению; VIA — инициалы Ведомства по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs).

и через сотрудничество с индейцами, осуществляла усилия по сохранению и сбережению природных ресурсов, что рассматривалось ею как свое основное предназначение и главная задача. Основными ресурсами были животные, дававшие мех и пушнину. Однако они были лишь частью общей природной среды, в которую также входили леса и человек. В Соединенных Штатах, ввиду непонимания неразрывности всех трех компонентов, допускали уничтожение и разрушение каждого из них, нарушая таким образом всю целостную живую ткань окружающей природной среды. А в Канаде, в частности в районе Гудзонова залива, после того как на ранних этапах произошли серьезные нарушения среды обитания, сумели поставить дело таким образом, что было обеспечено самовоспроизводство как каждого отдельного компонента среды, так и всей среды в целом. Этот же подход применяется и сегодня.

Канада очень тщательно готовила договора с индейцами и никогда их не нарушала; она также никогда не натравливала индейские племена друг на друга, равно как и сама не воевала с ними. Канадское законодательство по вопросам, связанным с индейцами, было разработано на основе глубокого знания и понимания реальной действительности и требований реальной жизни. Оно отличается краткостью, ясностью, емкостью и гибкостью и может считаться выдающимся образцом сочетания духа справедливости с разумностью и здравым смыслом. Канада не стала заставлять индейцев брать землю в индивидуальную собственность; она не стала забирать себе общинные индейские земли или отчуждать их под предлогом необходимости покрытия административных издержек; она не допустила коррупции в государственном ведомстве, занимающемся делами индейцев. Канада обеспечила хорошо организованный и достойный переход индейцев от племенной к общегражданской жизни, но она не пыталась искусственно ускорить этот процесс за счет кровопролития и конфискаций, как это сделали Соединенные Штаты. И этот подход она продолжает применять и по сей день...

Нельзя сказать, что канадская политика в отношении индейцев отличалась какой-то особой проницательностью, одаренностью и смелостью. Однако очень важно, что Содружество — единственное такого рода объединение в

западном мире, и Канада, как один из его членов, с самого начала выстраивала отношения с индейцами на основе твердых моральных принципов и добропорядочности и осталась им верна и впоследствии».

Сегодня индейцы проживают в США в 200 резервациях, которые расположены в 26 американских штатах. Резервации очень разные: от занимающих площадь чуть более гектара, где проживают два десятка индейцев, до очень крупных, площадью в сотни тысяч гектаров, с соответствующим количеством населения. Общая численность проживающих в Северной Америке индейцев составляет, по разным оценкам, 550 000—800 000 человек. Очень трудно получить точную цифру, поскольку большое количество индейцев постоянно передвигается между резервациями, а также между крупными американскими городами в поисках более приемлемой, а порой и какой-нибудь работы. В любом случае индейцы, как и мексиканцы, негры и пуэрториканцы, с недоверием относятся к любой официальной переписи и не испытывают особого желания давать какую-либо информацию о себе.

Вполне вероятно, что практически всегда половина индейцев, проживающих в резервации, находится внутри резервации, а половина — за ее пределами. Индейские мужчины и молодежь часто покидают резервации и направляются в близлежащие города, такие как Финикс (штат Аризона), Альбукерке (Нью-Мексико), Оклахома-Сити (Оклахома), Талса (Оклахома), Денвер (Колорадо), Рэпид-Сити (Южная Дакота), Портленд (Орегон) и Сиэтл (Вашингтон). Некоторые отправляются в более отдаленные от резерваций места — Сан-Франциско и Лос-Анджелес (Калифорния), Чикаго (Иллинойс) или Миннеаполис (Миннесота). Стремление индейцев, которые в большинстве своем являются живущими в бедности сельскими жителями, попытаться счастья в крупных городах, которые и так перенаселены, является на сегодня частью общепризнанной мировой проблемы, касающейся не только североамериканских индейцев.

В ситуации с североамериканскими индейцами следует учитывать ряд важных факторов, оказывающих влияние на ее развитие. Во-первых, земли, на которых расположены резервации, не являются достаточно плодородными, чтобы обеспечить достойную жизнь проживающим

здесь индейцам. Это явилось одной из важнейших причин того, что бывшие охотничьи племена не смогли перейти на оседлый образ жизни и овладеть навыками земледелия. Во-вторых, у старшего поколения индейцев еще не ушел из памяти и из подсознания запрет покидать резервацию без письменного разрешения белого агента, введенный генералом Шериданом в 1871 г. До относительно недавнего времени индейцы вынуждены были находиться в резервации, как в тюрьме, под присмотром белых тюремщиков, и самовольно покинуть ее означало то же самое, как совершить побег из тюрьмы. В-третьих, среди североамериканских индейцев большую часть сегодня составляют люди молодого возраста, полные энергии и честолюбивых замыслов. Сейчас, в условиях того, что надежды на возрождение индейцев становятся все более реальными и осязаемыми, наблюдается стремительный рост рождаемости среди индейцев. Когда в 60-х гг. XIX в. американские войска под командованием Кита Карсона согнали индейцев навахо с их родных земель и вынудили пройти 500 км по своей «Дороге слез», до Боске-Редондо, в районе Форт-Самнера, их численность упала до 900 человек. Вымирание казалось неизбежным. Однако они нашли в себе силы выжить и продолжать жить и развиваться; в последние годы их численность достигла 125 000 человек, 60% из которых сегодня моложе 19 лет, а 25% — моложе 40. Очевидно, что для такого количества энергичных молодых людей в резервации просто не хватает места, хотя резервация навахо занимает территорию площадью в 6,5 млн га. Это крупнейшая индейская резервация в Америке, но при этом не надо забывать, что в свое время навахо кочевали по территории, в два раза превышавшей по размерам территорию сегодняшней резервации. Одно время эта территория была настолько урезана федеральными властями, что им пришлось вернуть навахо часть земель, правда наихудших с точки зрения плодородия и условий проживания на них, чтобы племя не вымерло от голода.

Как и многие индейские резервации Америки, резервация навахо расположена на территории, которая хотя и является весьма красивой и живописной, но в то же время малопригодна для проживания. Она состоит в основном из пустынь и полупустынь, которые не представляли

интереса для белых, почему те и не стали прибираться к рукам эти территории при помощи закона Дауэса. У молодых индейцев остается лишь одна возможность найти применение своим способностям и энергии — покинуть пораженные бедностью родные поселения, расположенные на скудной почве холмов и возвышенностей, и податься в города.

К несчастью, молодой индеец оказывается изначально в неравном положении с другими, когда попадает в крупный город; ведь его навыки и способности больше могли бы быть востребованы как раз в резервации. Поэтому им редко удается добиться успеха, начав с нуля в чужом месте. Половина ушедших в города возвращается назад сбитыми с толку и потерявшими душевное равновесие, с чувством горечи и опустошенности. Основная проблема состоит в недостатке образования. Многие индейские дети вообще не ходят в школу, а другие оканчивают лишь пять классов, тогда как белые дети — одиннадцать. Редко кто получает полное среднее образование, еще реже — высшее. Также индейцу трудно привыкнуть к бешеному темпу жизни в городах; он часто теряется в совершенно непривычной для него обстановке, страдает от одиночества, от плохого знания английского языка. Он чувствует себя оторванным от родных и друзей, от родного племени, которое дает моральную поддержку, ощущение твердой почвы под ногами.

Находясь в резервации, индеец ощущает свою индивидуальность, чувствует свою сопричастность к обществу, понимание того, что он является частью единого целого. Однако во всех других отношениях его положение, как правило, незавидное. Те племена, резервации которых расположены на более плодородных и благоприятных землях, стали земледельцами и скотоводами. Они успешно занимаются гостиничным бизнесом, лыжными курортами, лесозаготовками. Другие племена, оказавшиеся на малопригодных для жизни и деятельности землях, не сумели развить какие-либо навыки и ощущают апатию, а также враждебность к белому человеку и его культуре. В целом, как отмечает Ведомство по делам индейцев, «земля, на которой расположены резервации, не обладает необходимыми качествами, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность проживающих на ней людей». В 1976 г.

В РЕЗЕРВАЦИИ

средний годовой доход американской семьи составлял 6400 долларов, а всего лишь 10% индейских семей имели годовой доход, превышающий 4000 долларов. 75% зарабатывали менее 2000 долларов в год, а 50% — менее 1000 долларов. Средняя недельная зарплата индейца составляет 30 долларов, в то время как белые и негры зарабатывают 130 долларов в неделю. А 40—60% индейцев постоянно являются безработными.

В самих резервациях 75% индейцев живут в хибарах, укрытиях-временках, лачугах, а также в брошенных машинах и автобусах. Такое же количество не имеет водопровода, а носит воду из прудов, водоемов и рек, где она часто бывает зараженной и непригодной для использования. Неудивительно, что в результате антисанитарных условий проживания, неподобающих жилищных условий, плохого питания, алкоголизма, отсутствия медицинской помощи средняя продолжительность жизни индейца меньше, чем у белого: 45 лет у индейца против 72 лет у белого американца. При этом по причинам, вызванным всей совокупностью условий жизни, индейцы больше страдают от сифилиса, туберкулеза, пневмонии, дизентерии, трахомы, различных заболеваний костных тканей, а также заболеваний внутреннего уха. Индеец находится в самой нижней части американского «тотемного столба».

Индеец страдает и от ряда проблем внутри своего общества. Часты случаи растрат и коррупции среди выбранных племенных вождей; либо те откровенно воруют, либо же проявляют безответственность и не могут наладить учет и контроль за племенными финансами. Во многих племенах встречаются внутренние распри и междоусобицы, в целом характерные для человеческих сообществ; однако они наносят особо тяжелый ущерб индейцам, с учетом всей совокупности условий, в которых они живут. Более того, болезни, безработица и внутриплеменные конфликты усугубляются главной проблемой индейцев — пьянством. Причины этого явления кроются в новой и новейшей истории индейцев и вызывают сочувствие. Тем не менее это превратилось в очень серьезную проблему. В одной только резервации, расположенной в западных районах, в течение года 44% мужчин и 21% женщин подвергались аресту за пьянство. В Галлапе, куда многие индейцы навахо приезжают напиться, открыты

54 бара, которые обслуживают 50 000 человек; здесь арестам за пьянство подвергаются до 10 000 человек в год. Дороги вокруг резерваций представляют собой смертельные ловушки. От пьяных за рулем гибнет больше, чем во время иных индейских войн. Именно пьянство является одной из причин того, что число убийц и самоубийц среди индейцев в три-четыре раза больше, чем среди белых.

Если мы сейчас и наблюдаем признаки возрождения индейцев, то оно лишь только начинается, и индейцам предстоит пройти долгий и нелегкий путь.

Однако, несмотря на все разрушения, разочарования и ассимиляцию, несмотря на то, что классическое искусство индейцев в значительной степени подорвано, как раз в области культуры и искусства потеряно далеко не все и, более того, удалось сохранить много ценного, что и является основой возрождения духа, культуры и всего образа жизни индейцев.

Многие из индейских ритуалов и церемоний, которые можно сегодня увидеть, за исключением тех, которые проводятся индейцами пуэбло, а также жителями северо-западных районов, являются поверхностными, показательными и лишенными того глубинного смысла и значения, которые им были когда-то присущи, а сейчас или искажены, или утеряны. Иногда они могут показаться даже комичными и вульгарными. Однако и в таком виде они оказывают объединяющее воздействие на участников, сплачивают их, напоминают о существовании многолетних культурных традиций, поднимают и укрепляют моральный дух и духовный настрой, мобилизуют внутренние силы, укрепляют единство всего сообщества.

В области искусства ситуация иная. Именно в искусстве, в возрождаемых рукотворных произведениях искусства внутренняя сила и внутренняя красота индейцев проявляются особенно мощно и ярко. В произведениях искусства вы можете увидеть и почувствовать то, что не могут передать сегодняшние ритуальные представления и церемонии, которые слишком часто делаются просто на потребу любопытным туристам и напоминают постановки Диснейленда. Именно в произведениях искусства индейские художники и мастера стремятся выразить себя полностью; своими картинами, скульптурными изделиями, украшениями, вышивками и плетеными изделиями

они как бы благодарят тонких и вдумчивых ценителей их творческого труда, и эта высокая оценка придает им силы и уверенность. В эти произведения индейцы вкладывают все сердце и всю душу. Также все больше возрастает значение индейской литературы и поэзии. Работы индейских авторов обретают все большее звучание, их произведения, одновременно глубокие, таинственные и возвышенные, оказывают все большее воздействие на канадскую и американскую литературу, частью которой они уже являются, все больше обогащая ее своей удивительной и яркой самобытностью.

Все возрастающая уверенность проявляется не только в искусстве, но и во вполне осязаемых вопросах реальной жизни, включая политические. По всей Америке индейские сообщества с уверенностью действуют в различных сферах общественной жизни, чего раньше невозможно было себе представить. Кто бы мог предвидеть, что племя вампаноагов, о котором мы говорили в начале главы, обратится с судебным иском против штата Массачусетс, требуя вернуть незаконно отобранные земли? Они ссылаются на сохранившийся экземпляр Закона о неприкосновенности индейских земель от 1790 г., согласно которому запрещалось передавать в чью-то собственность индейские земли без одобрения федерального правительства. Белые забыли отменить это старое законодательство, казавшееся им не заслуживающим внимания в то время, когда они находились в угаре подавления и истребления индейцев. Предпринятые вампаноагами действия вызвали среди белых настоящую финансовую панику; индейцам же удалось вернуть часть незаконно отобранной у них земли на Мартас-Виньярд¹.

Проживающие неподалеку от вампаноагов пенобскоты и пассамакводди также стали на тропу судебной войны. Они буквально вызвали экономический шок у всего штата Мэн. В соответствии с Законом о неприкосновенности индейских земель они выставили претензии на две трети территории штата; стоимость исковых земель оценивается в 25 млрд долларов. Индейцы требуют 300 млн долларов в качестве компенсации за ущерб от незаконного отчуждения земель, имевшего место 180 лет назад,

¹ Мартас-Виньярд — остров рядом с восточной оконечностью штата Массачусетс.

которыми белые все это время незаконно пользовались. Этот иск оказал серьезное воздействие на выпуск и хождение ценных бумаг, а также на ведение строительных работ на территории штата и продажу недвижимости. В штате Род-Айленд наррагансеты выдвинули претензии на 1200 га земли на территории Чарлстауна; в штате Коннектикут шагтикоки и западные пекоты заявили свои права на собственность в городах Кент и Ледьярд; а в штате Нью-Йорк онейда претендуют на 120 000 га земли, расположенной между Сиракьюсом и Ютикой.

В Иллинойсе, Канзасе, Миссури и Айове несколько племен объединили усилия, чтобы выиграть земельную тяжбу в 6 млн долларов. Сиу обратились в Верховный суд США с иском о том, что границы резервации Розбад в Южной Дакоте были установлены неправомочно и неверно и потому являются недействительными. Верховный суд штата Мичиган поддержал иск чиппевов, разрешив им ловить рыбу в озере Верхнем без тех ограничений, которые накладывает законодательство штата. Это же племя добилось освобождения как от местных, так и от федеральных налогов на территории Миннесоты. В северной Калифорнии племя юрок добилось запрета на деятельность рыболовных и лесозаготовительных компаний, судилось с белыми туристическими агентствами и ведет борьбу за признание незаконными прав белых на территорию как внутри самого города Кламат, так и вокруг него. Этот пример вдохновил многие племена на аналогичные действия по защите своих прав. Дерзني юрок пойти на такое сто лет назад, их бы либо перестреляли, либо выслали.

И индейцы и белые, конечно, понимают, что коренные жители Америки могут вернуть себе лишь малую часть того, чем они когда-то владели. Но в результате судебных тяжб индейцы могут получить весьма существенную материальную компенсацию. Они могут даже добиться пересмотра арендных договоров на добычу полезных ископаемых нефтяными, угольными и газовыми компаниями, чтобы эти договора работали не только на эти компании, но и на индейцев. В то же время весьма занятно наблюдать за тем, как индейцы применяют против белых то же самое оружие, которое те когда-то столь огульно, жестоко и неразборчиво применяли против них. И индейцы теперь вполне могут получить свой кусок пирога или,

по крайней мере, кусочек. В этом смысле они вполне освоили повадки и образ жизни белого человека.

К сожалению, белые американцы не до конца понимают, насколько глубоки обиды и негодование индейцев. Скорого примирения между краснокожими и белыми американцами ожидать не следует. Главным препятствием на этом пути является нежелание и неспособность белого американца понять и признать то, что он совершил, осознать масштаб содеянного им и насколько глубоко это все отразилось на индейцах. Американец XX в. видит себя щедрым, дружелюбным, любящим свободу, этаким «славным малым», который является другом всему человечеству. Он всегда обладал удивительной способностью закрывать глаза на собственные недостатки и ошибки. Это очень точно подметил доктор Джонсон в своей работе «Налог, а не тирания», задав вопрос: «Почему громче всех кричат о свободе гонители и притеснители негров?» Американский индеец может задать аналогичный вопрос: «Почему громче всех кричат о свободе гонители и притеснители индейцев?»

Индеец по-прежнему стеснен и гоним. Поэтому вполне понятно и простительно, когда он встречает пылкие призывы к соблюдению прав человека, исходящие от американских президентов, сенаторов и конгрессменов, с тихой усмешкой или с откровенным смехом. Он не видит никаких оснований для того, чтобы эти люди считали себя образцами и поборниками свободы и справедливости.

Белый американец не понимает причин столь непримиримого отношения к себе. Это его даже обижает. Ведь он простил индейца; почему бы и индейцу не простить его? Он забывает о том, что индейцу в этом случае пришлось бы простить слишком много. Генри Стил Коммэджер как-то точно и честно подметил то, с какой легкостью и благодушием белый американец прощает себе свои собственные грехи:

«И в XIX, и даже в XX в. американцы развили и усвоили себе привычку просто отбрасывать в сторону то из сделанного ими, что может бросать на них какую-то тень или выставлять в невыгодном свете. У них выработался двойной стандарт в подходе к морали и истории: да, в нашей истории были неприятные вещи, но они не должны бросать на нас тень, это как бы не в счет... Подав-

ление и истребление индейцев тоже не в счет — ведь они были язычниками, а когда этот аргумент утратил силу, появился новый: индейцы были препятствием на пути прогресса».

То, что произошло с индейцами, как раз относится к таким «неприятным вещам». Но индейцы не намерены позволять «отбросить это в сторону» и делать вид, что «это не в счет». Более того, у индейцев хорошая память. Они умеют учиться на своих ошибках. И у них много выдержки и терпения.

Наверное, белые американцы правы: лелеять старые обиды бессмысленно и вредно. Лучше всего простить. Но на это потребуется много времени; а сейчас было бы глупо игнорировать тот факт, который подтверждается во время любого посещения резервации или разговора с индейцами, что чувство обиды и негодования у индейцев не уменьшилось. Правда заключается в том, что индейская глава в американской истории еще далека от завершения, как бы американцы ни думали или ни желали обратного. Пройдет еще много лет, пока заживут и зарубцуются раны индейцев и когда состоится полное примирение между коренными и нынешними американцами и они сольются, наконец, в единое целое.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Дух предков.....	7
<i>Глава 2.</i> Охотники.....	47
<i>Глава 3.</i> У домашнего очага.....	76
<i>Глава 4.</i> Воины.....	107
<i>Глава 5.</i> Шаманы.....	136
<i>Глава 6.</i> Художники.....	182
<i>Глава 7.</i> В резервации.....	209

Уайт Джон Мэнчип
ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ
Быт, религия, культура

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.05.2006.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Уч.-изд. л. 14,63 + 4 альбома = 18,19.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 4603071

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой


Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» — www.centropoligraf.ru

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		 РФ ССЯ
г. Москва, а/я 18		
Кому	«ЦЕНТРОЛИГРАФ»	
Куда	г. Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.	
111024		Индекс подразделения связи * адрес отправителя 680011
<small>Печатно-книжные подразделения связи имеют наименование</small>		

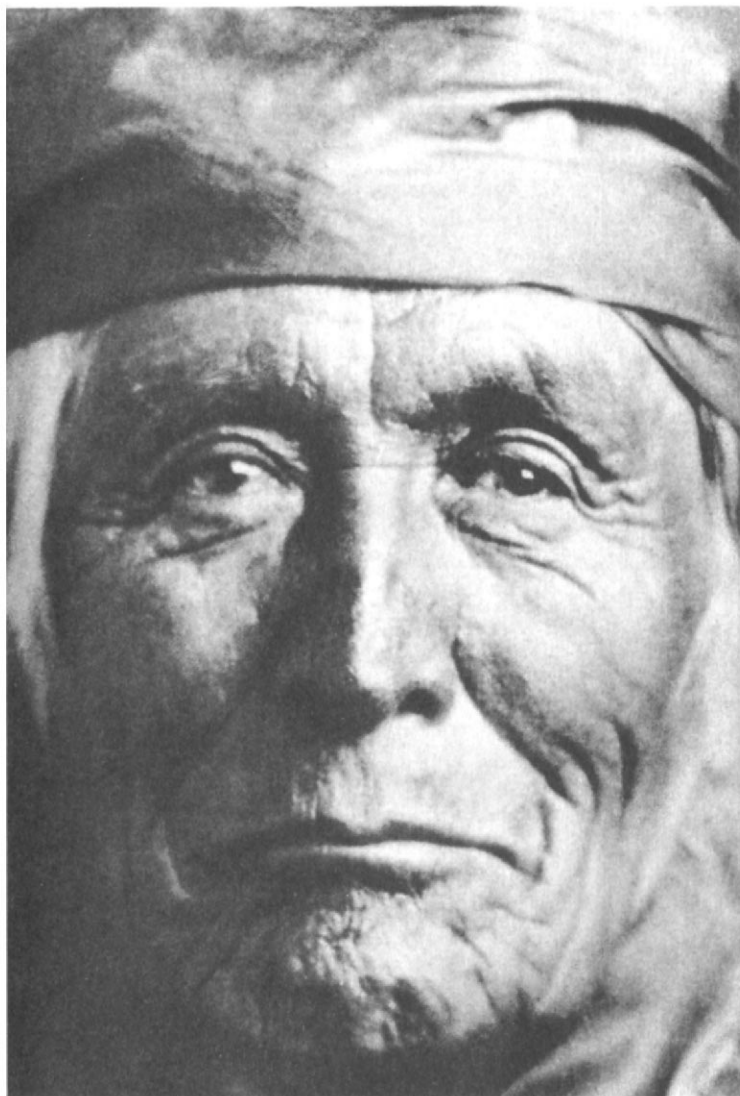
На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

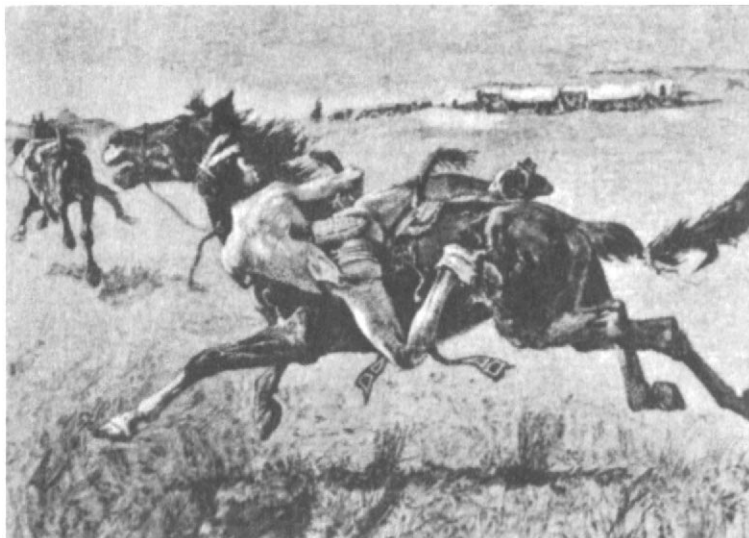
Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!



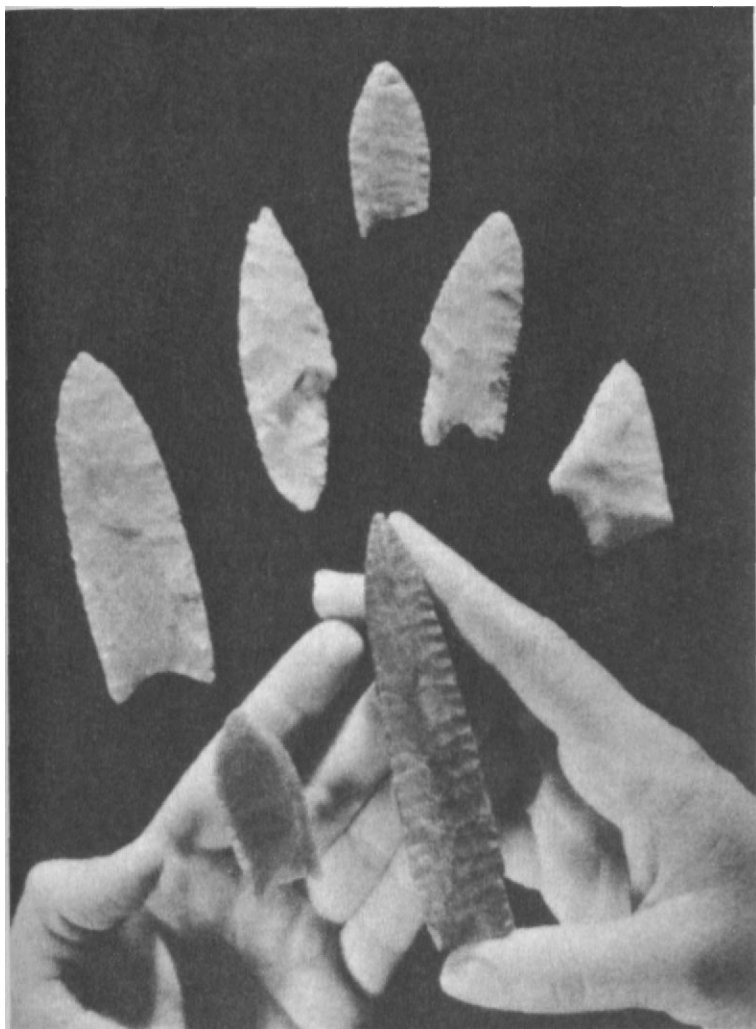
Североамериканский индеец



Нападение индейцев на караван



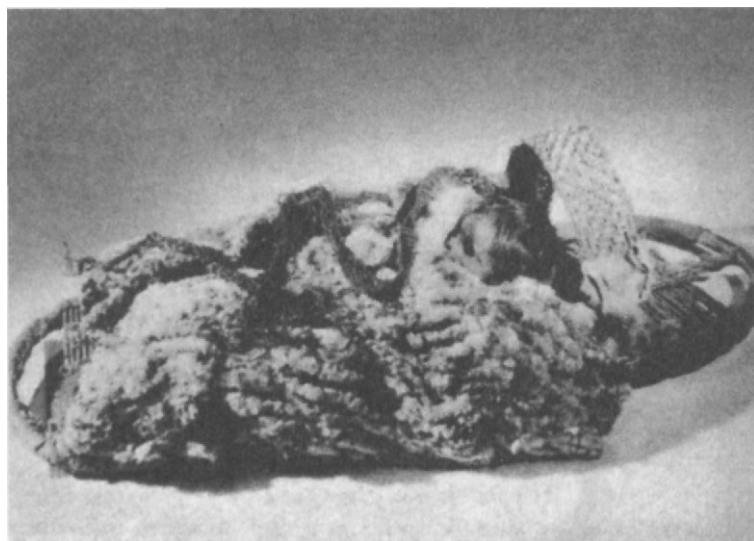
Охотники кловис загоняют в ловушку мамонта



Наконечники метательных орудий древних индейцев юго-запада



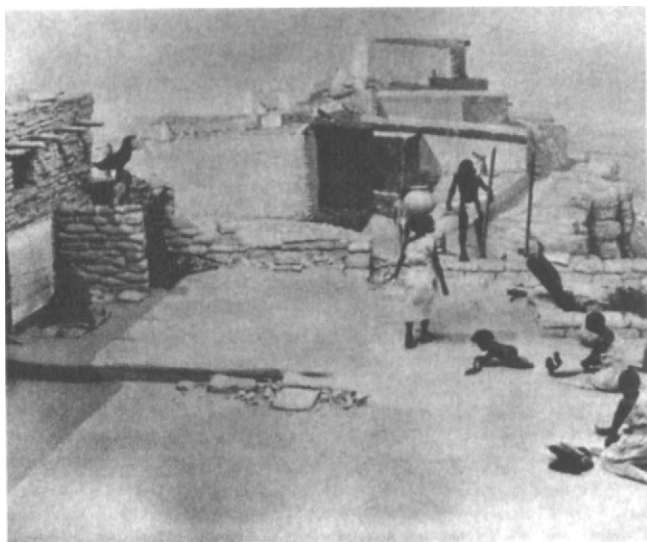
Поселение людей саладо-хохокамской культуры в Каса-Гранде, Аризона



Сандалия «корзинщиков» (200—700 гг.)



Кива и жилые помещения в Пуэбло-дель-Арройо



Семья на крыше древнего пуэбло юго-запада (1000—1500 гг.)



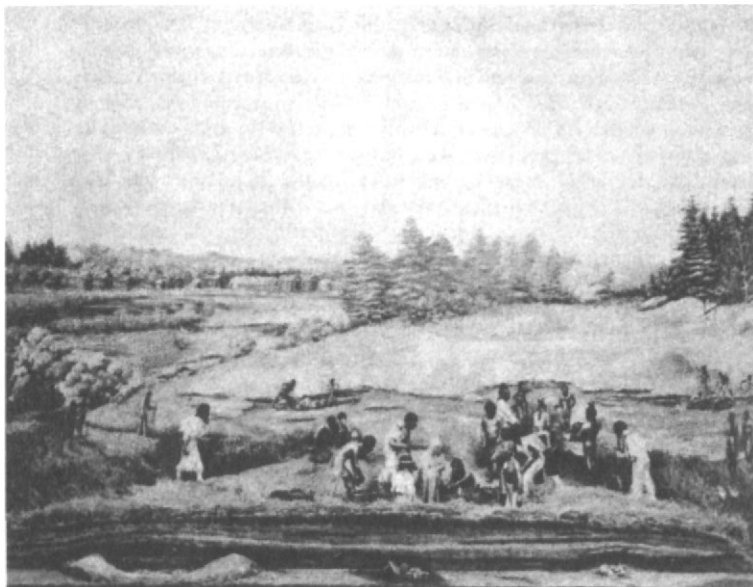
Скальный дворец, Меса-Верде



Пуэбло Олд-Валпи, построенное анасази около 1300 г.



Погребальная церемония хоупвелл



Строительство погребального маунда



Город Азталан, обнесенный укреплениями



Люди племени хайда



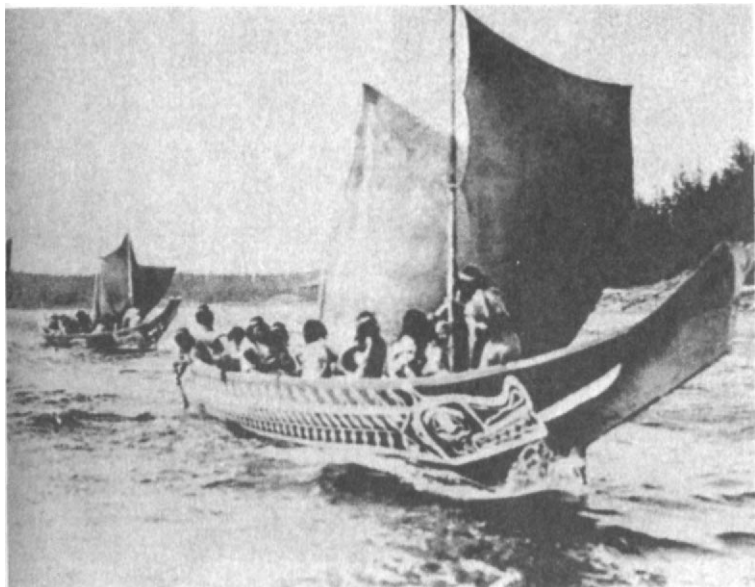
Зимний лагерь индейцев чипева



Лагерь неперсе в 1870-х гг.; собака, впряженная в волокушу



Женщина неперсе на лошади, впряженной в волокушу, на которой сидит девочка



Свадебная церемония племени квакиютль; участники церемонии плывут на украшенных изразцовых челнах



Лодка из кожи в бурной реке. С картины Ф. Ремингтона



a



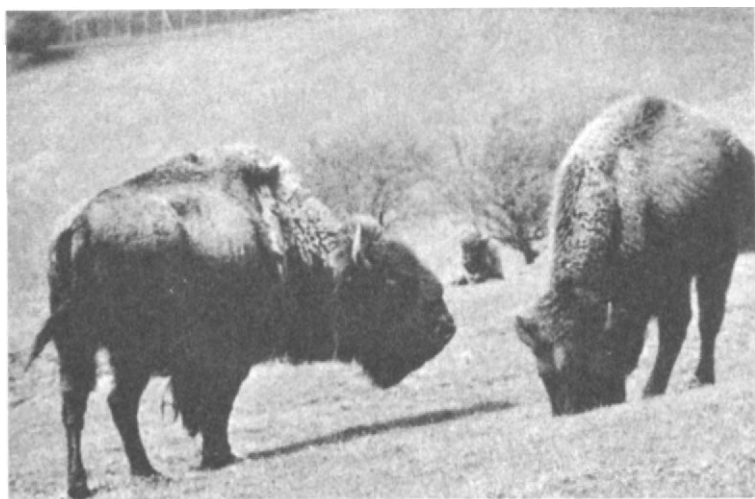
б



в



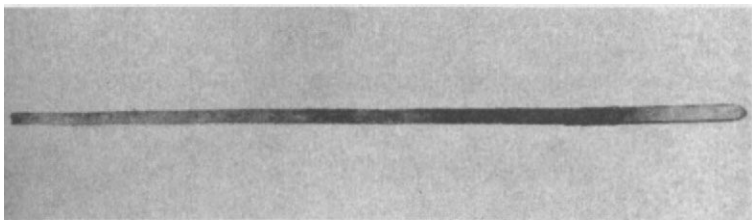
г



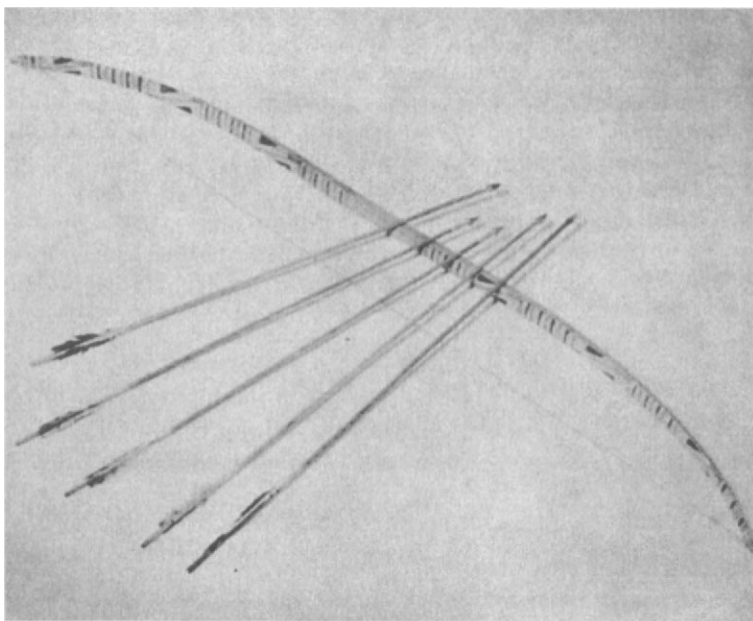
д

Животные, знакомые американским индейцам:

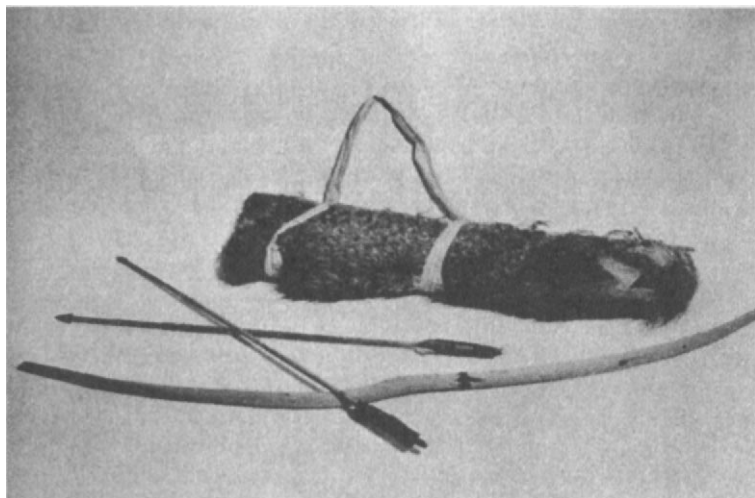
а — песец (полярная лисица); *б* — бурый медведь; *в* — самка толсторога;
г — енот; *д* — бизоны



Копье апачей из района Белой Горы



Лук и стрелы индейцев юма



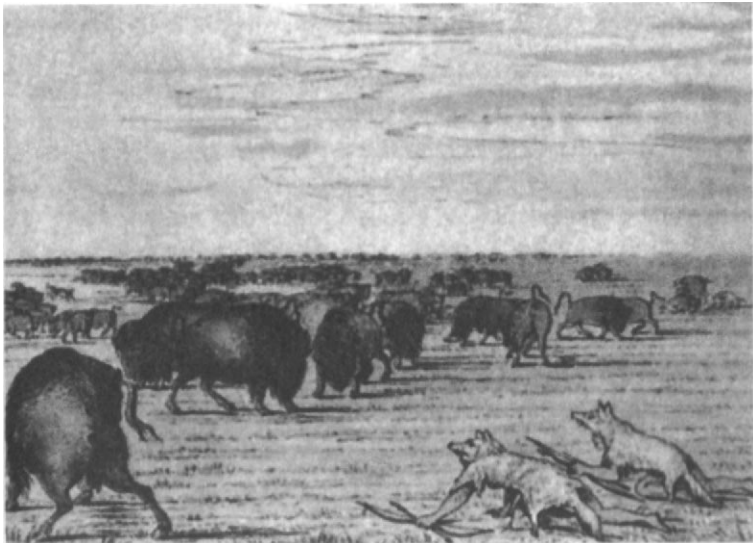
Лук, стрелы и колчан апачей из района Сан-Карлос



Охота на бизона. С картины Ч.М. Расселла



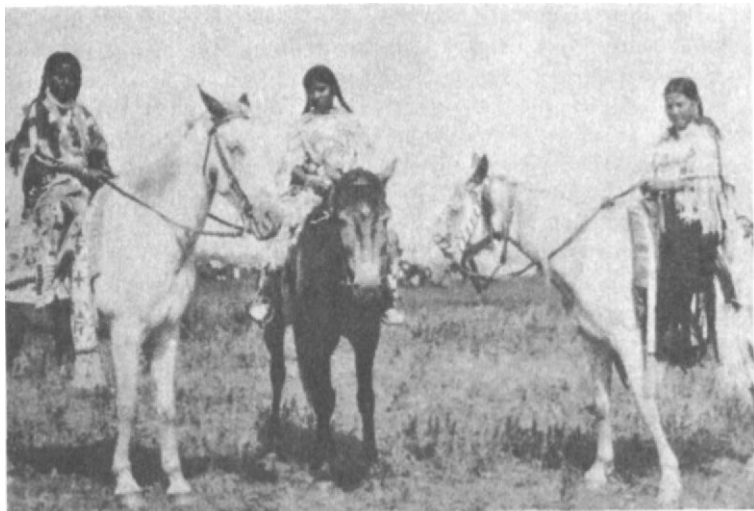
Охотник юго-запада



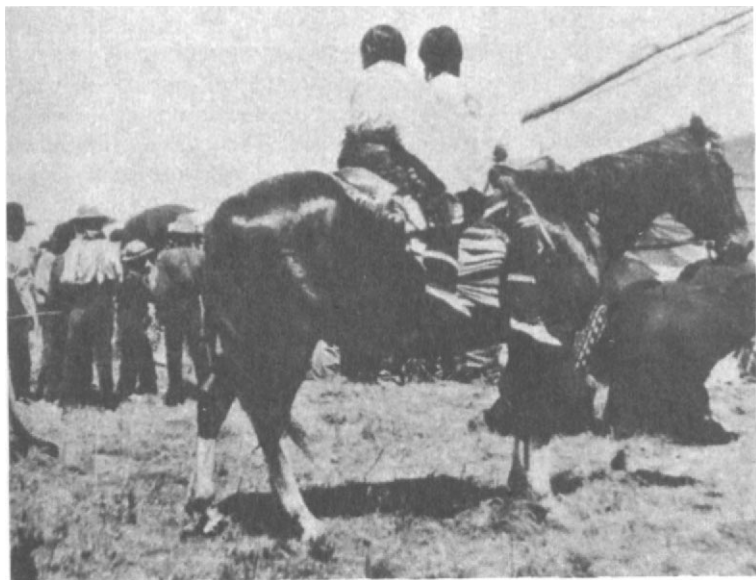
Охотники в волчьей шкуре подкрадываются к стаду бизонов



Заготовка корма и дров в зимнем лагере пауни



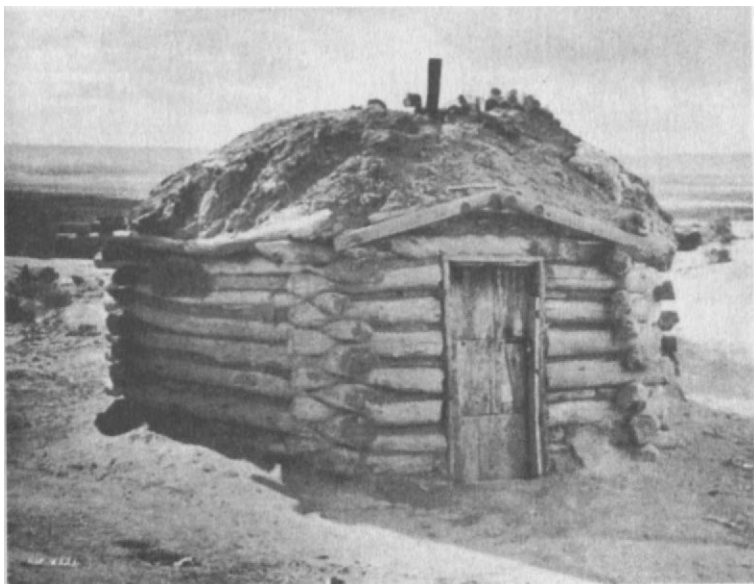
Шайенские девушки верхом на лошадях



Шайенские девушки среди собравшихся на Пляску солнца



Семья манданов внутри «землянки»



Хоган (полуземлянка) в резервации навахо в наше время



Типи в прерии



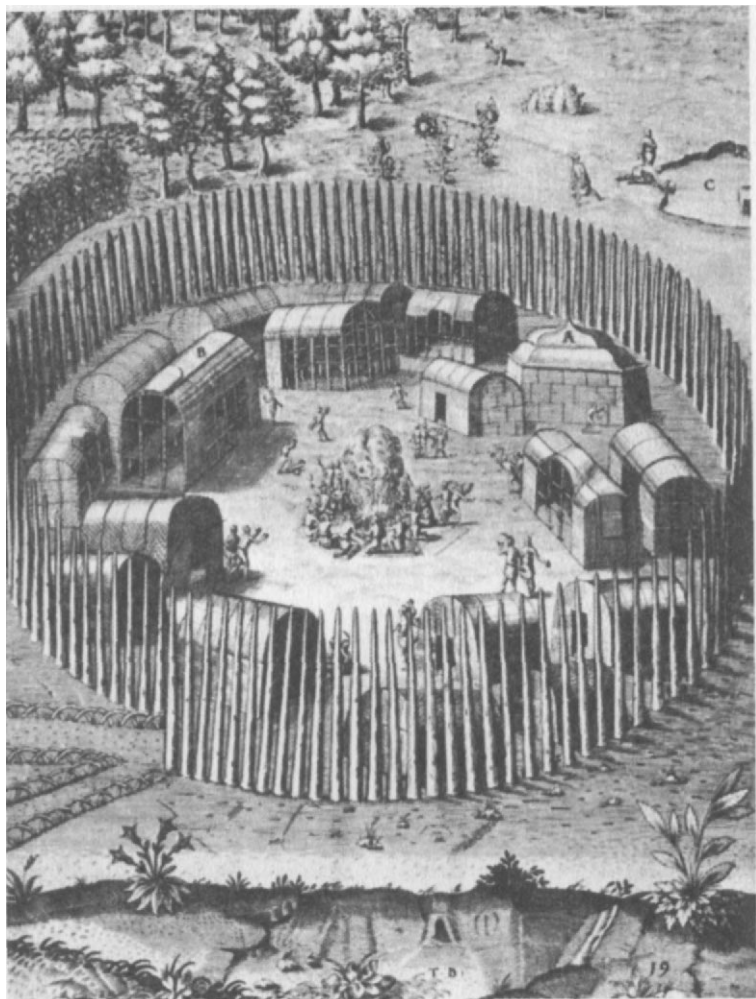
Семья индейцев чиппева за работой



Женщина папаго рядом со своим жилищем, Сан-Хавьер



Селение индейцев поухатан



«Длинные дома» в лагере индейцев поухатан



Женщины, обрабатывающие кожу в лагере черноногих в районе Великих Равнин



Вождь шайенов



«Модник» из племени кроу



Девочка хопи и ее мать с характерными прическами



Вождь сию



Мужчины и женщины пуэбло сажают семена



Индейцы потаватоми занимаются осенним урожаем



Женщины чипева готовят дикий рис



Индейцы помо собирают желуди



Селение ирокезов на берегу озера Онтарิโอ



Южнокалифорнийские индейцы за сортировкой желудей



Женщина неперсе с детьми



Женщина из племени
плоскоголовых с ребенком



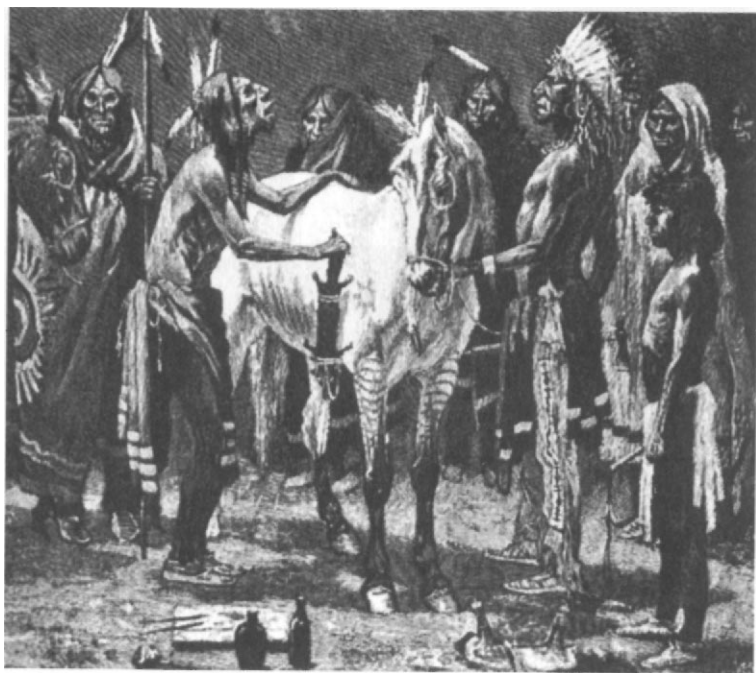
Воин хидатса в одеянии «Общества
собак»



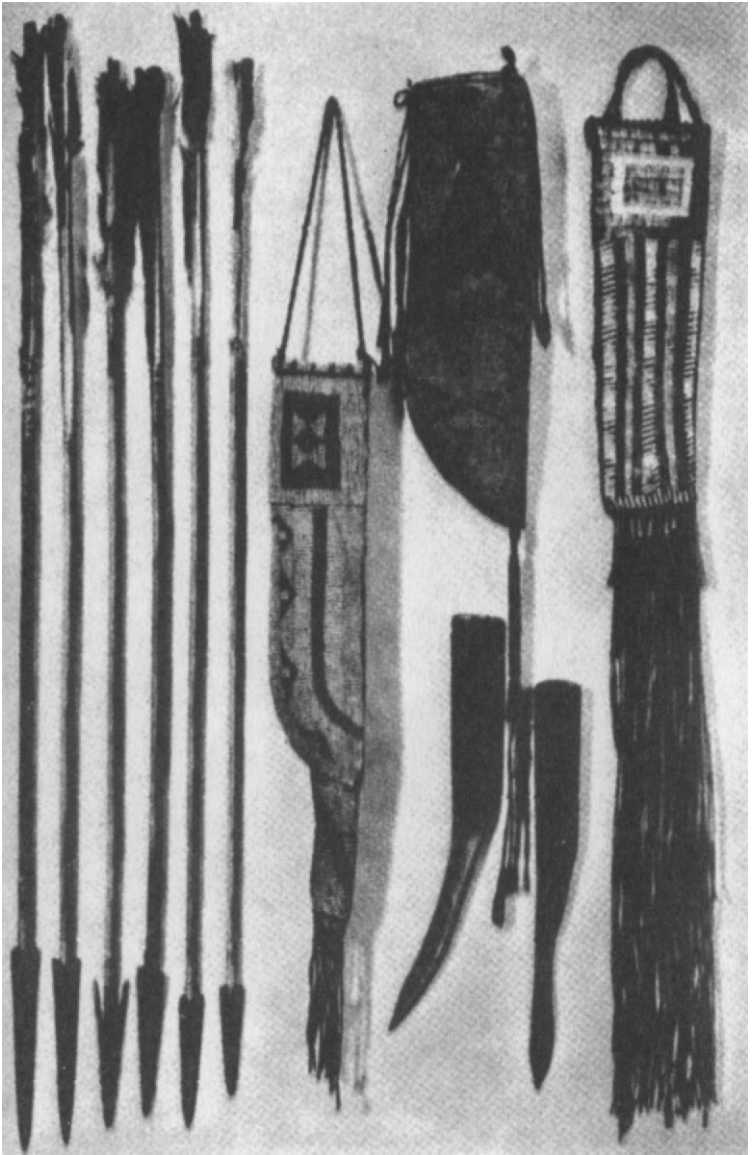
Вид трехэтажного пуэбло в Таосе



«Дозор», картина У.Р. Ли. Женщины анасази



Шаман готовит коня к сражению. Рисунок Ф. Ремингтона



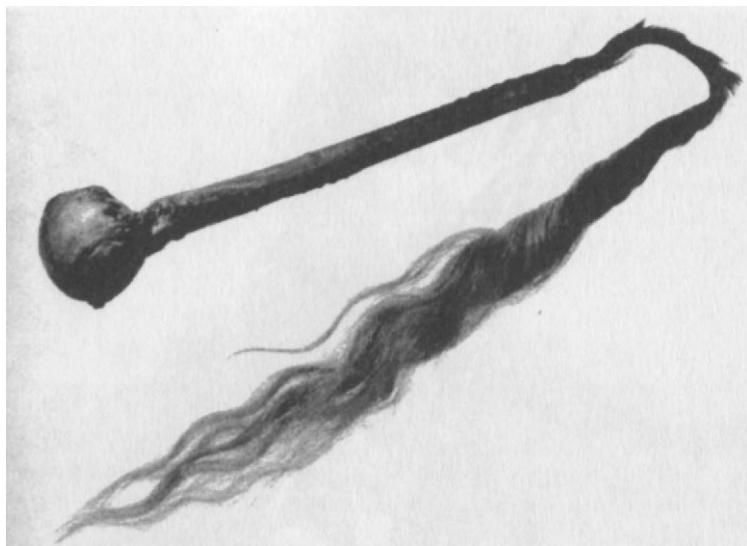
Оружие индейцев сиу



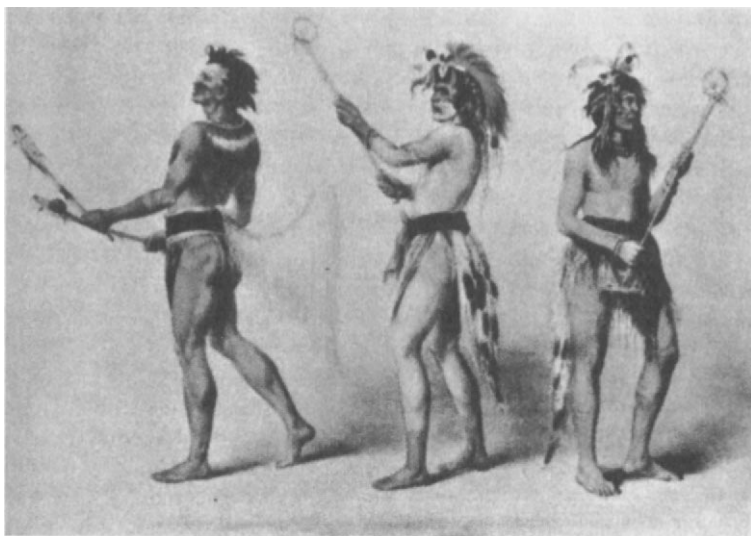
Воин племени кроу; ожерелье сделано из медвежьих когтей



Всадник неперсе в боевом облачении



Булава апачей из района Сан-Карлос



Чоктавы, готовые к игре в мяч



Игра в полном разгаре



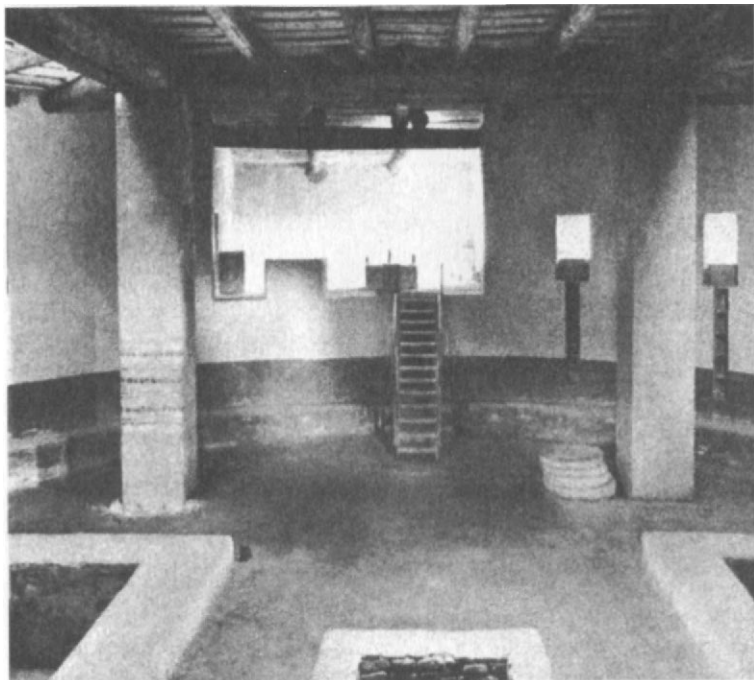
«Пленник», картина Г.Ф. Фарни. Расправа равнинных индейцев над белым солдатом из армии США



Шаман сиу



Шаман племени черноногих. Рисунок Дж. Кэглина



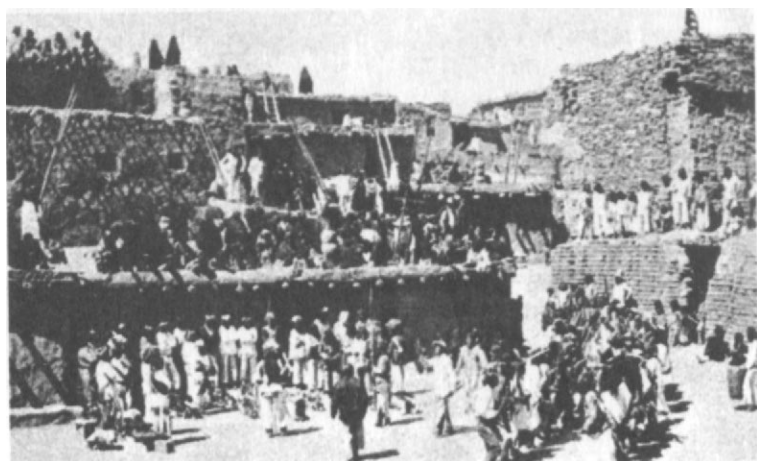
Большая кива, обнаруженная археологами во время раскопок на развалинах Ацтека



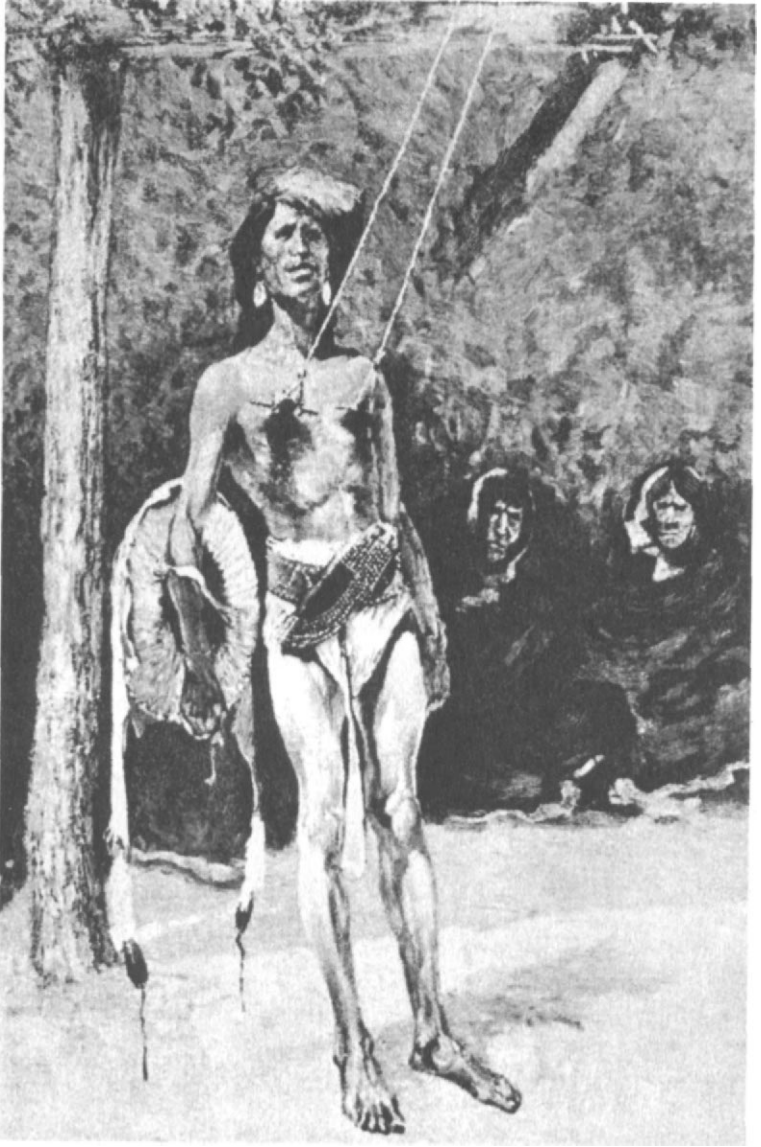
Главная площадь пуэбло в Сан-Ильдефонсо



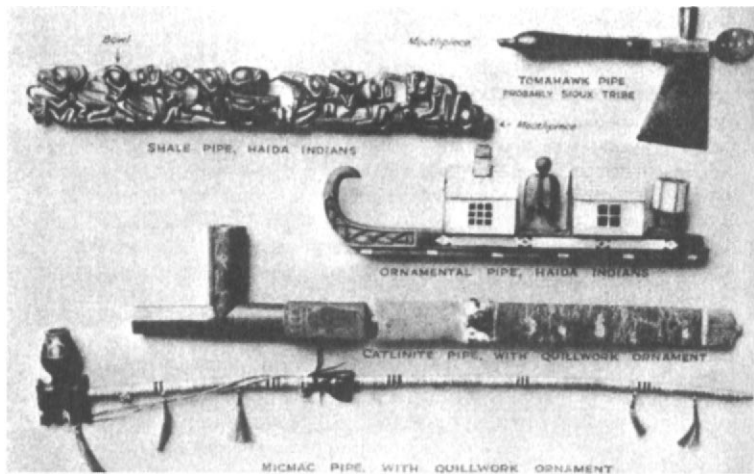
Индейцы пуэбло исполняют Пляску орла



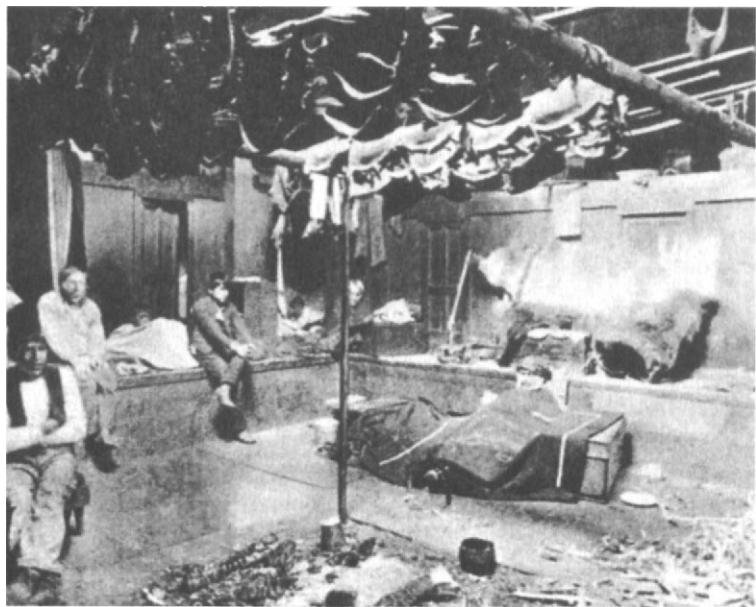
Племенной танец индейцев пуэбло, 80-е гг. XIX в.



Воин племени черноногих на заключительной стадии Пляски солнца



Индийские трубки



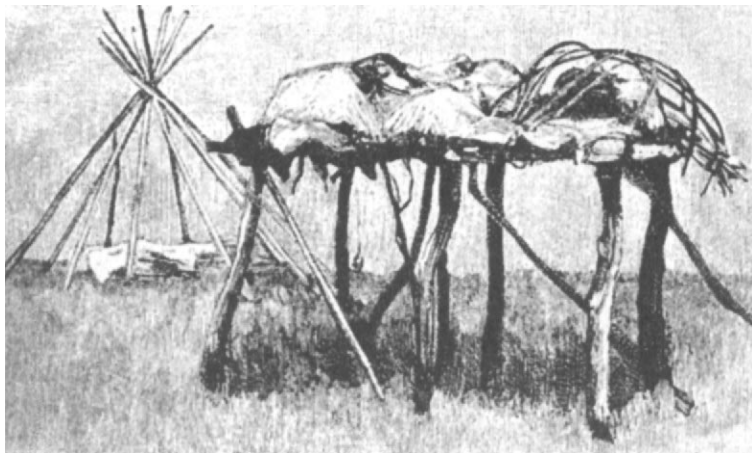
Индеец северо-западного тихоокеанского побережья после схватки с медведем



Вожьд одного из племен Великих Равнин со своей церемониальной трубкой



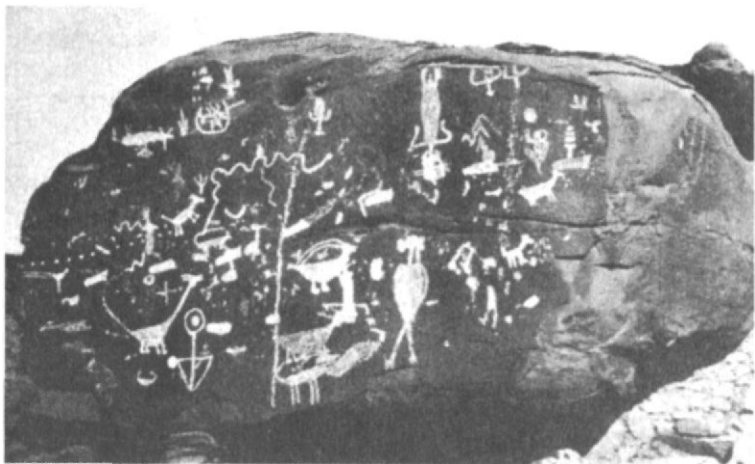
Тупой Нож, вождь северных шайенов



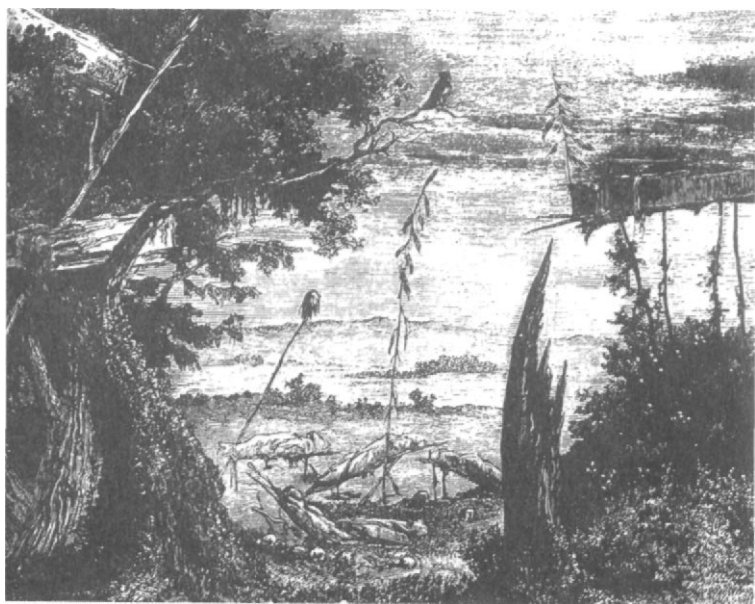
Погребальное сооружение индейцев сию



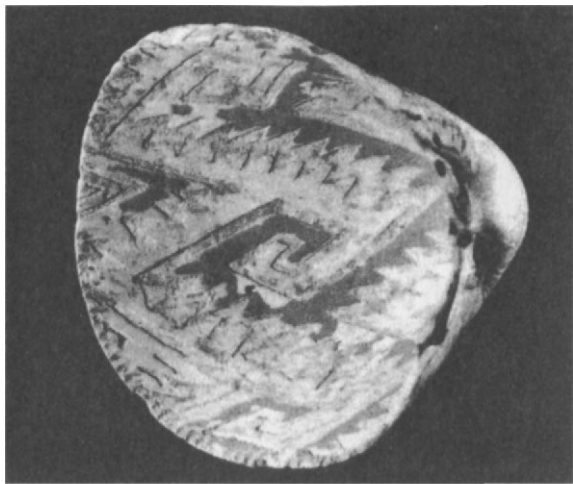
Равнинные индейцы провожают в последний путь своего товарища



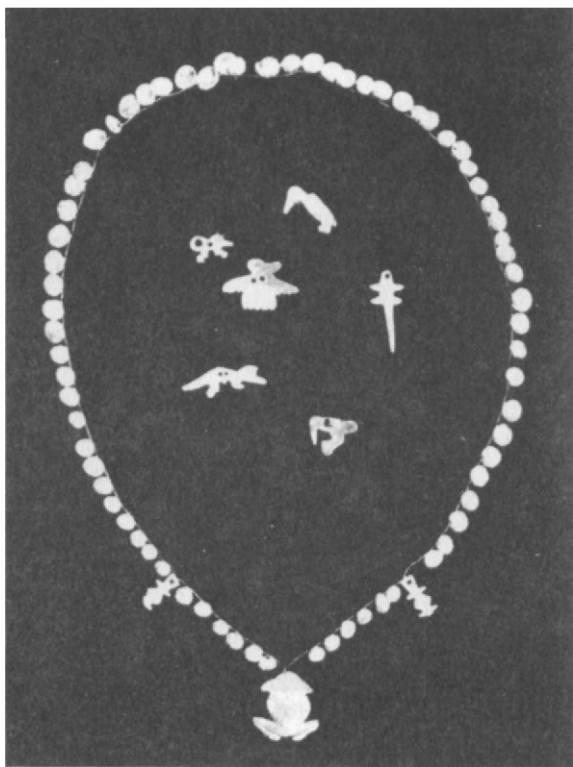
Индийские петроглифы



Место погребения на берегу Миссисипи



Вытравленная раковина
(культура хохокам)



Украшения из раковин
(культура хохокам)



Женщина сиу в одежде, вышитой бисером



Ваза индейцев зуни



Женщины зуни в праздничных нарядах



Женщина виннебаго за плетением корзин



Женщины папаго за гончарной работой



Корзина для переноски грузов
западных апачей



Куклы-«качины» индейцев хопи



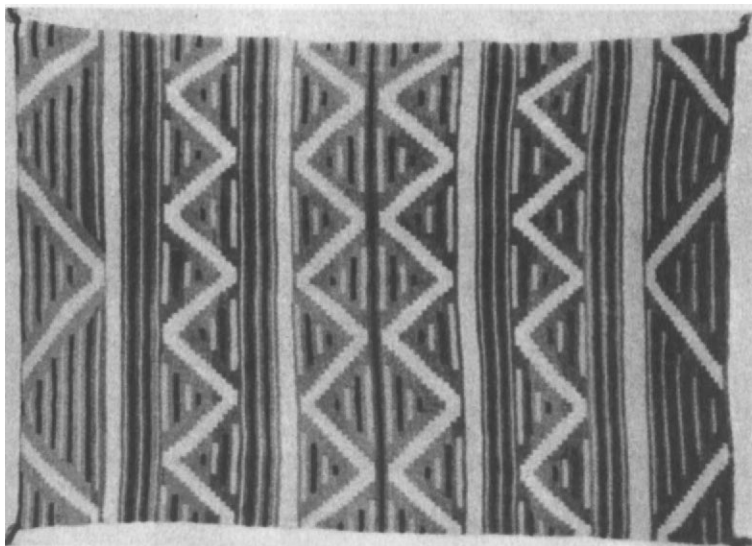
Корзина индейцев пима



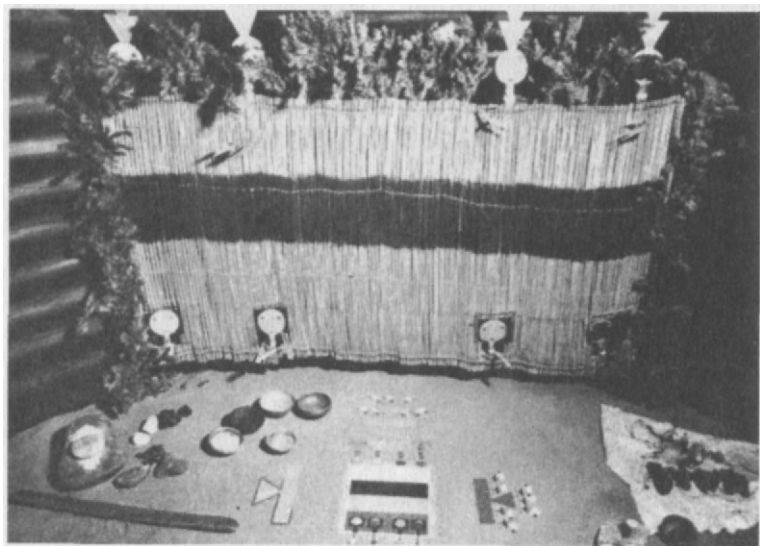
Ткачиха навахо за работой



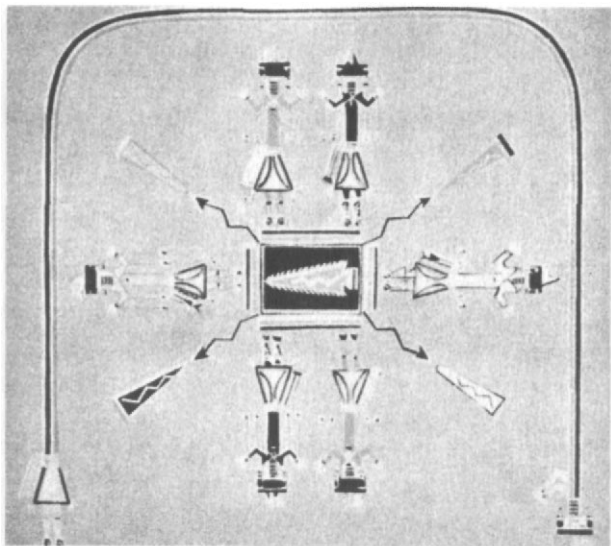
Шаман хопи в костюме для исполнения Пляски качины



Ковер индейцев навахо



Инструменты для выполнения «песчаных рисунков» навахо



«Песчаный рисунок» навахо

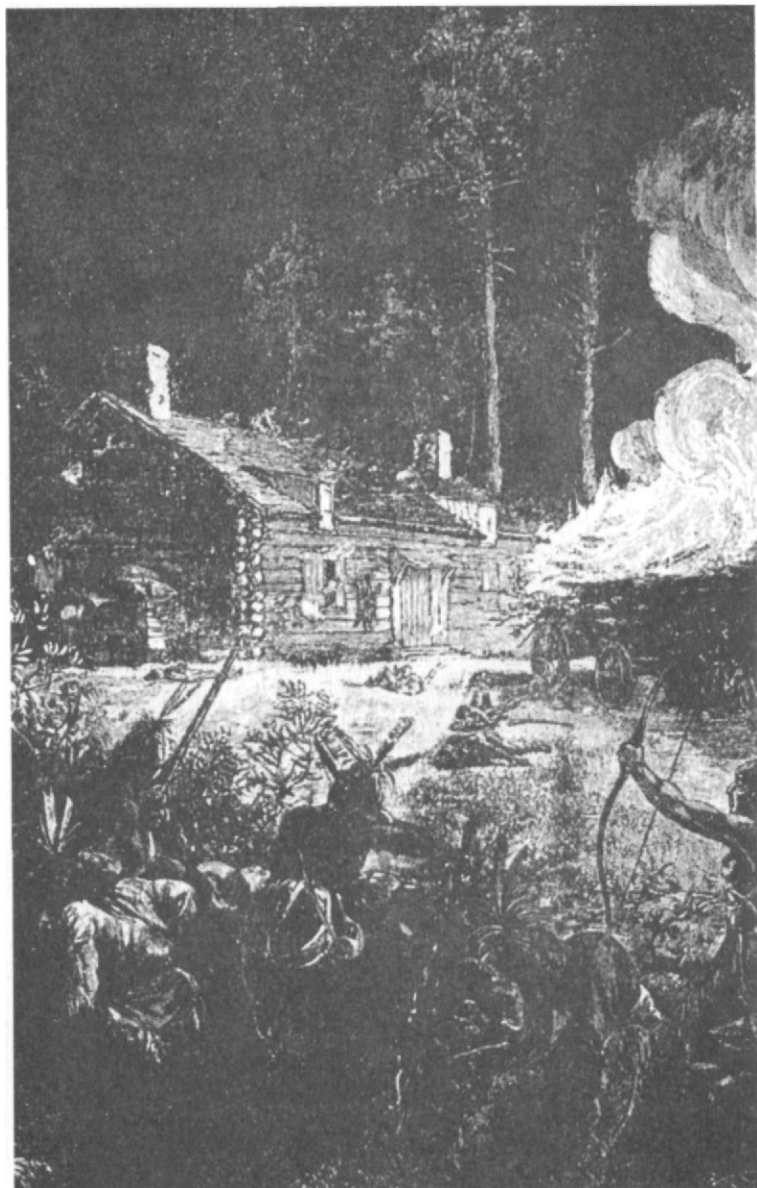


Женщина племени валапаев в узорной накидке

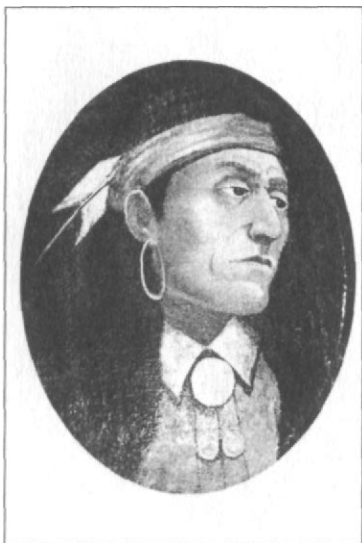


C. Smith taketh the King of Pamunkey prisoner. -1608.

Капитан Джон Смит берет в плен вождя памунков



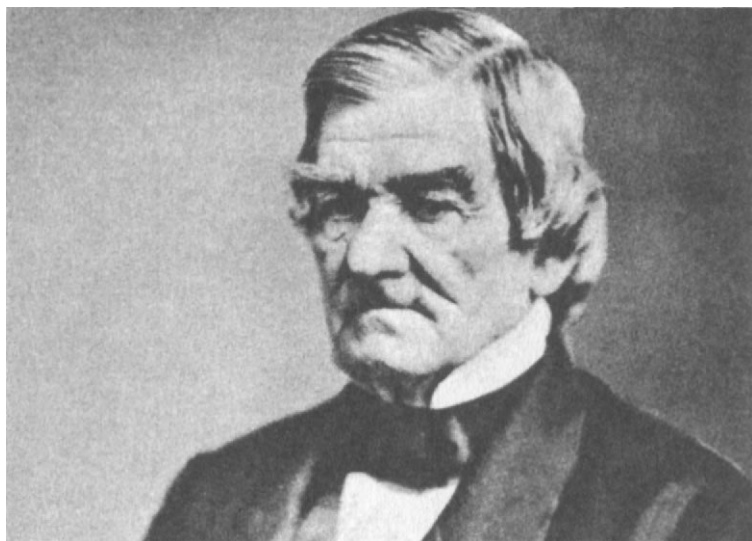
Индейцы нападают на белых поселенцев на заре колонизации Америки



Понтиак, великий вождь племени оттавов



Текумсе, выдающийся воин, полководец и государственный деятель из племени шауни



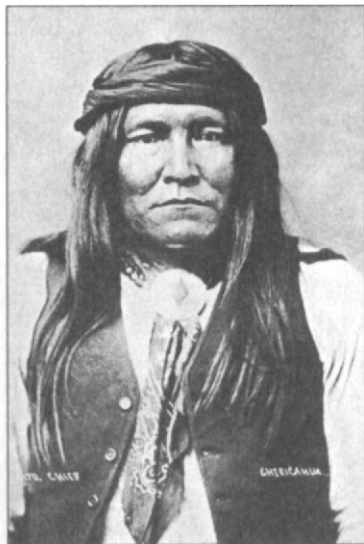
Джон Росс, верховный вождь объединенных чирокских племен



Вождь флоридских семинолов



Оцеола, вождь семинолов, возглавлявший борьбу семинолов за свои права во Флориде



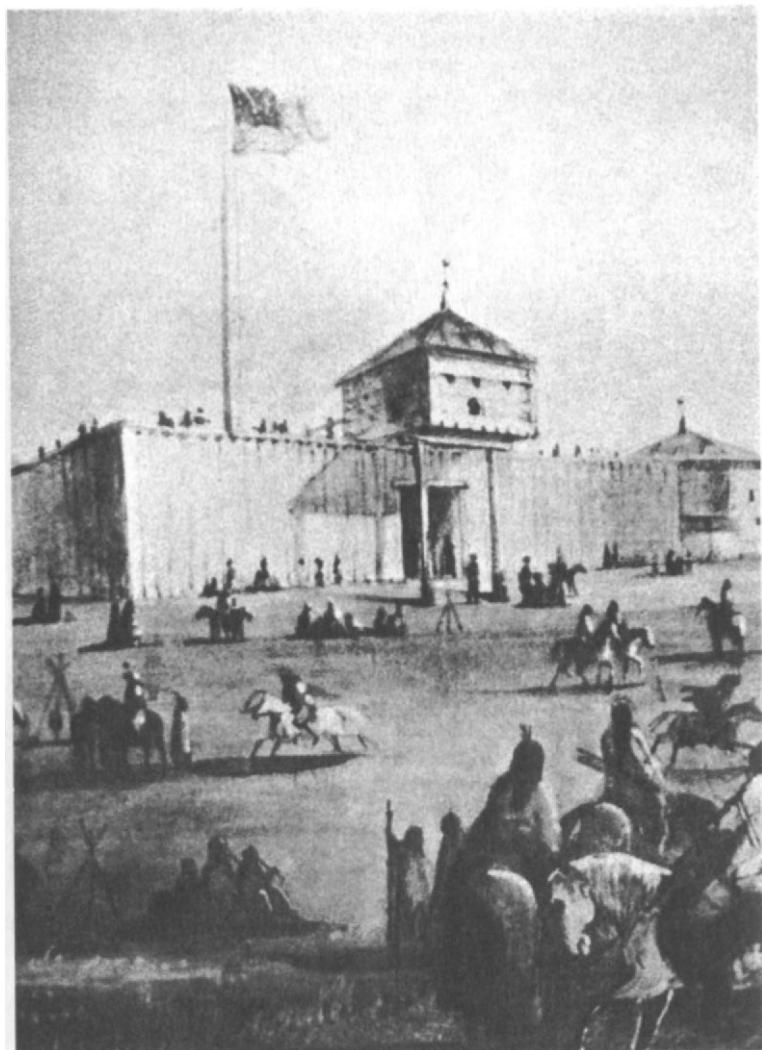
Като, вождь апачей-чирикауа



Куана Паркер, вождь команчей и руководитель конфедерации команчей, апачей и кайовов



Красное Облако, вождь сиу-оглалов



Форт-Лэрэми



Дж. Мейер, американский государственный агент, с группой прославленных воинов тетон-дакота



«Поединок», картина Ч. Шрифогеля; индейцы в бою с американской кавалерией



Сидящий Бык (Татанка-Йотаке), вождь сиу-хункпапов



Джозеф (Химматон-Йалаткит), героический вождь неперсе

Джон Мэнчип Уайт

ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ



БЫТ



РЕЛИГИЯ



КУЛЬТУРА



Джон Мэнчип Уайт, известный историк, подробно описывает быт и обычаи племен североамериканских индейцев. Вместе с автором вы проследите нелегкий путь их кочевья, узнаете о том, как они охотились и возделывали землю, обучали и воспитывали детей, навсегда прощались с сородичами.

Вы познакомитесь с индейцем-воином, ремесленником, вождем и шаманом — хранителем мудрых традиций предков. Без навязчивых упрощений и излишне романтизированного подхода книга Уайта смогла стать для многих по-настоящему интересным и глубоким источником для изучения культурного наследия народа, который, несмотря на все трудности, сумел сохранить свое национальное своеобразие.

ISBN 5-9524-2347-7



9 785952 423473

ЦЕНТРОЛИГРАФ®